

**ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
«КУБАНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»**

На правах рукописи

Парешнева Валерия Олеговна

**КОГНИТИВНО-СЕМИОТИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ
МЕТАФОРЫ В СОВРЕМЕННОМ ФРАНЦУЗСКОМ
ПОЛИТИЧЕСКОМ ГАЗЕТНОМ ДИСКУРСЕ**

5.9.8. – Теоретическая, прикладная и
сравнительно-сопоставительная лингвистика

Диссертация
на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Научный руководитель:
доктор филологических наук
доцент **Грушевская Е.С.**

Краснодар
2023

Оглавление

ВВЕДЕНИЕ	4
Глава 1. Теоретические основания исследования метафор в политическом дискурсе	15
1.1. Лингвистические подходы к исследованию дискурса	15
1.2. Структура и содержание политического дискурса	27
1.3. Базовые концепты политического дискурса	33
1.4. Метафора как объект научного исследования	41
1.4. Метафора в свете когнитивной лингвистики	50
Выводы к главе 1	53
Глава 2. Функциональное пространство политической метафоры в дискурсе французских СМИ	55
2.1. Политическая метафора в структуре текстообразования	55
2.2. Прагматика метафоры в тексте политической статьи	60
2.3. Эмоционально-оценочный компонент в структуре концептуальной метафоры	65
2.4. Структурно-семантический параметр метафорической конструкции	72
2.5. Тактические репрезентации доминантной стратегии персуазивности	76
Выводы к Главе 2.	89
Глава 3. Когнитивное пространство политической метафоры во французском медийном дискурсе	93
3.1. Когнитивная метафора как сложный семиотический знак	93
3.2. Сферы-источники политической метафоры во французской прессе	96
3.3. Структура и содержание концепта <i>guerre</i> «война»: понятийная и оценочно-метафорическая составляющие	112
3.3.1. Понятийная составляющая и фреймирование концепта <i>guerre</i> «война»	114

3.3.2. Метафорическая составляющие концепта <i>guerre</i> «война:	
моделирование, аксиология, семиотика	132
Выводы к Главе 3.	151
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	155
БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК	157

ВВЕДЕНИЕ

Политический медиадискурс представляет собой важнейший аспект современной коммуникации, влияющий на интерпретацию социально значимых событий и формирующий ценностные ориентиры гражданского общества. Исходя из широкого толкования феномена политического дискурса, анализируемые в настоящем исследовании метафорические модели, рассматриваются нами как разножанровые экспликативы политической сферы коммуникации.

Языковое пространство публикаций политической направленности практически всегда характеризуется значительным присутствием аффективных языковых средств, что связано с желанием автора газетной статьи оказать определённое влияние на реципиента, побудить его принять ту или иную оценку, встать на ту или иную сторону, принять ту или иную позицию.

Обладая многоплановостью содержания, метафора имплицитно выступает своеобразным рупором основного смыслового содержания газетной статьи, формируя у читательской аудитории то или иное представление о политической ситуации в стране и мире. При этом не следует забывать, что данное средство выразительности является не только способом передачи необходимой информации и решения манипулятивной задачи, но и способом эмоционального воздействия на аудиторию. Метафора также может быть источником сведений о политике, истории и культуре страны, в которой живёт коммуникатор (отправитель той или иной политической информации), отражать национальную специфику данной страны.

Актуальность настоящего исследования определяется значимостью проблемы кодирования и дешифровки текста политического содержания для современных гуманитарных исследований и обусловлена необходимостью изучения метафоры как одного из значимых способов кодирования текстовой информации как для понимания его эмоционально-оценочного содержания,

так и для доказательства высказанной точки зрения и восприятия всего смысла представленного. Метафора служит способом концептуализации и когнитивной моделью формирования картины мира, т.е. используя метафору, политик формирует у реципиента не только отношение к феноменам объективной реальности, но и саму схему действия с объектами реальности, осмысления их.

Степень разработанности проблемы. Результаты изучения метафоры как способа и схемы обозначения действительности, а также эмоционально-экспрессивного способа ее оценки с позиций разноплановых подходов отражены в исследованиях отечественных и зарубежных ученых (Л.М. Алексеева [1997, 1998, 2002], А.А. Анисимова [2006], Н.Д. Арутюнова [1978, 1990], В.Ю. Апресян [1993], А.Н. Баранов [1991, 1994, 2014], Г.С. Баранов [1992, 1997], Ж.П. Безценная [2007], Д. Бикертон [1990], О.О. Борискина [2017], Э.В. Будаев [2003, 2006, 2007, 2008, 2020], А. Вежбицкая [1990], С.Г. Воркачëв [2001], В.Г. Гак [1998], Л.И. Гришаева [2015], Е.С. Грушевская [2019], Е.С. Гусякова [2013], С.А. Жаботинская [2010], В.В. Катермина [2021], Э. Кассирер [1990], Н.Ф. Крюкова [1988, 1989, 1999, 2000, 2003], И.М. Кобозева [2000], Ю.И. Левин [1965], В.П. Москвин [1996, 1997, 2000, 2006], Е.О. Опарина [1988], В.В. Петров [1988, 1990], М.В. Рассохина [2001], Т.Г. Скребцова [2005], Г.Н. Скляревская [1993], Т.Ю. Тамерьян [2017], Н.А. Туранина [2015, 2017], Т.З. Черданцева [1988], А.П. Чудинов [2012], Ю.В. Цинковская [2010], Е.О. Шибанова [1999], Т.А. Ширяева [1999], Е.В. Шитикова [2002], Л.И. Шрагина [1997], Ю.В. Щурина [2009], Р. Андерсон [1989], Дж. Лакофф [1987, 1991, 2000], П. Рикер [1975], Adam [1976, 1989, 1992], Alvarez [1969], Black [1984], Hester [1966], Kittay [1987], Munkler [1994], Murphy [1996, 1997], Ricoeur [1975] и др..

Прием метафорической номинации как стилистического средства находится в фокусе исследовательского интереса уже более двух тысячелетий. Метафора рассматривается на примере самых различных дискурсов и жанровых типов текста: художественном, политическом,

научном и др. Н.Д. Арутюнова отмечает, что метафорой «может быть назван любой способ косвенного выражения мысли» [Арутюнова, 1990: 136-137]. Её «уникальность заключается в том, что она может выступать как функциональная единица трех пространств: когнитивного, культурного и лингвистического» [Привалова, 2005: 46]. Если в художественном тексте метафора эстетически насыщена и увлекает читателя тем, что позволяет почувствовать самобытность национальной культуры, то в политическом газетном тексте она позволяет автору манипулировать сознанием аудитории. А.П. Чудинов в своих исследованиях выделяет и представляет четыре вида политической метафоры [Чудинов, 2012], каждый из которых играет свою определённую роль в восприятии читателем смыслового содержания информационного сообщения политико-идеологического характера. С.К. Лохова отмечает, что в «сфере политических игр метафора становится одним из самых важных средств воздействия благодаря особенности построения — описанию одного предмета или явления через указание на другой. Возникающие ассоциации и эмоции являются орудием воздействия на предполагаемого избирателя, а, следовательно, на общественное мнение и политическую ситуацию» [Лохова, 2007: 5].

Политическая метафора в лингвистическом и интердисциплинарном ракурсах описывается с 60-х годов XX века. В них она трактуется как механизм когнитивного моделирования действительности [Мингалёва, 2019], как наиболее продуктивное средство формирования вторичных наименований в создании языковой картины мира [Храброва, 2010], как средство формирования мировоззрения личности [Лохова, 2007] и т.д. Специфика метафорического моделирования политической реальности нашла широкое отражение в исследованиях мультимодальности [Бабина, 2015, 2020; Катермина, 2022, 2023; Лату, 2022; Тамерьян, Шаипова, 2022]. Так как метафора является одним из инструментов персуазивного воздействия за счет образно-экспрессивного и аксиологического компонентов значения в процессе передачи сообщений политической тематики, то ее применение и

правильная интерпретации значимы не только в лингвистическом, но и в социокультурном и психологическом аспектах.

Одна из важнейших целей газетного текста политического содержания – вызвать у читателя эмоциональный отклик, заставить его сочувствовать и сопереживать, принимать или не принимать определённую точку зрения. Метафоры способны выполнять оценочную функцию, передавать смыслы, которые не поддаются прямым номинациям. Новым в данном исследовании является рассмотрение семиотических характеристик метафоры и семиотический анализ наиболее частотной в газетной коммуникации концептуальной метафоры «guerre /война/» на примере французского политического газетного дискурса.

Объектом исследования выступает вербализованная метафора как единица, структурирующая когнитивно-семиотическое пространство политического дискурса, и одновременно как стилистический феномен языкового пространства текста газетной статьи.

Предметом исследования являются когнитивно-семиотические характеристики концептуальных метафор как одного из способов кодирования смысла, репрезентированного в сообщениях политического характера, и механизма реализации манипулятивного потенциала публикации.

Цель исследования заключается в выявлении сфер-источников, когнитивных моделей метафоризации, описании базового тактико-стратегического набора их реализации в пространстве французской прессы 2007-2022 гг., а также в демонстрации комплексного описания закономерностей метафорической репрезентации на примере одного из базовых концептов французского политического дискурса – *guerre* «война».

Для достижения цели предполагается решение следующих **задач**:

- 1) уточнить ключевые понятия, содержание и структуру политического дискурса;

- 2) проанализировать имеющиеся в научной литературе подходы к исследованию политического концепта;
- 3) систематизировать знания о метафоре как способе получения, хранения и передачи информации;
- 4) определить теоретико-методологические основы и подходы к изучению политической метафоры;
- 5) выявить и проанализировать прагматику метафорической конструкции в газетной статье политического содержания;
- 6) описать когнитивно-семиотические признаки базовых метафор французского политического дискурса;
- 7) выявить источники-доноры метафоризации в политической коммуникации;
- 8) рассмотреть доминантные стратегии персуазивности во французском газетном политическом дискурсе;
- 9) описать понятийный и метафорический пласты концепта *guerre*;
- 10) составить фрейм-сценарий и описать слоты концепта *guerre*;
- 11) уточнить аксиологические и семиотические компоненты в пространстве французского политического дискурса и в архитектонике концепта *guerre* в частности.

Печатная версия газеты, являясь общедоступным способом распространения сообщений общенационального масштаба и регионального уровня, традиционно является официальным посредником между властью и народом. Это средство массовой информации, сохраняя универсальный доступ к населению страны, получает более широкое распространение за счет электронной версии, что и обусловило выбор данного медийного канала и формата в качестве **материала исследования**. Эмпирическим материалом послужило 560 текстов новостного и аналитического содержания, а также комментарии политического характера, опубликованные во французских печатных изданиях в период 2007 – 2022 гг.: *L'Humanité*, *La Croix*, *Le Figaro*, *Le Monde*, *Les Echos*, *Libération*, *Liberté*, *Paris Match*. Общий объём

репрезентативной выборки составил 1228 метафор. Переводы выполнены автором настоящего исследования.

Теоретико-методологическую базу исследования составляют положения, базирующиеся на взаимосвязи и взаимозависимости языковых, когнитивных, семиотических явлений и реалий политической действительности.

Исследование опирается на теоретические положения и методологические приемы, разработанные в трудах отечественных и зарубежных ученых по общим вопросам теории дискурса, теории метафоры, когнитивной семантики и семиотики, анализа текста и его стилистического своеобразия, специфики индивидуально-авторских метафор: Н.Ф.Алефиренко [2003], Е.Г.Андреевой [2008], Н.Д. Арутюновой [1988], И.Н.Борисовой [1996], М. Блэка [1990], Л.Ю.Буяновой [2006], Р.К. Гарипова [2009], В.З. Демьянкова И.Н. [2002, 2005], В.И. Карасика [2002], Г.В.Колшанский [2005], Н.Г.Комлева [2003], М.Ф.Косиловой [1994], О.А.Кострова [1984, 2004], А.А. Кретьева [2006], Е.С.Кубряковой [1996, 1997], Д.С.Лихачёва [1997], А.Ф.Лосева [1994], Ю.М.Лотмана [1981, 1999, 2000], Е.Н.Лучинской [2013], Э. Маккормака [1990], А.А.Масленниковой [1999], М.Минского [1979], Л.Л.Нелюбина [2007, 2008, 2009], М.В.Никитина [1983], Х.Ортега и Гассет [1990], Е.В.Падучевой [2003], А.Ф.Папина [2002], О.Н.Паршина [2005], Е.Л.Пастернак [2002, 2004], М.В. Пименова [2005], Н.П.Пинежанинова [2011] З.Ю. Петровой [1989], А.Ричардс [1990], П.Серио [1993], Дж. Серль [1990], Ю.С.Соловых [2010], О.А.Солоповой [2006], Г.Г.Слышкина [2000], Ю.С.Степанова [1995], В.Н.Телия [1988], Н.А. Фененко [2006], В.И.Шаховского [1975, 1983, 1984, 1987, 1988] Ф.Уилрайт [1990], А.А.Уфимцевой [2010], Н.Ю.Фанян [2000], Ч. Хоккета [1970], Н.Хомского [1972], Е.А.Цапуры [2008], Е.И. Чекановой [1999], А. Ченки [1997], Е.Т.Черкасовой [1968] , Е.И.Шейгал [1981], У.Эко [2004, 2007] Armengaud [1995], Bally [1976], Barthes [1964, 1970, 1984], Beauvois [1991,

1994], Benveniste [1966, 1970], Bollenger [1979], Richard [1990], Rosch [2022], Rossari [2000], Rossi [2002] и др.

В качестве методологической основы исследования применяются следующие **методы и подходы**: метод сплошной выборки, концептуальный анализ, семантико-когнитивный анализ, семиотический подход, дискурсивный анализ, метод метафорического моделирования, прием фреймирования, контент-анализ, метод контекстуальной интерпретации, классификационный метод, прием статистической обработки данных.

Гипотеза. Метафора, вербализованная в текстах политической направленности во французских периодических изданиях, является одним из способов кодирования оценочного, эмоционального, аргументативного, персуазивного и других типов смыслов, что позволяет ей осуществлять доминантную функцию влияния на сознание читательской аудитории посредством манипулятивного воздействия. Синтетичность семиометафорической структуры допускает ее полиинтерпретативность с позиций социополитического и культурного контекстов.

Теоретическая значимость настоящего исследования заключается в расширении научного знания в области когнитивной лингвистики, политической лингвистики, семиотики, теории коммуникации, генристики, дискурсологии, а также в теории метафорологии, прагмалингвистики, политической лингвистики, лингвокультурологии, дискурса. Результаты исследования представляют определённый интерес для дальнейшего развития проблем, касающихся базовых концептуальных метафор политической газетной коммуникации. Материалы исследования могут быть использованы при изучении закономерностей метафорического моделирования в рамках других видов дискурсов, при разработке алгоритмов описания метафорических моделей, при анализе тенденций развития современного политического дискурса, в понимании языковой концептуализации французского политического пространства.

Практическая ценность: результаты исследования могут быть использованы при работе с газетным текстом политического характера, при создании курсов и спецкурсов по когнитивной лингвистике и политической лингвистике, коммуникативистике, лингвокультурологии, семиотике, теории межкультурной коммуникации. а также при осуществлении стилистического анализа разножанровых текстов. Выводы и материалы работы могут быть использованы в дальнейших исследованиях по проблемам медийного политического дискурса, для описания концептосферы современного французского политического дискурса, при составлении курсов лекций по метафорическому моделированию.

Научная новизна диссертационного исследования состоит в том, что:

- впервые предпринята попытка описания когнитивно-семиотических признаков базовых метафор французского политического газетного дискурса;
- проанализированы структурно-семантические функции метафоры в композиционном формате газетных статей французских СМИ;
- выявлены источники-доноры метафор;
- впервые рассмотрена реализация доминантной стратегии персуазивности во французском медийном политическом дискурсе на основе 11 эффективных тактик;
- впервые обнаружены направления декодирования смысла, составлен фрейм-сценарий и описаны слоты концепта *guerre*;
- описаны сферы-источники концептуальных метафорических моделей концепта *guerre*;
- выявлены аксиологические и семиотические компоненты в пространстве французского политического газетного дискурса и в архитектонике концепта *guerre*, в частности.

Положения, выносимые на защиту:

1. Метафора представляет собой один из видов семиологических знаков, обладающих поликодовым потенциалом, в силу чего метафорические образы эксплуатируют вербальную и невербальную символику семиотического континуума. Ключевыми структурно-семантическими функциями метафоры в композиции статей являются: репрезентация концепта политического дискурса; конденсирование смысла в качестве заголовка, разворачивание аргументативного и доказательного блока статьи; обобщение смысла статьи в форме заключения; экспликация и/или импликация оценки; формирование эмоционального тона излагаемого материала; отсылка к культурной символике. Метафоры в заголовочном комплексе и в основной части статьи наиболее частотны.

2. Концептуальные метафоры рассматриваются как эффективные модели для реализации прагматики персуазивности на основе 11 тактик: *тактика экспликации, тактика объединения, тактика контраста, тактика разъяснения, тактика аргументирования, тактика обещания, тактика обоснования оценок, тактика убеждения, тактика обнадеживания, тактика ценностного ориентирования, тактика демонстрации перспективы*. Источниками-донорами для образования метафорических моделей во французской политической коммуникации являются такие когнитивные области, как: *Животные, Части тела, Природные явления, Погодные явления, Внешний облик человека, Поведенческие реакции, Болезнь, Физическая активность, Психологическое состояние человека, Драгоценные металлы, Музыка и Религия*. Ядро составляет сфера-источник *Животные* (24,7%), околоядерную зону – *Части тела* (16,7) и *Природные явления* (16,1%), что соотносится с древнейшими архетипами мировидения и мироустройства.

3. Сценарная структура базового концепта политического дискурса «*guerre*», выстраивается по следующим направлениям: материальность конфликта: физический или вербальный; локация конфликта: внешний или внутренний по отношению к определенному государству; соотношение

противников: вместе против одного врага или друг против друга; физический или психологический конфликт. Схема анализа базового концепта-сценария французской политической коммуникации «*guerre*» сформирована 10 слотами: *initiator belli* – государство, развязывающее войну; *exacerbation belli* – провокационные действия одного государства против другого; *secondo particeps belli* – второй участник военного конфликта; *causa belli* – причина возникновения военной ситуации; *status belli* – состояние войны; *natura belli* – средства, которыми ведётся война; *finis belli* – это то, ради чего ведутся военные действия и та ситуация, которая складывается в стране по окончании военных действий; *modus belli* – вид, разновидность и формы войны; *results belli* – итоги войны для обоих государств; *effectus belli* – последствия войны для мирового сообщества.

4. Основными когнитивными сферами-донорами для построения концептуальных метафор являются следующие концептуализации войны: *Болезнь, Игра, Спорт, Товарооборот, Природное явление, Преступление, Человек» Катастрофа*. Ядерную зону составляют номены *Преступление* (17,7%) и *Катастрофа* (15,7), околоядерную – *Болезнь* (12,6%) и *Природные явления* (11,3%),

5. Аксиологический пласт метафорической репрезентации войны обусловлен идеологической позицией средств массовой информации. Во французском и русском языках ассоциативные ядра концептов *guerre* и *война* идентичны, что вытекает из общечеловеческих ценностей людей разных национальностей. Ценностные оппозиции «*война – мир*» и «*жизнь – смерть*»/ «*vie – mort*» и «*guerre – paix*» составляют онтологические оппозитивные пары. Вечные проблемы борьбы добра и зла становятся точкой отсчёта в смыслопорождении ценностных ориентиров и в построении духовной парадигмы модели мира.

Апробация работы. Основные результаты исследования обсуждались на заседаниях кафедры французской филологии факультета романо-германской филологии и кафедры общего и славяно-русского языкознания

филологического факультета Кубанского государственного университета, а также излагались в виде научных докладов на научно-теоретических и научно-практических конференциях различного уровня: международная научно-практическая конференция (Краснодар, 2022), всероссийские конференции (Краснодар, 2021; 2022; Майкоп 2021) в Кубанском государственном университете и в Адыгейском государственном университете.

По теме диссертации опубликовано 9 научных статей, в том числе 3 статьи в научных изданиях, рекомендованных Министерством науки и высшего образования Российской Федерации.

Структура работы. Работа состоит из введения, двух глав, заключения и списка использованной литературы (290 источников).

Глава 1. Теоретические основания исследования метафор в политическом дискурсе

1.1. Лингвистические подходы к исследованию дискурса

В середине прошлого столетия ученые, анализируя особенности текстовой структуры, обратили внимание на зависимость содержания текста от внеязыковых факторов, которые обуславливают принципы его построения и выбор конкретных вербальных средств для решения определенной коммуникативной задачи. Идея о том, что при исследовании текста необходимо обращать внимание не только на его организационные особенности, но и рассматривать его как синтез, некое отражение имеющихся у адресата интенций, знаний и взглядов, привело к тому, что в лингвистической науке возникло понятие «дискурс», которое позволило выйти за пределы статичности текста.

На появление исследований и последующее становление как таковой теории дискурса повлиял ряд факторов. Так, во второй половине прошлого века возник интерес рассматривать речь с социокультурных позиций, а именно как общественное событие, выраженное на языковом уровне. Кроме того, в то время активно велись исследования в области прагматики касательно определенных условий, при которых человек применяет различные языковые знаки, а также специфике самого субъективного начала в коммуникативных актах. Помимо этого, ученые были заинтересованы в том, чтобы выйти за рамки предложения и изучать синтаксис за его пределами.

Понятие дискурса активно изучается на протяжении последних десятилетий, так как относится к явлениям междисциплинарного характера. Данный термин был впервые использован американским ученым-лингвистом З. Харрисом в статье «Дискурс – анализ», которая была опубликована в 1952 году [Harris, 1952]. Эмиль Бенвенист также был одним из первых ученых,

наряду с З. Харрисом, кто дал определение понятию дискурс. Исследователь обозначил его как «речь, присваиваемую говорящим», а также противопоставил ему объективное повествование [Бенвенист, 2009: 292].

Стоит сказать о том, что понятие дискурс трактуется достаточно неоднозначно в различных областях языкознания. Данный термин имеет полное право на сосуществование, так как дискурсология представляется сложным, но перспективным объектом исследования в современной отечественной и зарубежной лингвистике. Разнообразие определений данного понятия объясняется не только его сложностью, но и многоаспектностью его описания. Учитывая то, что понятие дискурс имеет множество определений, разработанных различными учеными, в данной работе мы будем придерживаться определения Н.Д. Арутюновой, которая рассматривает дискурс, как «связный текст в совокупности с экстралингвистическими, прагматическими, социокультурными, психологическими и другими факторами», иными словами, как «речь, погруженную в жизнь» [Арутюнова, 1990: 136]. К такой вариативности трактовки данного термина привел не только тот факт, что понятие дискурс используется в самых разных сферах человеческой деятельности, но и также является предметом изучения множества научных дисциплин, таких как литературоведение, этнография, философия, антропология, социология и т.д. Таким образом, возникло несколько подходов к изучению данного понятия. Для начала, следует рассмотреть три базовых подхода: – дискурс, который используется в публицистике. Данный подход восходит к французским структуралистам. М. Фуко считал, что дискурс является сложной и дифференцированной практикой речевой деятельности, подчиняющейся трансформациям и правилам, которые доступны анализу [Фуко, 1977]. Также стоит отметить, что он считается основоположником данного направления; – дискурс, который используется в формальной лингвистике. Может также рассматриваться как дискурсивные понятия, которые вводятся в генеративную грамматику. Представителями этого направления являются

такие ученые как Л. Блумфилд, Ч. Хоккет и Н. Хомский. Дискурс, который используется в коммуникативной лингвистике, они рассматривают как речь, которая вовлечена в процесс общения.

Зарубежные исследования дискурса осуществляются в различных направлениях. Так Дж. Бломмаерт описывает дискурс как живое общение, считая его важным социальным явлением. В одном из своих трудов, он отмечает тот факт, что лингвисты не раз указывали на то, что именно коммуникация, и использование языка в целом, отличает человека от других млекопитающих и вообще остальных форм жизни на нашей планете [Blommaert, 1996]. В данной работе ученый указывает, «язык» животных, также, как и язык человека служит средством общения. Специфику коммуникации у людей отличает наличие языкового знака. В социокультурной среде общение осуществляется при помощи сигналов, соотнесенных с событиями или действиями. А нечленимые речевые структуры ситуативно зависимы.

Т. ван Дейк [Дейк, 1998] отмечает, что дискурс, во-первых, рассматривается как определенный тип социальной области использования языка, например, «спортивный дискурс», исследования которого являются приоритетными в данной работе, «экономический дискурс», «политический дискурс», «военный дискурс» и т.п., тут можно вспомнить, что выделяется два основных типа дискурса: институциональный, к которому и относятся вышеперечисленные виды дискурса, и личностный.

Во-вторых, по мнению ученого, термин «дискурс» используется и более узко – в роли исчисляемого существительного. В таком роде он может быть использован для определения какой-либо конкретной единицы коммуникации (обычно единственной) или же новых сообщений [Там же: 6].

Исходя из всего вышесказанного, можно заключить то, что большинство ученых-языковедов при анализе дискурса, опираются не только на лингвистические факторы, но и также обращают внимание на взаимосвязь между культурными и социальными факторами и самим языком.

Но есть и другие исследовательские позиции. Так, например, немецкий ученый А. Гардт обратил внимание на такие характеристики дискурса, которые связаны именно с языкознанием и непосредственно относятся к нему для того, чтобы найти и понять функциональную и тематическую связь текстов в социальных ситуациях и способах развёртывания и пояснения определённой информации [Gardt, 2007].

Основные принципы дискурс-анализа были заложены в работах таких зарубежных лингвистов, как: Р. Барт, Ж. Бломмарт, С. Россари, З. Харрис. Однако само понятие дискурса все еще остается не четко сформулированным, о чем говорил Т.А. ван Дейк, считая причинами такой «расплывчатости» особенности его формирования и использования, а также то, что ученые еще не определили положение дискурса в категорийной системе языка [Дейк, 1998]. Расхождения в английской и во французской лингвистической традиции связывают также с тем, что слово «discourse» означает речь вообще.

Таким образом, можно отметить, что определение понятия «дискурс» становится междисциплинарной задачей, поскольку этот термин фигурирует не только в лингвистике, но и в философии, социологии и психологии. Так же, как и понятие концепта, дискурс становится неким общим «зонтичным» термином, объединяющим разные гуманитарные науки.

Толкование содержательной стороны дискурса до сих пор является предметом для обсуждений в научных кругах. Объясняется это тем, что данное понятие активно используется учеными из различных областей, таких как социолингвистика, лингвистика, когнитивная психология, психолингвистика, социология.

Первоначально термин «дискурс» использовался для обозначения как таковой коммуникативной деятельности, то есть приравнивался к непосредственному процессу употребления языка в речи. Подобную мысль в своей научной работе выразил известный французский лингвист Э. Бенвенист. Исследуя данный вопрос, он рассматривает речь в оппозиции

историческому повествованию. Так, по мнению специалиста, дискурс представляет собой «всякое высказывание, предполагающее говорящего и слушающего и намерение первого определенным образом воздействовать на второго» [Бенвенист, 2009: 276]. Схожую идею мы встречаем у Н.Д. Арутюновой, чья дефиниция дискурса как речи, «погруженной в жизнь», является, пожалуй, одной из наиболее распространенных в отечественной науке. Как заявляет исследователь, сопоставляя категории дискурса и текста, последний не соотносится с архаичными текстами, поскольку между ними и реальной действительностью отсутствует как таковая связь. Изучая природу дискурса, Н.Д. Арутюнова предлагает сразу несколько определений данного понятия, где в качестве основы выступает либо текст, либо речь. Так, согласно одной из трактовок, дискурс есть «речь, рассматриваемая как целенаправленное социальное действие, как компонент, участвующий во взаимодействии людей и механизмах их сознания (когнитивных процессах)» [Арутюнова, 1990: 136].

Приведенная выше дефиниция вновь подчеркивает важный в природе дискурса аспект: осуществляемый коммуникативный акт обусловлен конкретным преследуемым автором намерением. В рамках подобной речевой деятельности один из участников заинтересован в том, чтобы определенным образом воздействовать на получателя своего сообщения, на его мысли и поведение. Кроме того, как мы понимаем из определения, дискурс исполняет немаловажную роль в процессах, связанных с восприятием, познанием действительности, а значит и в формировании у человека определенной картины мира.

Зачастую, основываясь на определениях дискурса разных ученых, сложно провести четкую линию между понятием текста и понятием дискурса. Так, по В.А. Звегинцеву, дискурс – это «...два или несколько предложений, находящихся в смысловой связи» [Звегинцев, 1980: 13].

В то же время такие ученые, как Е.С. Кубрякова и О.В. Александрова, противопоставляют понятия дискурса и текста, хотя и не абсолютизируют

его, поскольку несмотря на то, что эти понятия взаимоисключают друг друга, эти термины связывают «генетическое родство» [Кубрякова, Александрова, 1997: 19]. Имеется в виду, что нельзя представить себе текст без дискурса, поскольку любой текст основывается на каком-либо дискурсе. Е.С. Кубрякова так же полагает, что в анализе текста и анализе дискурса есть общие черты: это стремление к расшифровыванию скрытых смыслов в тексте и в дискурсе. Однако не будем забывать, что в отношении текста и дискурса последний оказывается более широким понятием.

Дискурс так же рассматривался и в отрыве от текста. Так, ученый Э. Бенвенист рассматривал дискурс как функционирование языка в живой коммуникации, он определял дискурс как речь, которую присваивает адресант [Бенвенист, 2009].

В словаре «Семиотика. Объяснительный словарь теории языка», составленном А. Греймасом и Ж. Куртэ, представлено одиннадцать различных вариантов дефинирования дискурса [Греймас, Курте, 1983: 483-550]. Один только этот факт говорит нам о том, что этот термин вызывает множество вопросов. Прямое назначение термина заключается в удобном оперировании научных понятий. И то, что мы видим в ситуации с термином «дискурс», говорит о том, что его значение и использование само по себе становится проблемой и даже научным интересом в гуманитарном направлении. Но вернемся к словарю А. Греймаса и Ж. Куртэ [Там же]. В нем текст противопоставлен дискурсу и определяется как речевое высказывание, которое актуализируется в самом дискурсе. То есть текст воспринимается как некий продукт, как нечто материальное в языке, в то время как дискурс представляет собой процесс, не подходящий под эти рамки. Здесь мы видим соответствие понимания дискурса с пониманием Е.С. Кубряковой и О.В. Александровой, а также Э. Бенвениста, которые считают дискурс более широким термином [Кубрякова, Александрова, 1997].

Интерес представляет точка зрения Ю.С. Степанова, который связывает дискурс с такими понятиями, как «альтернативный мир», «факт» и

«причинность». Ученый говорит о том, что дискурс существует в текстах, однако он рассматривает дискурс как особый мир, что, несомненно, делает понятие дискурса шире текста [Степанов, 1995].

Текст и дискурс находятся в тесной связи друг с другом. Между тем, данные термины не являются взаимозаменяемыми, поэтому крайне важно четко понимать суть каждого из них. На начальном этапе исследований дискурс рассматривался как «текст плюс ситуация», а текст, в свою очередь, мыслился как «дискурс минус ситуация». Данные понятия полярные по своему характеру, так как первое по своей сути динамично, а второе статично [Бажалкина, 2016: 156].

Известный отечественный ученый Ю.С. Степанов видит дискурс как уникальный метод применения языковых возможностей с характерными особенностями на лексическом и грамматическом уровне, с помощью которого передается мироощущение, образ мыслей народа. Таким образом, данное явление буквально воспроизводит социокультурную и языковую действительность [Степанов, 1995: 38].

Если подходить к дискурсу со стороны процесса, то он является «вербализируемой речемыслительной деятельностью» [Бабаян, 2017: 77]. В том случае, когда дискурс рассматривается с позиции результата, он представляет собой некий комплекс определенных текстов, которые оформились в рамках того или иного речевого акта, иными словами, выступают в качестве продукта. Подтверждение данному подходу можно найти в идеях В.В. Красных, который полагает, что дискурс представлен двумя направлениями, а именно лингвокогнитивным и лингвистическим. Последний имеет непосредственное отношение к языку и выражается набором текстов, которые были сформированы в момент общения, а также рядом определенных вербальных единиц и приемов, которые применялись в процессе речи. Что касается лингвокогнитивного плана, то он, играя ключевую роль в процессах создания и интерпретации сообщений, обращен к когниции, определяя, какие именно ресурсы языка будут задействованы в

коммуникации. Таким образом, первый случай определяет дискурс как результат, в свою очередь, второй – как процесс [Красных, 2001: 201].

В вопросе о соотношении понятий «дискурс» и «текст» следует отметить, что последний представляет собой в некотором смысле продукт, важный элемент дискурсивного процесса, в котором он порождается. Определенное сообщение конструируется в соответствии с конкретными критериями и обстоятельствами, обуславливающими коммуникативную ситуацию. Этот процесс формирования текста, регулируемый неязыковыми факторами, и есть дискурс. В связи с этим данные термины по своей природе не являются равнозначными или взаимозаменяемыми [Чернявская, 2006: 69].

Подчеркнем, что на сегодняшний день большой интерес вызывают исследования дискурса в свете когнитивистики. С этой позиции в центре внимания находятся процессы, связанные с мыслительной деятельностью, познанием мира, особые механизмы, регулирующие функционирование сознания людей, а данное явление мыслится как своеобразный инструмент, участвующий в процессах по производству, трансляции и сохранению знаний.

Данного направления в исследовании дискурса придерживается отечественный специалист В.З. Демьянков. Он полагает, что дискурс является некоторым текстом, который после истолкования, осуществленного со стороны получателя, накладывается, помещается в систему уже имеющихся у него знаний и соотносится с ними. Как отмечает исследователь, вследствие этого процесса формируется определенный «мысленный мир», отражающий особенности наполняющих действительность объектов [Демьянков, 2005: 49-50].

В.И. Карасик, исследуя дискурс в свете социолингвистики, определяет его как «общение людей, рассматриваемое с позиций их принадлежности к той или иной социальной группе или применительно к той или иной типичной речеповеденческой ситуации» [Карасик, 2002: 194]. Мы видим, что

согласно данной трактовке, с одной стороны, дискурс обозначает коммуникацию, которая происходит в рамках отдельной общественной организации, слоя населения и обусловлена его специфическими особенностями. С другой стороны, он подразумевает под собой особые условия и обстоятельства, свойственные для реализации конкретного речевого акта [Карасик, 2002: 194].

По справедливому мнению Г.А. Орлова, дискурс представляет собой определенный вид речи, который воплощается через письменное или устное сообщение, характеризуемое целостностью, законченностью на уровне организации и содержания. Как отмечает ученый, данный речевой продукт может быть различного объема и соответствовать по размерам совокупности двух и более речевых актов или же целой истории, разговору [Орлов, 1991: 14].

На начальных этапах дискурсивные исследования получили свое развитие именно во французской практике. Так, П. Серио, обобщая в своей работе накопленный научным обществом опыт, представляет следующие различные трактовки термина «дискурс»:

- единица, которая превышает объем отдельного предложения;
- явление равносильное термину «речь»;
- определенное влияние, которое оказывает сообщение на адресата, а также обстоятельства его реализации;
- модель высказывания, обусловленная общественными или мировоззренческими установками;
- беседа как главная разновидность высказывания;
- конструкт, используемый для изучения обстоятельств и факторов, необходимых для создания текста;
- различные способы применения единиц языка [Серио, 1999: 26-27].

Итак, резюмируем представленные выше определения понятия дискурса и текста, отметим, что, хотя история изучения дискурса и текста знает полное неразличение этих терминов между собой, на сегодняшний день большинство лингвистических исследований сходятся на том, что понятия дискурса и текста не тождественны друг другу, хотя и достаточно близки с лингвистической точки зрения. Большинство ученых выявляют такие различия, которые можно поделить на две группы. Первое различие заключается в том, что дискурсу присваивается параметр «динамика коммуникации», а тексту – параметр «статика объекта». И другое различие заключается в отношении части и целого: текст считается частью дискурса, поэтому понятие дискурса шире понятия текста.

Важно отметить, что, если понимать дискурс как текст, погруженный в ситуацию общения, то стоит отметить, что с учетом разных взглядов на процесс коммуникации, можно выделить множество измерений дискурса. Прагмалингвистика, к примеру, рассматривает дискурс как интеракцию, как возможность установить и поддержать контакт с собеседником, обменяться необходимой информацией. Психолингвистика рассматривает дискурс как перевод внутреннего кода к внешнему – к порождению речи и ее дешифровки разными типами языковых личностей, которые одно и то же сообщение могут интерпретировать совершенно по-разному. Кроме того, психолингвистика занимается дискурсом как полем для проявления речевых ошибок. Стилистика рассматривает в дискурсе разные регистры коммуникации, выделяя в ней различные жанры устной и письменной речи – такие регистры получили название функциональных стилей. Структурологическое направление лингвистики рассматривает разные сегменты дискурса и обращает внимание на текстовые особенности коммуникации, а именно связность дискурса на внешнем и содержательном уровне, каким образом участники коммуникации меняют темы, какие границы существуют в употреблении дискурса, на какие блоки разбивается дискурс, как общение может быть представлено сразу на нескольких

уровнях. Лингвокультурология рассматривает специфику коммуникации внутри одной культуры, разрабатывая формулы, по которым строятся этикетные модели в общем речевое поведение, лингвокультурология также обращает внимание на концепты, существующие внутри определенной культуры. Когнитивистика изучает дискурс через ментальные схемы, сценарии, фреймы, то есть для этого направления важно рассмотрение схем, по которым сознание представляет себя в общении. Социолингвистика занимается анализом коммуникантов, которые являются представителями определенной социальной группы, а также анализ социокультурного контекста, в котором происходит сама коммуникация. Стоит, однако, отметить, что эти подходы, рассматривая дискурс с самых разных сторон, ни в коем случае не противоречат друг другу, а напротив, дополняют исследования разных направлений, формируя полное представление об этом широком понятии.

Выделяют два основных типа дискурса: персональный (личностно-ориентированный) и институциональный.

Персональный дискурс охватывает речь личностей, их особенности с точки зрения внутреннего мира. Институциональный дискурс относится к внешнему проявлению личности – на уровне ее социального положения или роли. По мнению В.И. Карасика, персональный дискурс подразделяется на: бытовое общение и бытийное общение [Карасик, 2002: 5-20].

Бытовая коммуникация – это общение между уже давно знакомыми участниками коммуникации, ее основная задача – поддержание контакта и решение бытовых задач. Этому типу коммуникации свойственна форма диалога. Основная информация передается при помощи невербальной коммуникации (мимики, жестов). Такой тип дискурса – это первый тип, который осваивает ребенок. Бытовая коммуникация спонтанна, ситуативна, субъективна, в ней часто нарушается логика и структура высказывания. В такой речи на первом месте местоимения и междометия: «– Ну как?» «– Да

ничего», «— А, ну хорошо». Коммуниканты понимают друг друга с полуслова. Большое значение имеют ирония, сарказм, намеки.

Бытийный дискурс несколько отличается от бытового, здесь личность старается проявить свои внутренние качества. Бытийная коммуникация характеризуется полными развернутыми предложениями, она часто монологична и насыщена лексикой различных регистров. Художественные тексты также являются примерами бытийного дискурса. Бытийная коммуникация подразделяется в свою очередь на прямую (смысловой переход, то есть рассуждение, и смысловой прорыв, то есть внезапное озарение, как правило представленное монологом) и опосредованную форму (повествование, характерное больше для художественных произведений, и описание – фиксирование определенных наблюдений и явлений) [Калажокова, 2015].

Бытовой и бытийный дискурс, несмотря на кажущуюся схожесть и то, что они относятся к одному и тому же личностно-ориентированному дискурсу, во многом противоположны друг другу. Тем не менее, важно понимать, что оба они опираются на понимание смысла речи со стороны другого коммуниканта.

Институциональный дискурс – это коммуникация по определенным ролевым моделям общества, по неким правилам, регулирующим отношения между людьми в их статусном понимании. Стоит отметить, что это не окончательный список, он может пополняться и видоизменяться вместе с обществом и его историей. Этот список применим только к настоящему времени и нынешнему обществу.

Коммуниканты, их статусно-ролевые особенности, сама коммуникативная ситуация, цели, ценности, стратегии и тематика текстовых материалов, являются важным критерием, лежащим в основе типологии дискурса. В современной общественно-политической деятельности крайне важную роль играет политический газетный дискурс, в котором происходит «процесс порождения, формирования, развития и функционирования

газетного информационного сообщения политической тематики» [Грушевская, 2002: 8].

Политический газетный дискурс является статусно-ориентированным видом дискурса, потому что он в большей своей степени влияет на сознание и мнение целой группы людей, которые в свою очередь относятся к определенной этнической, социальной или идеологической группе. Для каждой группы в зависимости от его пола, возраста, статуса, национальной принадлежности и культуры будут выделяться определенные, характерные только для нее черты, понятия, образы и ценности в данном политико-идеологическом пространстве.

1.2. Структура и содержание политического дискурса

Язык и политика связаны самым тесным образом. Связь этих двух феноменов доказывает очевидная необходимость использования языка для формирования общественного мнения, для воздействия на массовую аудиторию с целью пропагандистского воздействия.

Так, используя безграничные возможности языка, политические деятели регулируют положение в стране, принимая различные законы и внося поправки в уже существующие акты, налаживают контакты с иностранными коллегами посредством многочисленных встреч, переговоров и конференций, стремятся заручиться поддержкой населения, красочно описывая преимущества своей идеологии за которой, по их мнению, несомненно последует ряд положительных изменений в жизни государства.

Так, размышляя о предназначении политического дискурса, В.З. Демьянков заключает, что «цель – не описать, а убедить, пробудив в адресате намерения, дать почву для убеждения и побудить к действию» [Демьянков, 2002: 37-38]. Таким образом, существование данного вида дискурса сводится к тому, чтобы навязать жителям страны позитивное отношение к власти и побудить к конкретной социальной активности, способствующей

укреплению нынешнего положения власти. Наиболее активную роль в данном процессе играет периодическая печать как самый массовый способ доведения той или иной информации до аудитории. Вся политическая жизнь в стране и все связанные с ней процессы освещаются и осуществляются преимущественно, если не исключительно, через СМИ. Исходя из этого, можно заключить, что средства массовой информации представляют собой главную платформу для проведения игр в погоне за властью.

Специфичность языкового пространства политического дискурса заключается в принципе условности, согласно которому значение каждого понятия может полярно меняться в зависимости от того, кем оно было использовано. Так, попадая в руки к представителям оппозиционных взглядов, та или иная идея будет обретать соответствующие краски и рассматриваться совсем иначе, если ее произнесут сторонники консерватизма.

Как нам известно, фактор массового адресата в исследуемом нами дискурсе обуславливает сам механизм построения речи: политики подбирают наиболее доступные для понимания выражения и формулировки, чтобы донести до населения какую-либо мысль.

По мнению Калажоковой Р.З., политический газетный дискурс направлен на получение обратной связи и ответной реакции адресата. Он характеризуется свободой слова, которая выражается путем специально подобранных лексем. Это ситуативно обусловленный вид дискурса, связанный с конкретным временем и пространством [Калажокова, 2015].

В свою очередь, Хорольский В.В. утверждает, что изучение идеологического подхода политического газетного дискурса предполагает интерпретацию посредством политико-идеологических категорий и идеологический анализ текстов [Хорольский, 2005].

Однако с учетом того, что политический язык является профессиональным подязыком, в нем существует ряд терминов, который простой обыватель, не имеющий непосредственного отношения к данной

области, не в силах истолковать. Возьмем в качестве примера понятие «инкумбент», обозначающее должностное лицо, которое наделяют в преддверии выборов полномочиями главы государства. Так, рядовой гражданин, услышав по телевизору это слово, но не соприкасающийся до этого момента с серьезными политическими вопросами, не обладает необходимой референтной базой, чтобы на ассоциативной основе определить значение данной лексической единицы.

В процессе исследования системообразующих признаков, наше внимание привлекла приписываемая политическому пространству категория театральности, которую, на первый взгляд, трудно сопоставить с данной сферой. Так, заучив текст своих партийных программ, чиновники блистают на политической сцене: как рыцари в средневековых постановках сражаются с «драконами-оппозиционерами», вызывают друг друга на дебаты, словно на дуэль, где вместо пуль стреляют колкими словами в адрес соперника, а иногда, стремясь одолеть своих конкурентов, переигрывают.

Природу политического дискурса определяет ряд следующих признаков. Свойство динамичности связывают с тем, что слою политического языка, отражающему актуальные общественные процессы, присуща переменчивость. Объясняется это тем, что каждый день возникают новые идеологические движения, происходят различные социальные события, наименования которых, например, известные французские «желтые жилеты», и образуют данную область.

Открытость политического дискурса выражается в том, что для контакта с населением привлекаются новейшие информационные технологии и различные каналы коммуникации, а деятельность органов власти прозрачна и принимаемые решения поддаются публичной огласке. Категории эзотеричности, фантомности и фидеистичности, как нам кажется, стоит рассматривать в совокупности, так как все они апеллируют к подсознанию человека и вводят в политический дискурс мотив таинственности.

Следующим этапом в исследовании специфики политического

дискурса является анализ функциональных возможностей данного феномена. Среди множества предложенных специалистами подходов мы остановили свое внимание на тех, что в наибольшей степени отражают природу политического дискурса. Центральную функцию рассматриваемого нами явления определяет тот факт, что политический дискурс, исполняет роль некоего орудия, непосредственного инструмента политической власти, необходимого на каждом этапе: начиная от ее завоевания и заканчивая ее удержанием. Следует отметить, что эта функция представляет собой обширную категорию, исходя из чего, она включает в себя ряд других политически ориентированных обязанностей:

- осуществление власти, подразумевающее упрочнение позиций и авторитета;
- общественный надзор, посредством которого выполняется преднамеренный процесс стандартизации жизни граждан, то есть их взглядов, поступков, эмоционального фона;
- ориентирование, задача которого заключается в том, чтобы создать у населения определенную политическую картину, соответствующую интересам власть имущих лиц;
- акциональность, предполагающая массовое привлечение идеологических последователей и побуждение их к действиям. Подтолкнуть к выполнению необходимого поступка можно не только публичной пропагандой или законотворчеством, но и манипуляцией над аффективной стороной: внушая гражданам доверие, должностное лицо буквально заставляет их отдать свое предпочтение, а значит и голос на выборах, за его политическую программу; порождая на несанкционированном митинге среди народных масс страх к привлечению к уголовной ответственности, власть способна приостановить это протестное движение;
- агональность, которая сводится к урегулированию общественных столкновений и демонстрации недовольства осуществляемой политикой.

Исходя из вышесказанного можно утверждать, что политический дискурс представляет собой речь, сопровождаемую различными экстралингвистическими обстоятельствами, сопряженными с процессом создания речи [Шейгал, 2000]. Как говорилось ранее, у политического дискурса и есть свои уникальные особенности, первая из которых это то, что политический дискурс направлен на цель формирования у слушателей политического сознания [Романов, 2002]. Также в политическом дискурсе процесс коммуникации происходит не между конкретными людьми, а между представителями одного, двух или более различных общественных институтов. Более того, политический дискурс имеет как устную, так и письменную форму. Причем последнюю он получил не так давно, и в современном мире она играет порой первостепенную роль. Если раньше политикам достаточно было владеть мастерством выступления на публике (так называемого «ораторского мастерства»), то теперь им необходимо и грамотно использовать имеющиеся средства массовой информации для продвижения своих идей [Чудинов, 2012].

Подчеркнём ещё раз особенности политического дискурса:

- Основными орудиями политического дискурса выступают убеждение аудитории в своей правоте, чему способствует использование правильных аргументов, что позволяет завладеть доверием и вниманием слушателей.
- Политический дискурс отличает его общественное назначение, то есть внушение определенной группе людей «единственно верных» мнений, убедить и побудить людей совершать те действия и прийти к тем выводам, которые необходимы для политика.
- Использование для получения внимания публики различных языковых средств, так как захватить и удержать внимание и расположение аудитории, опираясь только на «сухие» факты и аргументы, достаточно трудно.
- Упомянутые выше средства могут использоваться для создания

определенного настроения или реакции у аудитории путем придачи политическому дискурсу необходимой эмоциональности или экспрессивности [Плотникова, 2009].

По мнению А.А. Романова, политическая сфера деятельности есть не что иное, как государственное управление обществом, определение форм, задач и содержания органов власти; политические решения основываются на политических дебатах и дискуссиях государственных и общественных деятелей [Романов, 2002]. Поэтому политическая лингвистика, изучающая в качестве своего предмета дискурсию власти в виде конкретного языкового дискурса, дает возможность всем членам социума проследить за тем, как осуществляет себя власть через государственную службу, законы и постановления, какими способами она реализует свои идеи, ценности, оценки, этические и моральные нормы. Отсюда следует, что политический дискурс как предмет политической лингвистики представляет собой совокупность дискурсивных речей, идентифицирующих участников определенного акта политической коммуникации [Романов, 2002].

Суммируя вышесказанное, можно утверждать, что для политического дискурса характерны ориентация на определенную аудиторию, и как следствие, эмоциональность для достижения целей политического дискурса.

В политическом дискурсе для привлечения внимания аудитории используют различные языковые средства. Наиболее яркими языковыми средствами в текстовом материале политического характера являются стилистические средства. В данной работе мы остановимся на одном из наиболее распространенном из них — на метафоре. Метафора, на наш взгляд, является крайне важным языковым средством, позволяющим автору публикации передать как эксплицитно, так и имплицитно свою позицию (политическую, идеологическую, гражданственную, нравственную, мировоззренческую и т.п.). При употреблении в тексте политического содержания метафора работает как маркер политико-идеологического

подтекста газетной публикации, представляя собой особую когнитивную схему, через которую рассматривается реальная действительность.

1.3. Базовые концепты политического дискурса

Разделяя позицию Шейгал Е.И., мы рассматриваем политический дискурс как целостное речевое действие с семиологических позиций. Дискурс характеризуется определенными коммуникативно-функциональными параметрами. Его основная цель не сводится к референции, она направлена на убеждение, пробуждение в адресате намерения, побуждение к действию [Шейгал 2000: 15-16]. Каждому типу дискурса присущи определенные концепты, которые можно назвать дискурсообразующими. Изучение политического дискурса невозможно без осмысления ключевых концептов политической жизни, которые составляют содержательно-тематическое ядро политической коммуникации, формируют семиотическую модель и жанровую структуру данного типа дискурса [Там же].

Концепт – это базовый элемент коммуникации. Концепты представляет собой ключевой фактор, позволяющий интерпретировать текстовое сообщение, так как именно они отвечают за дешифровку смысла сообщения читателем и формирование логических связей при понимании смысла каждого слова. Концепт важен с точки зрения визуализации и когниции, в первую очередь, из-за своей решающей роли в когнитивном понимании и познавательной деятельности вообще. Он выступает в роли культурного, лингвистического, социального, исторического и даже политического фильтра, сквозь который осуществляется восприятие и интерпретация текста реципиентом. Концепт обладает свойствами смежности, взаимодополняемости и взаимозаменяемости. Это его уникальная отличительная черта продиктована в первую очередь психологическим аспектом функционирования и происхождения концепта,

как понятия и явления.

Для определения типа дискурса исследователями предлагаются различные критерии, одним из наиболее важных является рассмотрение и анализ базовых концептов. Для каждого вида дискурса характерно наличие своего набора базовых концептов, составляющих ядро определенной концептосферы. В своей монографии Е.И. Шейгал фиксирует наше внимание на том, что «для политического дискурса центральными являются концепты «власть», «политик» [Шейгал, 2000: 93].

В политической концептосфере, с точки зрения Н.И. Кургановой, «ключевые концепты репрезентируют наиболее актуальные и существенные фрагменты совокупного опыта и знаний, выработанные в том или ином лингвокультурном сообществе в определенный период времени. Следовательно, выделение ключевых концептов газетного дискурса и особенно их сопоставительный анализ на материале разных языков выступает одним из эффективных путей изучения национально-культурной специфики картины мира» [Курганова, 2019: 74].

Прежде чем приступить к рассмотрению базовых концептов политического газетного дискурса, необходимо ознакомиться с определением термина «концепт» и различными подходами к пониманию его структуры.

Как отмечают З.Д. Попова и И.А. Стернин, концепт не имеет однозначного толкования, данная категория «фигурирует в исследованиях философов, логиков и психологов, и несет на себе следы этих внелингвистических интерпретаций» [Попова, Стернин, 2007: 21].

По утверждению Е.С. Кубряковой, концепт представляет собой «оперативную единицу памяти, ментального лексикона, концептуальной системы и языка мозга, всей картины мира, квант знания» [Кубрякова, 1996: 90].

По мнению Ю.С. Степанова, концепт – это «основная ячейка культуры в ментальном мире человека» [Степанов, 1995: 52].

А. Вежбицкая представляет концепт как «объект из мира «идеальное», имеющий имя и отражающий определенные культурно обусловленные представления человека о мире» [Вежбицкая, 2001: 97].

Согласно Н.Ф. Алефиренко, концепт – это «комплексная мыслительная единица, которая в процессе мыслительной деятельности поворачивается разными сторонами, актуализируя в процессе мыслительной деятельности либо свой понятийный уровень, либо фреймовый, либо схематический, либо представление, либо разные комбинации этих концептуальных сущностей. Представления, схемы, фреймы, понятия, гештальты тесно переплетаются как в мыслительной деятельности человека, так и в его коммуникативной практике» [Алефиренко, 2003: 30].

С.А. Аскольдов понимает концепт как «мысленное образование, которое замещает нам в процессе мысли неопределенное множество предметов одного и того же рода» [Аскольдов, 1997: 269].

Р.М. Фрумкина, рассуждая о свойствах концепта, отмечает, что последний является объектом концептуального анализа, смысл которого - «проследить путь познания смысла концепта и записать результат в формализованном семантическом языке» [Фрумкина, 2003: 45].

А.П. Бабушкин, представляя типы концептов в лексико-фразеологической семантике языка отмечает, что «концепты следует понимать как структуры представления и хранения знаний. Это любая дискретная содержательная единица коллективного сознания, отражающая предмет реального или идеального мира, хранимого в национальной памяти носителей языка в виде познанного субстрата. Концепт вербализуется, обозначается словом, иначе его существование невозможно» [Бабушкин, 1996: 29].

Рассуждая о категориях концепта и понятия, В.Н. Телия отмечает, что между ними нельзя ставить знак равенства. С её точки зрения «смена термина «понятие» на термин «концепт» – не просто терминологическая замена. Концепт – это всегда знание, структурированное во фрейм, а это

значит, что он отражает не просто существенные признаки объекта, а все те, которые в данном языковом коллективе заполняются знанием о сущности. Концепты, стереотипы, эталоны, символы, мифологемы и т. п. – знаки национальной и - шире – общечеловеческой культуры» [Телия, 1988: 80].

О связи понятий «концепт» и «картина мира» говорят и авторы «Краткого словаря когнитивных терминов», определяя его как «оперативную единицу памяти, ментального лексикона, концептуальной системы и языка мозга, всей картины мира, квант знания» [Краткий словарь..., 1996: 125]. Концепты наделены свойством национально-культурной специфичности. Ю.С. Степанов отмечает, что концепт – «основная ячейка культуры в ментальном мире человека» [Степанов, 1995: 36].

В курсе лекций по когнитивной лингвистике Т.Г. Скребцова пишет: «Вопросы, связанные с внутренним строением концептов, их этнической спецификой, методикой описания и межкультурного сопоставления, имеют непосредственное отношение к лингвокультурологии. Однако в последние годы в отечественной литературе появилась тенденция причислять изучение концептов к когнитивной лингвистике. Более того, в силу недоступности большинства классических зарубежных трудов по когнитивной лингвистике у отечественного читателя нередко складывается о ней искаженное представление, так что широкая и оригинальная область исследований, известная на Западе под этим именем, фактически сводится к гораздо более узкому направлению, связанному с анализом концептов (точнее, даже подменяется им)» [Скребцова, 2005: 41].

Отметим основные черты когнитивного подхода к пониманию концепта. Попова З.Д., Стернин И.А. отмечают, что «концепт рассматривается как инструмент категоризации ментального мира, который приводит к образованию в системе языка больших организованных участков (синонимические ряды, лексикосемантические поля, лексико-фразеологические поля, лексикограмматические поля, синтаксические синонимы)» [Попова, Стернин, 2007: 89].

Попова З.Д. и Стернин И.А в своей работе «Когнитивная лингвистика» отмечают: «Желаемой, хотя и труднодостижимой целью поисков когнитивной лингвистики» авторы называют «проникновение в концептосферу носителей разных языков. Понимание структуризации концептосферы позволило бы решить многие вопросы о соотношении языка и мышления, а также практические вопросы изучения и преподавания языков» [Там же: 23].

Ссылаясь на Д.С. Лихачева, В.И. Карасик отмечает, что «с позиций когнитивной лингвистики концепт понимается как заместитель понятия, как «намек на возможное значение» и как «отклик на предшествующий языковой опыт человека», т.е. концепт трактуется как индивидуальный смысл в отличие от коллективного, словарно закрепленного значения. Совокупность концептов образует концептосферу данного народа и соответственно данного языка, что имеет непосредственное отношение к языковой картине мира» [Карасик, 2002: 25].

Е.И. Зиновьева отмечает следующее свойство концепта с позиции лингвокультурологии: «Отдельные фрагменты языковой картины мира организуются вокруг «неких силовых» точек, важных для лингвокультуры концептов. Эти фрагменты не являются изолированными, они представляют собой систему пересекающихся множеств, а организующие их концепты в совокупности составляют концептосферу языка» [Зиновьева, 2006: 107].

Историк и культуролог А.Я. Гуревич предлагает следующее деление концептов культуры: «космические, философские категории, которые он называет универсальными категориями культуры (время, пространство, причина, изменение, движение), и социальные категории, так называемые культурные категории (свобода, право, справедливость, труд, богатство, собственность). Ключевые концепты культуры занимают важное положение в коллективном языковом сознании, а потому их исследование становится чрезвычайно актуальной проблемой» [Гуревич, 1984: 182].

Ю.С. Степановым были выделены три слоя в структуре лингвокультурного концепта: «основной, актуальный признак; дополнительный, или несколько дополнительных, пассивных признаков, являющихся уже неактуальными, историческими; внутреннюю форму, обычно вовсе не осознаваемую, запечатленную во внешней, словесной форме» [Степанов, 1995: 36].

Г.Г. Слышкин также является сторонником лингвокультурного подхода, в рамках которого развивает свою концепцию: «ее называют другими словами «ассоциативная модель концепта», согласно которой, свойства концепта проявляются как процесс непрерывной номинации и реноминации объектов, появления новых и утраты старых ассоциативных связей между языковыми единицами и номинируемыми объектами» [Слышкин, 2000: 60].

В.В. Колесов пишет следующее: «смысловое единство концепта обеспечивается последовательностью его «проявления в виде образа, понятия и символа» [Колесов, 1992: 37].

В.И. Карасик так характеризует структурные особенности концепта: «это духовные аспекты, в которых следует выделить, помимо образной, понятийную и ценностную составляющие. Образную составляющую следует понимать как след чувственного представления в памяти в единстве с метафорическими переносами. Понятийная составляющая является совокупностью 52 существенных признаков объекта или ситуации и итог их познания» [Карасик, 2002: 39].

Рассмотрим, как характеризует базовый, центральный концепт В.И. Карасик: «Центральные концепты, образующие основу общественных институтов, обладают большой генеративной силой в том плане, что вокруг них концентрируется обширная смысловая область, для описания которой необходимо составлять достаточно объемный словарь» [Там же: 40].

Я.Ю. Демкина отмечает следующее: «в политических дебатах, в речах политиков концепт «народ», имеющий стереотипные понятия: «поколение»,

«государство», «граждане», «жители», «мужество», «единство», «история», «общенациональное достояние» является инструментом воздействия и привлекает людей на сторону того политика, который подчеркивает важность и приоритет народа для его программы.» [Демкина, 2020: 121].

Н.А. Сокол и О.И. Уланович выделяют следующие концепты, «выступающие универсальными смыслообразующими звеньями и функционально значимыми элементами во всем разнообразии речевых практик политического дискурса - народ, власть, политика (демократия), патриотизм (Россия / Америка), процветание, кризис, президент, солидарность, враг (терроризм)». Авторы говорят о существовании «поливариантных подходов к выделению ключевых концептов политического дискурса, что не исключает факта взаимопреемственности теорий и их взаимодополняемости» [Сокол, Уланович, 2013: 105].

М.А. Филиппова пишет: «особое внимание следует уделить идеологическому концепту «Демократия», анализируя его образные и ценностные характеристики» [Филиппова, 2007: 19].

Е.А. Моргун отмечает: «в качестве дискурсообразующего звена инаугурационного дискурса следует выделить триединство концептов «президент – власть – народ», отмечая их значимость для политического дискурса» [Моргун, 2010: 85].

Е.И. Шейгал описывает в своей монографии «Семиотика политического дискурса» категоризацию двух концептов - «власть» и «политик». В первом концепте автор выделяет «три основных значения, различающиеся уровнем абстракции представления смыслового инварианта «способность, право и возможность к принуждению:

- 1) власть в широком смысле;
- 2) политическая власть;
- 3) конкретные представители политической власти (органы и лица, облеченные властными полномочиями)» [Шейгал, 2000: 94].

Е.И. Шейгал рассматривает содержание понятия «власть» и отмечает, что последняя предстает как «многоликое и многоаспектное явление, проявляющееся в различных сферах человеческого бытия, отсюда и многообразие видов власти: власть организаций, власть церкви, родительская власть, господская власть, административная власть (власть хозяина над рабочим), экономическая, политическая, духовная, военная власть; ветви государственной власти - законодательная, исполнительная, судебная; четвертая власть (пресса)» [Там же: 128].

Лингвист отмечает, что «применительно к концепту «политик» такие виды прототипов, как типичный пример и образец, вербализуются через политические антропонимы, а социальный стереотип и идеал - через развернутое описание и комические номинации политиков. Типичный пример политика соотносится с его социальным стереотипом, а образец соответствует идеалу» [Там же].

Далее автор рассуждает о базовых концептах политического дискурса: «содержательный минимум концепта «Власть» в лингвокультуре составляют компоненты «господство», «право», «способность», «влияние», «контроль», «авторитет». В метафорике власти соединяются два противоречивых образа: механизма и живого существа. В оценочных характеристиках власти преобладает негативная морально-этическая оценка данного феномена. Вербализация концепта «Политик» характеризуется факультативной экспрессивной оценкой, нередко с комической коннотацией» [Шейгал, 2000: 10].

Подводя итог работы, Е.И. Шейгал отмечает: «в содержание научного понятия власть входят такие компоненты как «влияние», «контроль», «авторитет», ассоциативные связи лексемы «власть», выявленные через анализ сочетаемости, показывают, что в массовом сознании власть мыслится как физический объект, имеющий геометрические параметры; объект отчуждаемой принадлежности, способный к самостоятельному передвижению и подвергаемый манипуляциям» [Там же: 279].

Наличие базовых концептов характерно для языковой картины мира любого народа. Различным будет само содержание концептосферы, особенности реализации языковых средств, специфика функционирования тех или иных концептов. Соотношение компонентов также будет проявляться по-разному, в зависимости от процесса исторического развития, фактов изменения значения слова, и других этимологических и лексико-семантических особенностей.

В этом разделе мы попытались рассмотреть особенности концептосферы политического газетного дискурса и пришли к выводу, что ряд авторов выделяет схожие концепты для политического газетного дискурса, но по-разному характеризуют их расположение. Ряд авторов называют центральными в концептосфере данного вида дискурса концепты «политик» и «власть». Другие авторы выделяют такие концепты как «президент», «обращение», «народ». Все подходы, однако, объединяет тот факт, что политическая концептосфера оказывается объединенной категориями исключительно власти, народа и вопроса свободы.

Таким образом, каждый текстовый материал обладает своим набором концептов, которые охватывают доминантное содержание газетной статьи и имплицитно представляют его основное смысловое содержание. В тексте газетного сообщения маркерами базовых концептов нередко выступают метафорические конструкции, которые, привлекая внимание читательской аудитории, имплицитно или эксплицитно номинируют содержательную сторону информации.

1.4. Метафора как объект научного исследования

Начало исследования процесса метафоризации относят к «Поэтике» Аристотеля, где он впервые описал метафору (греч. «перенос») как «способ переосмысления значения слова на основании сходства. Он рассмотрит роль метафоры как средства украшения речи, привнесения в неё нового

знания, способствующего передачи особого экспрессивно-эмотивного отношения, говорящего к передаваемой теме сообщения: «...метафора обогащает речь, привнося в нее нечто новое, до того в ней не содержавшееся» [Аристотель, 2007: 15]. Аристотель утверждал, что метафора «это признак таланта, потому что слагать хорошие метафоры – значит подмечать превосходство» [Там же: 142]. К метафоре обращались многие известные ораторы, указывая, прежде всего, на её способность обогащать речь, делая её более яркой, эмоциональной и привлекательной для аудитории.

В трудах античных авторов – Цицерона, Квинтилиана, Деметрия – и философов Позднего средневековья и эпохи Просвещения – Дж. Лока, Т. Гоббса, И. Канта, Руссо и др. –, акцентировались не только поэтическая, но также языкотворческая функция метафоры.

В отечественном языкознании изучению метафоры посвящены работы целой плеяды лингвистов, среди которых: И. А.Аржанова [2019], Н.Д.Бессарабова [1985], М.Бирдсли [1990], Л.Блумфильд [2010], Е.Д.Бляхер [1989], Е.Ю.Ваулина [1997], С.А.Виноградова [2010], О.И.Глазунова [2000], В.Н.Гридин [1976, 1983], Т.М.Грушевская [2015], Д.Дэвидсон [1990], С.Л.Ерилова [2003], О.П.Ермакова [1997], Г.А.Ермоленко [2001], Р.И.Зарипов [2014], А.Ю.Зенкова [2004], Э.Кассирер [1990], М.Н.Коннова [2007], М.В.Коржова [2001], В.И.Корольков [1968], Л.И.Косогова [1985], А.И.Костяев [2007], О.Н.Лагута [2003], Д.Лакофф [1990], О.В.Ларина [2013], Е.А.Литвинова [2009], Ю.А.Мартынова [2008], Е.А.Медведева [2013], Д.Миллер [1990], М.Л.Новикова [1983], П.Рикер [1990], Э.Ортони [1990], А.Д.Нуретдинова [2011] и др. В особом фркусе их изысканий находится языкотворческая функция метафоры: «Обширнейшее применение в образовании языка имеет метафора, то есть перенесение слова от одного значения к другому по подобию» [Будаев, Чудинов, 2008].

Можно выделить две противоположных взгляда на сущность метафоры. Одни ученые рассматривают метафору исключительно как

дополнительный механизм языка, преимущество поэтической речи, которое служит лишь для создания эстетического эффекта [Арнольд, 2005: 276], другие, начиная с Аристотеля, считают метафору одним из важнейших способов выражения мысли. Трактовка метафоры как средства выразительности менялось с течением времени под влиянием различных факторов, таких, как взгляды на сам язык, философские воззрения ученых, изучающих его и т.д. Первого подхода к метафоре обычно придерживались рационалисты, считающие, что использование подобных средств недопустимо в научной литературе, второй же подход был свойственен философам романтического склада, которые придерживались мысли, что метафора помогает осуществлять познание и является для этого важнейшим, если не единственным, инструментом. Тем не менее, в плане исследовательских открытий метафора: остается недостаточно изученной: «в этой золотой жиле – метафоре – осталось ещё много самородков и самые крупные ещё не найдены» [Петров, 1990: 135]. М. Блэк заявлял: «Мне кажется, что легче прийти к согласию в вопросе о частных случаях, чем об интерпретации понятия метафоры в целом» [Блэк 1990: 155]

Во всех лингвистических изысканиях разделяется мнение о том, что метафора активизирует воображение человека, выражает его эмоции и влияет на оценку высказывания. В связи с этим в современной лингвистике выделяют два подхода к её анализу: лингвофилософский, при котором метафора рассматривается как «средство концептуализации и вербализации» и лингвостилистический, при котором метафора является «средством образности, экспрессивности, средством раскрытия стилистически значимых аспектов содержания» [Дергунова, 2012].

В отечественной теории метафоры метафора как средство образности, по мнению И.В. Арнольд, это – «троп или механизм речи, состоящий в употреблении слова, обозначающего некоторый класс предметов, явлений и т.п., для характеристики или наименования объекта, входящего в другой

класс, либо наименования другого класса объектов, аналогичного данному в каком-либо отношении» [Арнольд, 2005].

В современных лингвистических исследованиях метафора понимается не только как литературный троп, состоящий в переносе свойств и характеристик с одного объекта на другой ввиду их сходства по какому-либо критерию, но и все типы переноса значения слова в целом. Причиной для использования метафоры могут служить предметно-логические связи между двумя сопоставляемыми объектами, которые отражают языковой опыт коммуницирующих [Муминов, 1978: 26].

В соответствии с трактовкой метафоры В.И. Арнольд, мы можем сделать вывод о том, что метафора относит названный объект в тот класс предметов, в который он не может входить согласно какому-либо логическому обоснованию, при этом отвергая ту категорию, к которой на самом деле принадлежит данный объект.

В когнитивной лингвистике под метафорой понимается не столько литературное средство выразительности, сколько ментальные процессы, происходящие в мозге читателя, когда он сталкивается с данным тропом, установление соотношения между языком и мыслительными процессами. С позиции когнитивной лингвистики метафора воспринимается одновременно как смыслопорождающий механизм, запускающий определенные процессы в сознании читателя, и как познавательный механизм, своеобразное средство, при помощи которого в сознании человека могут быть закреплены представления о мире и определенные образы [Алексеева, 1998: 36]. В метафоре можно увидеть всю сложность отношений прообраза и образа. Чаще всего метафорические связи имплицитны.

В каждом языке концептуализированный при помощи метафор мир отражается по-своему, что обусловлено национальными особенностями каждой страны и ее языка.

Метафора всегда основывается на архетипах, заложенных в сознании людей, которые будут различаться в зависимости от культурных и

исторических особенностей государства, в котором они выросли и народа, к которому принадлежат. Метафоры можно назвать своеобразными маркерами языкового и культурного сознания, которые иногда являются уникальными и присущими только одному конкретному языку. Этнокультурные особенности метафоризации действительности находят отражение в языковых номинациях и в стилистике как средства выразительности, используемые в литературных произведениях авторов, принадлежащих к конкретной нации.

Впрочем, универсальные метафоры, построенные на обращении к коллективному бессознательному, схожи во многих языках и культурах. Метафоры могут концептуализировать общечеловеческий опыт и разделяемые ценности, и, таким образом, представлять эквивалентные образования в различных языках.

Поэтическое видение мира автором художественного текста часто реализуется посредством метафор, которые он использует, так как метафора самым непосредственным образом связана с поэтикой [Арутюнова, 1978]. Это высказывание может быть доказано тем фактом, что выбор метафоры автором часто носит произвольный характер, а не подчиняется четким правилам и законам, так как поэзия не может быть предсказуема.

В.Н. Телия выделяет следующие черты, доказывающие непосредственную связь метафоры с поэтическим дискурсом:

- слияние образа и смысла;
- обобщенность значения;
- несводимость к буквальному смыслу фразы;
- допущение различных интерпретаций;
- обращение к воображению читателя, а не знанию [Телия, 1988].

Благодаря тому факту, что метафора неразрывно связана с поэтическим воображением и является одним из основных средств создания образности, она может быть использована в различных сферах искусства. Метафора обладает характеристиками символа, однако есть свойства, которые их

отличают. Самым главным из них является то, что в метафоре мы можем видеть устойчивое значение, тогда как в символе устойчив сам образ. Символ, в отличие от метафоры, может быть изображен, а не только назван.

В современном театре, кино, живописи можно заметить тенденцию к использованию косвенных выразительных средств, и метафора – одно из них. Таким образом, произошел перенос метафоры в изобразительные искусства, что, в свою очередь, изменило само определение метафоры. Изобразительная метафора разительно отличается от своей словесной версии. К примеру, она не способна выйти за пределы определенного контекста либо породить новые смыслы, не может существовать вне произведения, в котором использована. Изобразительная метафора имеет гораздо меньше возможностей, чем метафора словесная, и представляет собой довольно ограниченный образ, приобретающий смысл лишь в контексте произведения.

Говоря о классификации метафор, стоит также упомянуть, что наиболее полно и тщательно метафора изучается в лексикологии и когнитивной лингвистике. Многие лингвисты считают метафору не просто главным средством создания образности, но и употребляют данное понятие как синоним самой образности речи. В лингвистике даже есть такое понятие как «метафорический язык», которое означает «иносказательный, образный язык». Простая словесная метафора часто встречается в художественных произведениях, но также в них можно встретить метафорические образы и развернутые метафоры. Иногда бывает и так, что весь текст целиком представляет собой метафорический образ [Воркачѳв, 2001].

В отечественной и в западной лингвистике существует множество классификаций видов метафор. К примеру, В.К. Харченко наряду с другими отечественными учеными полагает, что основных типов метафоры только два: когнитивная метафора и экспрессивная (или же образная) метафора [Харченко, 1991]. Когнитивная метафора обозначает понятия, которые невозможно выразить в произведении при помощи каких-либо иных языковых средств, и в этом заключается главная причина ее использования.

Экспрессивная метафора придаёт новый смысл уже существующему выражению, служит для придания тексту эстетичности и, в отличие от когнитивной, может быть заменена. Также образная и когнитивная метафоры различаются и по функциональным причинам; когнитивная метафора служит познанию, в то время как образная направлена на представление, видение мира.

Некоторые отечественные ученые выделяют такие виды метафор, как индикативная, экспрессивно-образная и экспрессивно-оценочная. В индикативной метафоре сходство преобладает над тождеством, например, мы можем сравнить коленную чашечку и просто чашечку, так как они схожи по своей форме. Экспрессивно-образная метафора строится противоположным образом; в ней сходству придается вид тождества. И, наконец, в экспрессивно-оценочной метафоре сходство стоит превыше тождества, как и в индикативной, но данный вид метафоры может брать характеристики предметных сущностей для описания не предметных сущностей и оперировать идеальным сходством вместо реального.

Однако основным в лингвистике считается разделение метафор на две большие группы: простые и развернутые метафоры. Как известно, в вопросах стилистики метафоры очень сильно отличаются от обычных слов и к ним необходим иной подход во время исследования. В метафоре неразрывно связаны два значения, образное и буквальное, причем буквальное значение при этом влияет на реципиента имплицитно, не проявляясь в контексте, а образное несет в себе основную смысловую нагрузку. Благодаря этому свойству метафору иногда называют сокращенным сравнением.

Упоминая о делении метафор на простые и развернутые, необходимо еще отметить, что простая метафора состоит из простых сравнений и делится на следующие типы:

- 1) именная метафора, представленная именем существительным;
- 2) глагольная метафора, представленная глагольными формами;

3) метафорический эпитет, который является определением в обширном синтаксическом смысле.

Развернутая же метафора, наоборот, присутствует на протяжении значительного фрагмента текста или всего текста. Она может быть сложной для восприятия реципиента не только из-за количества слов, используемых в ней, но и по своему смыслу, который зависит от дальности ассоциаций. Такой тип метафоры еще называется ассоциативным в лингвистике.

Метафоры также можно разделить на два типа по способу воздействия на адресата, а именно: на анафоры и эпифоры. Анафоры характеризуются тем, что для них главной функцией является экспрессивная, то есть, они воздействуют на воображение реципиента. Эпифоры же апеллируют к интуиции реципиента. Также существует деление метафор согласно когнитивной функции на побочные и ключевые. Побочные дают читателю информацию об одном объекте либо о частной категории объектов, в то время как ключевые метафоры дают представление о картине мира либо о базисной части этой картины.

Также следует упомянуть, что существует классификация метафор согласно выполняемым ими функциям. В этой классификации выделяется четыре вида метафор, а именно:

1. Номинативная. Данная метафора представляет собой непосредственно перенос названия и заключается в замене одного значения другим. Она также может послужить источником омонимии.

2. Образная. Образные метафоры создаются благодаря переходу дескриптивного значения слова в предикатное. Они также служат созданию фигуральных значений слова и синонимов.

3. Когнитивная. Данный вид метафоры способен создавать полисемию и возникает в результате сдвига в сочетаемости предикатных слов.

4. Генерализующая. Она считается конечным результатом когнитивной метафоры и способствует возникновению логической полисемии [Будаев, 2007].

Как наиболее устойчивую следует выделить образную метафору, немного менее устойчивой является когнитивная метафора, а самыми нестойкими считаются номинативная и генерализующая метафоры. Таким образом, можно проследить такую закономерность, что те метафоры, которые наиболее тесно связаны с номинацией, являются наименее резистентными. Это обусловлено тем, что как только метафора переходит к функции номинации, которая является вторичной для данного стилистического приема, она начинает терять семантическую двуплановость, что, в свою очередь, приводит к неизбежной гибели самой метафоры.

Еще одну классификацию метафор можно выделить по тому признаку, что конкретно характеризует метафора, какой предмет, явление или понятие. По данному признаку метафоры делятся на:

1. Индивидуально-авторскую. Этот тип метафоры представляет собой ассоциативную ассимиляцию по субъективным семам.

2. Антропоморфную. Данный тип метафоры заключается в приписывании свойств, характерных лишь для людей, животным или же неодушевленным предметам. Он довольно похож на олицетворение, что подтверждает взаимопроницаемость тропов, о которой мы уже упоминали в предыдущей части нашей работы.

3. Генитивную. Один из компонентов данного типа метафоры употребляется в форме родительного падежа.

4. Зооморфную. Она заключается в том, что человеку или неодушевленному предмету приписываются характерные свойства того или иного животного.

5. Синестезию. Это вид языковой метафоры, в котором происходит ассимиляция чувственных признаков.

Таким образом, основания для классификации метафор и выделения их разновидностей зависят от параметров анализа и, соответственно, заданных целей изыскания.

1.4. Метафора в свете когнитивной лингвистики

Основные направления изучения метафоры сложились в 70-90-х годах прошлого века. В лингвистике существует несколько теорий метафоры и множество классификаций на основе различных параметров. Вопрос о сущностных характеристиках метафоры до сих пор дискутируется. Как уже отмечалось, выделяют «4 направления (или аспекта) исследования языковой метафоры: 1) номинативно-предметное; 2) формально-логическое; 3) психологическое; 4) лингвистическое» [Скляревская, 1993:5].

М. Блэк, кроме рассмотрения метафоры как сравнения предмета или явления со схожим с ним или замещения на основе признакового сходства, ввел параметр: интеракционистских характеристик. С позиций интеракционистского подхода механизм метафоры заключается в том, что к главному субъекту прилагается система ассоциируемых импликаций, связанных со вспомогательным субъектом [Блэк 1990: 168].

Первоначально метафоры-символы порождались как архитипичные представления о мироздании, законах бытия и нормах взаимодействия людей. Основу метафоры и символа составляет образ, однако наполнение символического компонента метафоры далеко не однозначно. Синтетичность семиотико-метафорической структуры допускает несколько интерпретаций с позиций социополитического и культурного контекстов.

Во вступительном очерке А.Н. Баранова к Словарю русской политической метафоры, метафора определяется с теоретической позиции когнитивной лингвистики как «сложный когнитивный феномен, возникающий в результате взаимодействия двух смысловых комплексов – содержания/фокуса/источника и оболочки/фрейма/цели» [Баранов, 1994: 45].

В терминологии М. Блека *фокус* – это слово в выражении, используемое метафорически, а *рама (фрейм)* – это слова или слово, употребляемые в обычном смысле и окружающие фокус [Блэк 1990: 156].

В меньшей степени распространено определение понятия метафоры как вторичной лексической номинации, т.е. характеристика термина как инструмента в рамках гносеологии. Х. Ортега-и-Гассет писал, что: «Метафора нужна нам не только для того, чтобы, благодаря полученному наименованию, сделать нашу мысль доступной для других людей; она необходима нам самим для того, чтобы объект стал доступен нашей мысли. Метафора не только средство выражения, метафора еще и важное орудие мышления» [Ортега-и-Гассет, 1990: 71].

Образы, возникающие в сознании обусловлены психо-физическими особенностями перцепции, памятью, воображением, интуицией, опытом человека. «Метафоры как языковые выражения становятся возможны именно потому, что существуют метафоры в понятийной системе человека» [Лакофф, Джонсон, 1990:390]. Развивая эту мысль, Ш. Балли писал, что «Мы уподобляем абстрактные понятия предметам чувственного мира, ибо для нас это единственный способ познать их и ознакомить с ними других<....>. Метафора – это <...> сравнение, в котором разум под влиянием тенденции сближать абстрактное понятие и конкретный предмет сочетает их в одном слове» [Балли, 2001: 89-90].

Дж. Лакофф и М.Джонсон в рамках когнитивной семантики предлагают теорию концептуальных метафор, которые могут образовывать согласованные концептуальные структуры более глобального уровня – когнитивные модели.

Метафоризация в когнитивном освещении представляет собой взаимодействие двух структур знаний – когнитивной структуры источника (source domain) и когнитивной структуры цели (target domain). Данный процесс предполагает, что отдельные области цели структурируются по образцу домена источника, то есть осуществляется метафорическая проекция

или когнитивное отображение. Когниции в области источника организованы в виде схем-образов – когнитивных структур, постоянно воспроизводящихся в процессе взаимодействия человека с действительностью. Таким образом, новое знание возникает благодаря профилированию некоторых свойств источника, не представленных или скрытых в области цели. Концептуальные метафоры способны образовывать концептуальные структуры более сложного уровня – когнитивные модели, близкие по признаковой структуре к гештальтам.

В научном знании метафора рассматривается как познавательная модель, раскрывающая специфику когнитивных процессов, ее изучение является перспективным в современных исследованиях. На основе положений когнитивной теории метафор Дж.Лакоффа и М.Джонсона Э. Маккормик пришел к выводу о том, что метафору нужно описывать в трех планах: на уровне языка как семантику и синтаксис, на уровне познания и в качестве посредника между человеческим разумом и культурой [Цит. по: Теория метафор, 1990:359].

К числу базисных или онтологических метафор основатели когнитивной теории отнесли такие концептуальные метафоры, как: ВРЕМЯ – ЭТО ДЕНЬГИ, СПОР – ЭТО ВОЙНА, ЖИЗНЬ – ЭТО ПУТЕШЕСТВИЕ, ВРЕМЯ - ЭТО ДВИЖЕНИЕ и др. [Дж. Лакофф, М. Джонсон, 1990: 387-415].

Исследование первичных метафор активизировало изучение метафор в мозговых структурах. Дж. Лакофф предложил нейронную теорию метафоры [Lakoff, 2008:17-38]. Установлено, что отдельные нейроны в мозге образуют нейронные группы, называемые узлами. Между узлами могут существовать различные типы нейронных цепей. В схеме отображения, которая характеризует метафору, наличествует две группы узлов, соответствующих исходному и целевому доменам. Схема между двумя группами узлов соответствует отображениям. В первичных метафорах одна группа узлов представляет сенсомоторный опыт в мозге, в то время как другая представляет абстрактный, субъективный опыт.

Одним из последних направлений в развитии теории когнитивной метафоры является признание, что не только культура выступает в качестве важного вида контекста при формировании возникающих метафор, поскольку выявлена связь между метафорическими аспектами когнитивной деятельности и набором контекстуальных факторов, влияющих на возникновение метафор [Cameron 2003; Semino 2008; Goatly 2007; Kövecses 2010].

Таким образом, метафорический код в совокупности с семиотическим выполняет функцию хранения и транслирования ассоциаций, стереотипов, символов и эталонов национально-культурного сообщества.

Выводы к главе 1

1. Политический медиадискурс представляет собой сложное коммуникативное целое, включающее в себя три основных компонента: автор публикации, эксплицирующий свою позицию и/или позицию издания, оценка и экспрессивная характеристика излагаемых фактов или событий, и читательская аудитория в лице реципиента, направляемая на определенного рода восприятие и интерпретацию получаемого сообщения.

2. Политический газетный дискурс выделяется в отдельное направление в процессе реализации институционального политического дискурса как коммуникативного события, которое протекает по определенным ролевым моделям общества, по неким правилам, регулирующим отношения между людьми в их статусном понимании, и включает кроме высказываний говорящего и слушающего их личностные и социальные характеристики и прочие экстралингвистические аспекты.

Политический газетный дискурс статусно ориентирован, театрален, агонален, динамичен, идеологичен, экспрессивен, манипулятивен, обладает суггестивными характеристиками, жанровой вариативностью и др.

3. Концепт рассматривается нами как базовый элемент коммуникации, ключевой фактор, позволяющий шифровать, дешифровать и интерпретировать высказывание. Дискурсообразующими для политической коммуникации являются концепты *власть, народ, демократия, свобода, президент, право и война*.

4. С позиции когнитивной лингвистики метафора трактуется как механизм смыслопорождения и познания в сознаниях продуцента и реципиента, концептуализируя и фиксируя представления о мире. Метафоризация в когнитивном освещении представляет собой взаимодействие двух структур знаний – когнитивной структуры источника (source domain) и когнитивной структуры цели (target domain).

5. Метафоры служат маркерами культурно-языкового сознания, вместе с тем универсальные метафоры, построенные на обращении к коллективному бессознательному и его архетипам схожи во многих языках и культурах. Метафоры как эквивалентные когнитивные образования в различных языках концептуализируют общечеловеческий опыт и разделяемые ценности. В медийном тексте политического содержания метафора выступает как конденсированное содержание и особая форма политико-идеологического смысла публикации, репрезентируемая через особую когнитивную схему, посредством которой описывается реальная действительность.

5. Общность метафоры и символа проявляется на основе образа. Синтетичность семиометафорической структуры допускает ее полиинтерпретативность с позиций социополитического и культурного контекстов.

Глава 2. Функциональное пространство политической метафоры в дискурсе французских СМИ

2.1. Политическая метафора в структуре текстообразования

В данной главе концептуальные метафоры рассматриваются как инструмент политической аргументации через призму синергии темы сообщения, стратегического арсенала автора, идеологической позиции издания, проводящего позитивную и негативную оценку событий и их участников, а также риторической функции концептуальной метафоры в композиционной структуре текста статьи, обусловленной задачами и мотивами автора.

Политика – это власть, и одним из основных инструментов, с помощью которых политики выражают власть, является язык, посредством которого передаются и закрепляются в массовом сознании идеологемы правящих партий и представителей государственного управления. В государственных администрациях существуют специальные консультативные отделы, разрабатывающие стратегии имидж-мейкинга и технологии персуазивности, в том числе с применением суггестивных механизмов. Консультанты, а также специалисты по СМИ и связям с общественностью продвигают и внедряют разработанные политтехнологические продукты в медийную политическую коммуникацию.

Концептуальная метафора является одним из наиболее продуктивных средств воздействия на общественные взгляды, путем соединения сферы политики с другими областями когнитивно-языковой картины мира человека.

Таким образом, главной задачей политического медийного дискурса является манипуляция общественным мнением, то есть формирование у огромной читательской аудитории того или иного отношения к определённым событиям, фактам, политическим и общественным деятелям. Для реализации этого процесса коммуникаторами используются, прежде

всего, разнообразные вербальные средства. Метафора принадлежит к числу наиболее выразительных и, как показывает анализ, довольно частотных языковых средств в политической публицистике. Основываясь на сходстве предметов и опираясь на скрытое сравнение, метафора действует ассоциативно, вызывая у читательской аудитории ряд ассоциаций, направленных на формирование определенного мнения относительно той или иной информации.

В тексте газетного сообщения политического характера метафора выполняет несколько функций. Она передаёт тематику сообщения, обозначая тем самым затрагиваемую автором проблематику статьи, вызывает определённые эмоции, провоцирует возникновение у аудитории того или иного оценочного отношения к представленным в публикации сведениям, доказывает сказанное, концептуализирует основной смысл сообщения и т.д. Композиционная позиция метафоры в тексте статьи может быть различной: она озаглавливает то, что будет представлено далее в тексте статьи (название), либо являет собой итог сказанного (заключение), либо аргументирует информацию (основная часть). Таким образом, метафора представляет собой своеобразный когнитивно-семиотический комплекс, концентрирующий основные смыслы сообщения.

Каждая из функций, выполняемых метафорой в текстовом материале политической тематики, представляет собой тот или иной код, дешифровка которого позволяет аудитории не только понять смысл представленной информации, но и способствует её дальнейшему переосмыслению, что представляет собой как своеобразную реминисценцию к уже известным политическим фактам, связанным с представляемой информацией, так и прогнозирование дальнейшего развития зафиксированного и отраженного автором газетной информации политического факта, события или явления.

Наличие обозначенных функций метафоры (введение информации, концептуализация основного смысла сообщения, обозначение определённой эмоции статьи и номинация оценки информации на фоне употребления в

определённом её сегменте), позволяет говорить о своеобразной композиции метафорической конструкции, включающей в себя семантику, прагматику и синтаксис.

Таким образом, можно выделить основные структурно-семантические функции метафоры в жанровой композиции статей, репрезентирующих политическую коммуникацию:

- ❖ Когнитивная метафора репрезентирует концепт политического дискурса;
- ❖ Когнитивная метафора конденсирует смысл статьи, выступая в качестве заголовка:
- ❖ Когнитивная метафора разворачивает аргументативный и доказательный блок статьи;
- ❖ Когнитивная метафора обобщает смысл статьи, выступая в качестве заключения;
- ❖ Когнитивная метафора эксплицитно или латентно выражает оценку и эмоциональный фон излагаемого материала.
- ❖ Когнитивная метафора отсылает к культурной символике.

Каждый из обозначенных параметров выполняет свою особую функцию в содержательно-композиционной структуре статьи, создавая тем самым своеобразный коммуникативный контакт автора статьи со своим читателем, когда автор не просто пытается донести информацию до получателя, а пытается установить диалог с читателем. Подобный прием позволит автору войти в доверие к получателю и свободно высказывать свое мнение относительно той или иной информации политического характера, что приведет практически к её стопроцентному усвоению.

Дополним вышесказанное рядом факультативных функций метафоры в тексте политической тематики.

Когнитивная метафора, вербализованная в тексте газетной статьи, может концептуализировать не только её основное смысловое содержание, но также актуализировать другие темы информационного сообщения.

Особенно это касается тех материалов, в которых метафора употреблена в заголовке. Примером может служить следующий заголовок газетной статьи:

“L’Iran ferme-t-il la porte à toute nouvelle négociation?”.

Пер.: «*Закрыл ли Иран дверь перед возможностью новых переговоров?*». (*Le Monde*, 05.06.21)

Предваряя информацию об отказе Ирана участвовать в переговорах, автор статьи задаёт вопрос о возможности его участия в дальнейшем диалоге по обсуждаемой теме. Использованная коммуникатором метафора «закрыть дверь переговорам» позволила коммуникатору не только имплицитно обозначить тему отказа Ирана участвовать в проходящих переговорах, но и поставить под сомнение его участие в возможном будущем диалоге.

Следующая метафора представляет неодушевленный предмет, как нечто, способное думать и чувствовать.

“Le Soleil a connu une colère qui aurait probablement provoqué une irradiation mortelle des astronautes”.

Пер.: «*Солнце дало выход гневу, который мог повлечь за собой гибель астронавтов*».

Солнце здесь представлено, как живое существо. Общеизвестно, что солнце представляет собой наиболее распространённую метафору-символ.

Метафорический оборот, внося в текст экспрессивность, позволяет автору сообщения обозначить тему и/или проблему, которая подвергается обсуждению. Так, например:

“L’Allemagne n’a pas enterré le projet pour autant”. (*L’Humanité*, 02.11.20)

Пер.: «*Германия пока не похоронила проект*» (*L’Humanité*, 02.11.20).

Автор статьи мог бы сказать: «Германия пока не отказалась от проекта», однако с помощью метафоры «похоронить» он более ярко и экспрессивно говорит о том, что Германия пока ещё думает о том, чтобы продолжить работу над совместным проектом. Данная метафора позволила

автору статьи не только номинировать тему совместного проекта России и Германии, но и имплицитно представить информацию о нём.

Крайне интересными представляются метафоры из сферы музыки:

“Les doux souvenirs de l' «ère Eltsine», lorsque les soviétiques d'outre-mer se sentaient à Moscou comme les chefs d'orchestre du Kremlin bouleversé, vivent encore.” (L’Humanité, 20.03.21)

Пер.: «Все еще живут сладкие воспоминания «эпохи Ельцина», когда заокеанские советские чувствовали себя в Москве дирижерами расстроенного кремлевского оркестра». (L’Humanité, 20.03.21)

Данная фраза содержит несколько метафор: *Les souvenirs vivent // живут воспоминания* (до сих пор помнят о том, как нам жилось прежде), *Les doux souvenirs // сладкие воспоминания* (как приятно вспомнить то, как было раньше), *les soviétiques d'outre-mer // заокеанские советские* (наши русские люди, которые живут в Америке), *orchestre du Kremlin bouleversé // расстроенный кремлёвский оркестр* (команда президента России, которая не единомышленна в своих мнениях), *l' «ère Eltsine» // эпоха Ельцина* (время, когда страной руководил Б.Н.Ельцин), которые в своей совокупности и номинируют концепт данного фрагмента, и, следовательно, концепта всей текстовой информации: представление современного положения России.

С точки зрения оценивания использования метафорической конструкции в том или ином сегменте публикации было проанализировано 560 полных текстов газетных статей, в которых выявлено 1228 метафорических конструкций, что позволило оценить частоту использования метафоры в определённой части корпуса статьи. Данные представлены в Таблице 1.

Таблица 1.

Функционально-статистическое распределение метафор в текстах газетных публикаций

Структура и основные составляющие газетной	Количество текстовых	% использования
--	----------------------	-----------------

статьи	фрагментов	
Заголовок газетной статьи	446	36,3 %
Вступление	382	31,1 %
Корпус основного текста газетной статьи	216	17.6%
Заключение	184	15%

Анализ показал, что в каждой из 560 рассмотренных газетных статей политической направленности есть метафорическая конструкция. Количество метафор (1228), используемое в корпусе основного текста газетной статьи (446), значительно превышает их использование в других ее составляющих. Далее по степени частотности употребления следует метафора в заголовочной позиции (382). Наименее частотна метафора во вступительной (216) и заключительной (184) частях текста, так как более значительную роль играют другие структурно-синтаксические составляющие, такие как вопросительный знак, восклицательный знак, многоточие и т.д., позволяющие автору статьи заставить задуматься о прочитанном и продолжить размышление на предложенную тему.

2.2. Прагматика метафоры в тексте политической статьи

Как уже было отмечено выше, большую роль в публицистических текстах играют метафоры, они делают текст выразительнее и привлекают внимание читателя, воздействуют на него своей образностью. Принято считать, что метафоры в газете отличаются своей «избитостью», «шаблонностью», поскольку публицистический текст рассчитан на массового читателя. В нашем исследовании мы рассмотрим, какие метафоры используются в газетных статьях нового электронного формата и как они помогают воздействовать на читателя, убеждая его в том или ином мнении.

В политической сфере метафора может использоваться для разрешения множества проблематичных ситуаций. Она помогает выйти из кризисных ситуаций, с которыми политики могут столкнуться в результате своей деятельности. Стоит также отметить, что те метафоры, которые связаны с предметами, то есть предметные метафоры, зачастую становятся материалом для создания визуальных карикатур на высказывания, содержащие подобную метафору. В подобном случае, подобная визуализация является признаком метафоры как неопределенного феномена, который благодаря возможности множественных интерпретаций может порождать не только карикатуры, но и новые метафоры.

Функциональный потенциал политической метафоры крайне разнообразен. Безусловно, не все функции метафоры, на наш взгляд, выходят в политическом тексте на передний план. Трудно сказать, какая из функций метафоры первична, а какая отходит на второй план, какая представляется более важной, а какая не является основной. Используя в текстовом материале метафорическую конструкцию, автор информации политического характера выбирает ту её функцию, которая в его представлении ярко, полно и аргументативно передаст ту мысль, которую он хочет донести до читательской аудитории.

Политическая публицистика задействует метафорические модели для переноса оценки понятия-источника к понятию-цели. Можно встретить такие метафорические выражения как нефтяные войны, политическая капитуляция, штаб оппозиции, нападение на свободную речь и так далее [Бартминьский, 2005: 23].

Таким образом, можно подвести итог, что метафоры можно классифицировать исходя из их планов содержания, контекста и функционирования. Также, эти параметры можно как сочетать друг с другом при проведении метафорического анализа, так и рассматривать их по отдельности.

Метафора выполняет в газетном тексте множество разных функций. Одна из самых главных из них – образная, так как по сути своей метафора является скрытым сравнением, основанным на схожести или различии двух объектов. Метафоры также могут нести оценочное значение, более детально отображающими суть описываемого объекта и вызывающими у читателя должный эмоциональный отклик. Разные ученые выделяют разные функции метафор, к примеру, лингвист Э. МакКормак выделяет три основные функции, которые метафора может выполнять в текстовом материале:

1. Информативная. Данная функция отвечает за адекватность передачи информации, заложенной в сравнение и понимание данного сравнения реципиентом. Также к ней относится понятие интенсификации того или иного признака описываемого объекта и степень адекватности данной интенсификации. Например: «Le territoire est devenu le théâtre de deux guerres destructrices». Эта метафора взята из статьи, опубликованной в газете «La Croix» и посвящённой теракту, совершенном уроженцем Чечни. Речь идёт о территории Чеченской республики. Автор статьи пишет, что она стала «театром двух разрушительных войн». Театр военных действий также является устоявшимся выражением, означающим площадь или «сцену», на которой разворачиваются бои. Включает в себя и сушу, и воздушное, и водное пространство участников конфликта.

2. Образная. Данная функция заключается непосредственно в кодировке обычного значения описываемого объекта, в результате которой создается тот или иной образ. Например: “Costume gris et cravate bleue du roi”. Эта метафора была найдена в газете Le Figaro. «Серый костюм и голубой галстук, как у короля». Подобное предложение обращает внимание адресата на изысканный выбор Франсуа Олланда, бывшего главы Франции. Это номинативная метафора с ярко выраженной образной функцией. Она апеллирует к воображению читателя и заставляет его визуализировать образ президента.

3. Символистическая. Эта функция отвечает за воссоздание неполных метафор из символов в текстовом материале, опираясь на особые знаки и эмоциональные переживания. Данная функция служит для того, чтобы реципиент правильно расшифровал послание автора и уловил настроение, заложенное автором в тот или иной момент повествования [МакКормак, 1990: 358 – 386.].

В то же время лингвист М. Блэк уверен в том, что функций у метафоры не три, а четыре. Он признает указанную МакКормаком образную функцию, но еще выделяет три не рассмотренные его коллегой функции метафоры:

1. Оценочная. Отметим, что метафоры могут быть частью оценки, которую автор дает тому или иному объекту или политическому деятелю.

2. Эмоциональная. Данная функция служит для передачи отношения автора к описываемому объекту, ситуации или политическому деятелю. Она отличается от оценочной тем, что отвечает не только за характеристику, которая с помощью метафоры дается личности или ситуации, но и за эмоции, которые данное описание вызывает у реципиента.

3. Экспрессивная. Данная функция усиливает выразительность описания и, соответственно, также усиливает эмоциональный отклик реципиента [Black 1979 :19-45].

При этом стоит упомянуть, что функции, выполняемые метафорой в текстовом материале, часто взаимно дополняют друг друга и не могут быть отделены друг от друга. Отечественные лингвисты также выделяли различные функции метафор, к примеру, В.К. Харченко утверждает, что метафоры в тексте обладают девятью основными функциями:

1. Номинативная. Данная функция позволяет слову обзаводиться новыми переносными значениями и предотвращает необходимость появления множества новых слов. Иными словами, эта функция отвечает за полисемию слова. Эту функцию труднее всего сохранить при переводе метафоры на другой язык, к примеру, английское выражение “the eye of the needle” по-русски будет звучать как «ушко иголки», то есть, дословного

перевода не получится. Таким образом, происходит смена исходного объекта в сфере источнике, но смены семантического кода не происходит, он тем не менее сохраняется.

2. Информативная. Эта функция подразумевает возможность метафоры передавать нужную информацию реципиенту, причем делать это образно.

3. Мнемоническая. Данная функция выражается в том, что метафора, в силу своей образности, может поспособствовать лучшему запоминанию информации. Как уже было упомянуто выше, метафоры несут в себе эмоциональную окраску, вызывают отклик у реципиента, а, следовательно, способствуют запоминанию сведений о представляемой ситуации или личности, так как информация, связанная с эмоциями и чувствами, усваивается лучше.

4. Стилеобразующая. Метафоры способны создавать уникальный авторский стиль, придавать текстовому материалу особую окраску.

5. Текстобразующая. Метафоры могут быть не краткими, а развернутыми и мотивированными. То есть, любая метафора может быть продолжена и должным образом разъяснена на дальнейших страницах произведения. Такие развернутые метафоры усиливают описываемый образ;

6. Жанрообразующая. Она может быть замечена тогда, когда метафоры в произведении способствуют созданию определенного жанра.

7. Эмоционально-оценочная. Если МакКормак отдельно рассматривает эмоциональную и оценочную функцию метафоры, то Харченко В.К. объединяет их в один пункт, полагая, что они неразрывно связаны между собой. Данная функция одновременно вызывает у реципиента эмоциональный отклик и выражает отношение автора к представляемой ситуации или личности.

8. Конспирирующая. Эта функция отвечает за способность метафоры засекречивать истинный смысл высказывания при помощи символов и переноса значения.

9. Игровая. Метафора может быть использована в комическом смысле, явиться формой языковой игры [Харченко, 1991].

Следует также упомянуть, что базовыми функциями метафоры в рамках риторики является эмоциональное воздействие и моделирование действительности. Таким образом, можно сделать вывод, что главной функцией метафоры является не только усиление образов, описываемых в текстовом материале, но и создание новой картины в воображении реципиента, нового образа. Из-за своей специфики метафора не может быть использована во многих сферах коммуникации, а также в научных работах. Применение метафоры в вопросах, которые требуют получения точных и недвусмысленных ответов тоже невозможно.

2.3. Эмоционально-оценочный компонент в структуре концептуальной метафоры

Практически любое событие, любой факт или явление ведет к проявлению эмоций. Такие формы человеческих настроений и переживаний, как радость, страх, удивление, злоба и др. и относят к эмоциям. Практически любой поступок человека влечёт за собой то или иное ощущение, настроение, эмоцию. П.К. Анохин отмечал, эмоции – это «физиологические состояния организма, имеющие ярко выраженную субъективную окраску и охватывающие все виды чувствований и переживаний человека – от глубоко травмирующих страданий до высоких форм радости и социального жизнеощущения» [Анохин, 1984: 173]. Человек как существо социальное, интеллектуальное, эмоциональное подвержено различного рода переживаниям и чувствам.

Существует специальная наука (эмотиология), занимающаяся изучением вербализации, выражении и коммуникации эмоций. Данная наука представляет огромный интерес для лингвистов, предпринимаются

различные попытки раскрыть сущность эмоционального состояния человека, влияние тех или иных факторов на речестроение.

Человек – это живое, социальное существо, а не робот, лишенный всяких чувств, эмоций и переживаний, язык же – единственная форма самовыражения человека и вполне логичным представляется тот факт, что язык и эмоции неразрывны, так как человек не может отключить, заставить замолчать часть своей природы. Конечно, эмоции выражаются не только на вербальном уровне. Наши жесты, выражение лица, глаз, поза, расположение в пространстве, поведение передают наше эмоциональное состояние, но они являются лишь вспомогательными средствами, так как трудно представить ситуацию, в которой речь человека оставалась бы беспристрастной, в то время как его жесты выражали бы все эмоции. Таким образом, вербальное и невербальное поведение в рамках конкретной ситуации совпадают (речь в данном случае идёт о выступлениях политических деятелей).

Если сравнить выражения, используемые для передачи гнева, и вербальные средства передачи радости, восторга, то можно четко проследить различные способы их реализации в языке. Также эмоции не могут существовать отдельно от субъекта, что представляется логичным, так как эмоции присущи именно человеку и не могут быть выражены без его личностного восприятия и участия. Здесь же необходимо отметить, что формы и модели выражения эмоций неоднородны в различных языках. Это связано прежде всего с тем, какие нормы и табу существуют в том или ином языке.

В процессе разговора человек не может оставаться отрешенным, равнодушным, он в любом случае рефлексировывает, проводит услышанное через свой когнитивный аппарат и формирует к этому какое-либо отношение, которое потом переходит в речь.

Эмоция и оценка тесно связаны между собой и представляют собой своеобразный ключ к определённому толкованию информации относительно того или иного политического события, факта, явления или личности.

Объектом оценки, как уже было отмечено, могут быть самые разнообразные и всевозможные политические эпизоды и объекты реальной политической действительности, отраженные в тексте. Иными словами, в газетном тексте политического содержания автор оценивает представляемые им события и факты, даёт оценку политическим лидерам, их поступкам, действиям. Оценочный параметр текста как бы задан априори контекстом сферы общения, и исследователю только остается выявить весь арсенал языковых средств, выражающих его в данном информационном материале. Он может предопределяться также как целеустановкой самого газетного издания, которая уже заранее прогнозирует его оценочную доминанту, так и политико-идеологическим настроением автора газетного материала.

В исследованиях эмоции и оценки текста отправным моментом является сам текст как языковое явление. Исследователи исходят из особенностей построения содержательной, структурной и прагматической сторон текста, из тех особенностей, которые отличают текст от предложения и других языковых единиц. Как отмечают исследователи, несмотря на то, что оценочная сетка текста определяется теми же факторами, что и оценочная характеристика предложения, а именно: включением в его состав различных конститuentов оценочности, его оценочная доминанта зависит прежде всего от лингвистических факторов, присущих только тексту как единице высшего уровня.

Характер оценки в тексте также варьируется в зависимости от его функционально-стилистической направленности. Так, в художественных текстах оценка имеет в основном этико-эстетический характер и проявляется в таких категориях эстетики, как хорошо / плохо, добро / зло. В научном тексте оценка, в целом, выступает как мера или степень обоснованности знания, как истинного, так и ложного. В политическом газетном тексте оценка выступает своеобразным актуализатором содержательного плана информации, влияя на сознание масс и формируя убеждение аудитории в определенной политико-идеологической позиции.

Различаются оценки и по критериям. Каждая коммуникативная сфера устанавливает свои критерии оценочности, на которые опирается автор, создавая определенный текст. Если в художественном тексте критерии оценки не обязательно эксплицируются, то в научном тексте авторская оценка, как правило, обосновывается. В газетном тексте политического содержания оценка определяет весь информационный фон текстового материала, будучи нацеленной на борьбу за аудиторию.

Исследованию оценочного компонента текста посвящено немало работ. Так, О.В. Донскова к параметрам оценки [Донскова, 1987] относит ее напряженность (степень эмоциональности авторского отношения к происходящему) и ее объем (количество модально-оценочных значений в тексте). Однако трактовка напряженности оценки как степени эмоциональности авторского отношения делает невозможным использование данных параметров оценки для анализа исследуемой категории в газетных текстах политического содержания. С этой точки зрения нам представляется интересным и продуктивным исследование З. Горделий, которая группирует все составляющие текстовой оценки в параметры ее описания в тексте и, таким образом, выделяет следующие текстовые параметры оценки: 1) диапазон оценки (спектр оценочных значений и их различные комбинации в тексте); 2) способ и степень выраженности (интенсификация и экспрессивность) оценки; 3) иерархия точек зрения (вариативность точек зрения). На данные параметры оценки в тексте, на наш взгляд, можно опираться при анализе любого типа текста и, прежде всего, газетно-публицистического.

Сказанное выше позволяет делать вывод о том, что оценочность хотя и является обязательным признаком любого текста, в тексте имеет явно выраженную функционально-стилистическую ориентацию, так как задается спецификой коммуникативной ситуации, в которой происходит общение, прагматическими правилами построения текста и реализуется в тексте

системным функционированием разноуровневых единиц, характерных для данного типа текста.

Наиболее частотным средством передачи оценки в газетном текстовом материале политического содержания является метафора. Именно она позволяет автору сообщения передать оценку не в своем прямом виде, а искусно завуалировав при помощи переноса на другой предмет, сравнения, аллюзии на другое событие или явление, позволяя, таким образом, читательской аудитории расшифровать посыл и понять, что за этим кроется, что обусловило употребление данного языкового средства.

Изучение выражения оценки на материале политического дискурса является крайне актуальным, так как в политическом дискурсе наиболее полно отражаются проблемы и кризисные моменты в общественно-политической сфере, которые всегда связаны с текущими событиями в обществе и мире. Использование языковых единиц с оценочной коннотацией является тем самым маркером политико-идеологического анализа информации, который показывает результат и отношение к представляемому автором публикации как рупора отношения властных структур к тому или иному событию, явлению, новости. Базовыми показателями оценки являются два противоположных полюса впечатления от информации: положительный и отрицательный, каждый из которых может быть представлен целым рядом языковых единиц и структур, несущих в себе основополагающий элемент фундаментальных понятий положительности и отрицательности. Рассмотрим каждое из обозначенных ключевых показателей восприятия представляемого.

Положительная эмоционально-оценочная характеристика.

В ходе анализа выделялись метафоры и метафорические конструкции, с помощью которых очевидно создаётся положительная оценка какого-то события и явления в выступлении. При этом, в связи с тем, что анализируемые текстовые материалы различаются по степени официальности, выбранные стилистические единицы различаются по

степени формальности – а значит, и по выбору лексики, необходимой для выражения позитивной оценки события или явления.

В качестве позитивной оценки в составе метафорической модели нередко используются прилагательные: *mature, responsable, mal à l'aise, sincère, sincère, chaud, créatif, juste* /зрелый, ответственный, непростой, сердечный, искренний, горячий, созидательный, справедливый и др. Например: *une démocratie mature* /зрелая демократия/, *une puissance responsable* /ответственная держава/, *une souveraineté créatrice* /созидательный суверенитет/, *un large soutien* /широкая поддержка/ *un soutien enthousiaste* и т.д.

Не менее важны и глаголы – *prouver, défendre, défendre, augmenter, surmonter, définir, choisir, renforcer* /доказывать, отстаивать, защищать, увеличить, преодолеть, определять, выбрать, укреплять – все они имеют положительную коннотацию и подразумевают определённый достигнутый результат. Например: *défendre la démocratie, renforcer l'immunité, surmonter la guerre, augmenter la croissance* /отстаивать демократию, укреплять иммунитет, преодолеть войну, увеличить рост/ и т.д.

Для усиления эффектов воздействия глаголов в политической информации нередко используются наречия – убедительно, решительно, твёрдо, уверенно, высоко (в значении «возвышенно»), остро. Таким образом подчёркивается та положительная оценка, которая уже дана с помощью глаголов.

В области существительных выделяем в метафорических конструкциях следующие лексические единицы с положительной коннотацией: *intérêts, souveraineté, volonté, confiance, préoccupation, unification, développement, soutien mutuel, cohésion, unité, solidarité, consolidation* /интересы, суверенитет, готовность, уверенность, забота, объединение, развитие, взаимоподдержка, сплочённость, единство, солидарность, консолидация/. Например: *créer la volonté, protéger la solidarité, élargir les soins, renforcer la cohésion, lutter pour le développement, augmenter le soutien mutuel, prendre soin de l'unification, la*

convivialité et la courtoisie soulignées /создавать готовность, беречь солидарность, расширить заботу, укреплять сплочённость, бороться за развитие, увеличивать взаимоподдержку, заботиться об объединении, подчеркнутая дружелюбность и вежливость/ и т.д.

Нередко в газетных сообщениях используется значительное количество статистических показателей – уменьшение в такое количество раз, увеличение на такое-то количество процентов, если говорится о положительных событиях или явлениях. С помощью этих данных также создаётся положительная оценка происходящим в стране событиям.

Трудности, которым можно дать негативную оценку, чаще всего в текстах политического содержания представлены с позитивной оценкой – *ils deviennent plus forts, se rallient, réveillent la force de l'esprit, ouvrent la voie aux hauteurs les plus difficiles et forcent à montrer leurs qualités les plus fortes* /они делают сильнее, спланивают, пробуждают силу духа, открывают путь к самым сложным высотам и заставляют проявить свои сильнейшие качества/.

Отрицательная эмоционально-оценочная характеристика.

Следует отметить, что политики в своих выступлениях довольно часто прибегают к использованию просторечных, разговорных выражений, поскольку это помогает снизить дистанцию между представителями власти и народом, это средство «вхождения в массы», установление контакта, сближения.

Для нас особый интерес представляют языковые инструменты отрицательной оценки в политическом газетном дискурсе. Обычно источником эмоций являются негативные события общественной жизни, недовольство определенными решениями, действиями правительства и политиков, осуждение имиджа политических деятелей, их действий и поступков.

Отрицательная оценка может выражаться различными способами: от отрицательных определений (*économie parasitaire*/ паразитическая экономика) и глаголов с негативной семантикой (*détruire les retraités, gonfler*

le peuple / уничтожать пенсионеров, надувать народ) до открытых оскорблений (*idiot, museau, vulgaire, ordures, cafards, vautours, salauds* / идиот, морда, пошлятина, мрази, тараканы, стервятники, мерзавцы).

Таким образом, в современном политическом дискурсе существует тенденция использовать стилистически заниженные слова и выражения, которые дают отрицательную оценку представляемому факту, явлению или политическому деятелю.

Примером может служить следующая фраза, дающая отрицательную оценку французской партии Национальное республиканское движение:

“Mouvement National Républicain est un char, pas une charrette...” (Le Monde, 23.09.19)

Пер.: «Национальное республиканское движение – танк, а не телега». (*Le Monde, 23.09.19*)

Использование лексической единицы *char* «танк», несущей в своей семантике тяжелую машину, которая всё сметает на своём пути, несёт в себе отрицательную оценку, представляя партию Национальное республиканское движение, как нечто тяжеловесное, не поддающееся никаким убеждениям, преследующее лишь свои принципы и идеи.

2.4. Структурно-семантический параметр метафорической конструкции

Таким образом, можно выделить основные структурно-семантические функции метафоры в жанровой композиции статей, репрезентирующих политическую коммуникацию:

- ❖ Когнитивная метафора репрезентирует концепт политического дискурса;
- ❖ Когнитивная метафора конденсирует смысл статьи, выступая в качестве заголовка:

- ❖ Когнитивная метафора разворачивает аргументативный и доказательный блок статьи;
- ❖ Когнитивная метафора обобщает смысл статьи, выступая в качестве заключения;
- ❖ Когнитивная метафора эксплицитно или латентно эксплицирует оценку и эмоциональный фон излагаемого материала.

Каждый из обозначенных параметров выполняет свою особую функцию в содержательно-композиционной структуре статьи, создавая тем самым своеобразный коммуникативный контакт автора статьи со своим читателем, когда автор не просто пытается донести информацию до получателя, а пытается установить диалог с читателем. Подобный прием позволит автору войти в доверие к получателю и свободно высказывать свое мнение относительно той или иной информации политического характера, что приведет практически к стопроцентному усвоению информации.

Когнитивная метафора, играющая доминантную роль в смысловой структуре текста, может располагаться в любой его части, начиная от заголовочной структуры и заканчивая последним предложением текста. Композиционные части текста выстраивают логику изложения, обеспечивая целостное восприятие всего текста определенно жанра политического дискурса. В соответствии с композиционной дистрибуцией когнитивная метафора в каждой из указанных структурных частей текста выполняет определенную коммуникативную задачу.

Таким образом, архитектура газетного сообщения политического характера представляет собой его членение на различные текстовые фрагменты, единство которых и создаёт как целостность содержания статьи, так и цельность того смыслового пространства, которое представляет текстовый материал. Доминантным композиционным элементом любой газетной публикации выступает её заголовок, предваряющий содержание информации, настраивающий аудиторию на восприятие той информации, которую представляет текстовый материал статьи и влияющий на выбор

аудиторией того или иного газетного сообщения для знакомства с ним. Использование метафорической конструкции в заголовке статьи может не только привлечь внимание читательской аудитории к той или иной газетной публикации, то есть выступить в качестве эллиптической конструкции интригующего характера, но и выполнить любую другую функцию: аргументативную, информационную, оценочную, тематическую и т.д.

Например: “*Hollande sait qu'il ne peut pas **promettre la lune***”

Пер.: «Олланд знает, что не может обещать луну» (*Le Monde*, 03.04.17)

Здесь метафора «*promettre la lune*» или «пообещать луну/золотые горы» означает пообещать сделать что-то невыполнимое, слишком большое, ценное. Данная метафора позволяет автору сразу раскрыть весь смысл статьи: речь пойдёт о Франции, о президенте Франции Франсуа Олланде, о его обещаниях и невозможности все их выполнить. Использование метафоры в заголовке текстового материала нацеливает реципиента на определённую тематику информации и, безусловно, на заложенную автором публикации оценку и эмоцию всего информационного пространства.

Употребление метафорической модели в основной части статьи, которая является базовой частью композиционной структуры, позволяет автору публикации выполнить множество функций: дать оценку представляемому, обозначить дополнительную тему или проблему, аргументировать то, о чём шла речь в информационном сообщении, настроить аудиторию на тот или иной материал, подготовить к той или иной информации, настроить на ту или иную эмоцию.

Например: “*Mouvement National Republicain est un char, pas une charrette...*” (*Le Monde*, 23.09.19)”

Пер.: «Национальное республиканское движение – **танк, а не телега**». (*Le Monde*, 23.09.19)

Данное предложение, представляющее собой яркую метафорическую конструкцию, выполняет несколько функций:

- тематическую: чётко называет тему дальнейшей информации (в статье речь идёт о партии Национальное республиканское движение, партии крайне-правого толка);
- оценочную: партия Национальное республиканское движение представляет собой мощную партию, которая решительно и напористо добивается своих целей.

Синтаксическая организация противительной метафорической конструкции формируется за счет использования союза *pas* «а», основное значение которого – это противопоставление. Таким образом, в анализируемом высказывании выстраивается оппозиция по мощности, способу передвижения и сферам использования средств продвижения к цели (*un char– une charrette/* танк – телега), актуализирующая символику танка как боевой бронированной машины, обладающей высокой мобильностью, и телеги.

Довольно часто метафорическая конструкция используется автором в заключительной части статьи, подводя тем самым итог представленному сообщению. Использование метафоры в последнем абзаце или нередко в последнем предложении текста делает информационный материал ярким, нацелевая аудиторию на дальнейшее размышление по поводу предложенной информации. Т.М. Грушевская отмечает, что «заключительный сегмент текста /тезисно-резюмирующий сегмент/ представляет собой релевантное по отношению к заявленной теме заключение посредством постановки новой проблемы, требующей решения и рассмотрения уже на новом этапе осмыслений» [Грушевская, 2002: 14]. Таким образом, метафора в итоговом сегменте текста нацелевает аудиторию на дальнейшую рефлексию по поводу той оценки политической ситуации (факта, явления) и того эмоционального фона, которым пронизана вся текстовая информация. Примером может служить заключительный абзац статьи, посвящённой причинам возникновения протестного движения в арабских странах:

“Le feu du Printemps arabe s'est apaisé, mais la question se pose si cela va durer pour longtemps?” (L’Humanité, 20.03.19)

Пер.: *«Пожар Арабской Весны затих, но вопрос в том, надолго ли?» (L’Humanité, 20.03.19)*

Использование вопросительной конструкции после метафорического означивания события побуждает реципиента поразмышлять над представленной ситуацией.

Основная информативная функция СМИ в современном информационном обществе меняет характер своего воздействия, приобретая манипулятивную функцию. Метафора выступает одним из инструментов манипулятивного воздействия на аудиторию. Активное использование метафор в политическом дискурсе обусловлено их способностью влиять практически на каждый этап решения проблем в политической сфере: понимание проблемной ситуации, поиск ее решений, оценка альтернатив и выбор варианта.

2.5. Тактические репрезентации доминантной стратегии персуазивности

Концептуальные метафоры рассматриваются как эффективные модели для реализации функции персуазивности. В современном мире сложно представить себе человека, оторванного от дискурса средств массовой информации. Это и главный источник информации о последних событиях, и главный инструмент для воздействия и формирования определенной картины мира у читателей, слушателей и зрителей. СМИ на сегодняшний день представлены в различных форматах, каждый из которых имеет свою аудиторию. До недавнего времени принято было полагать, что телевидение потеснило остальные виды СМИ, такие как: радио, газеты, журналы, - однако в действительности они просто получили свое развитие в других форматах. Так радио на сегодняшний день заменяют «подкасты», которые можно

скачивать в интернете - они, как правило, выпускаются в виде отдельных выпусков. А газеты и журналы заменяют электронные версии с платной подпиской, также во всемирной сети. При этом стоит отметить, что ряд известных изданий успешно продолжают свою деятельность в области медиа. Они выпускаются и в бумажном, и в электронном виде. Эти СМИ помогают людям разобраться в сущности событий, происходящих в мире, уже не один век. Их комментарии всегда имели весомость – не зря прессу называют «четвертой властью». Действительно, воздействие газет и журналов на читателей нельзя недооценивать. Не изменились ли инструменты этого воздействия с приходом электронной эпохи?

Формат печатного издания и страницы сайта очень отличаются друг от друга. Например, в печати важна верстка и расположение статей и фотографий на печатном листе, кроме того в печатной газете также важно уместить написанный текст на странице, в том числе заголовки, которые во французском языке, как известно зачастую теряют артикли и служебные части речи. У электронного формата свои особенности – в нем нет лимита на количество печатных символов, и расположение фотографий не составляет проблемы, однако поскольку такие статьи могут читаться и с экрана персонального компьютера, и со смартфона, и с планшета, где верстка неминуемо будет теряться, на первый план выходит текст статьи.

Исходя из вышесказанного можно утверждать, что политический дискурс представляет собой речь, сопровождаемую различными экстралингвистическими обстоятельствами, сопряженными с процессом создания речи [Андреева, 2008]. Как говорилось ранее, у политического дискурса есть свои уникальные особенности, первая из которых это то, что политический дискурс направлен на цель формирования у слушателей политического сознания [Арутюнова, 1990]. Также в политическом дискурсе процесс коммуникации происходит не между конкретными людьми, а между представителями одного, двух или более различных общественных институтов. Более того, политический дискурс имеет как устную, так и

письменную форму. Причем последнюю он получил не так давно, и в современном мире она играет порой первостепенную роль. Если раньше политикам достаточно было владеть мастерством выступления на публике (так называемого «ораторского мастерства»), то теперь им необходимо и грамотно использовать имеющиеся средства массовой информации для продвижения своих идей [Гарипов, 2009].

Далее, мы выделили несколько особенностей политического дискурса:

- Основным орудием политического дискурса выступает убеждение аудитории в своей правоте, чему способствует использование правильных аргументов, что позволяет завладеть доверием и вниманием слушателей;

- Политический дискурс отличает его общественное назначение, то есть внушение определенной группе людей «единственно верных» мнений, убедить и побудить людей совершать те действия и прийти к тем выводам, которые необходимы для политика;

- Использование для получения внимания публики различных языковых средств, так как захватить и удержать внимание и расположение аудитории опираясь только на «сухие» факты и аргументы достаточно трудно;

- Упомянутые выше средства могут использоваться для создания определенного настроения или реакции у аудитории путем придания политическому дискурсу необходимой эмоциональности или экспрессивности [Апресян, 1993].

Суммируя вышесказанное, можно утверждать, что для политического дискурса характерна ориентация на определенную аудиторию, и как следствие, эмоциональность для достижения целей политического дискурса.

Лингвопрагматическая стратегия персуазивности включает набор, риторических тактик, а также других языковых и неязыковых средств и приемов коммуникации на французском языке для оказания воздействия на принятие электорального решения адресатом.

Теория убеждения впервые появилась ещё в античные времена, когда важную роль играла риторика – наука, которая обучает ораторскому искусству. Именно убеждение является конечной целью красноречия. В античности знаменитыми мастерами убеждающей речи были Аристотель, Цицерон, Квинтилиан. Они искусно умели использовать точные аргументы для убеждения аудитории.

Новый интерес к риторике как науке появился в 60-х годах XX века. В это время Е. Коппершмидт предложил термин «персуазивная риторика» [Герасимова, Новоселов, 2003: 9].

В настоящее время персуазивность актуальна в достаточно молодой науке прагмалингвистике, которая в наши дни занимает центральное место в лингвистике. Именно она положила начало теории речевых актов. Основоположниками данной теории являются Л.И. Витгенштейн и Дж. Остин и Дж. Серль. Они предложили рассматривать общение с точки зрения интеракции двух участников: адресата и адресанта. Отсюда возникла идея о речевом воздействии, которое выражается в психологическом влиянии субъекта действия на объект действия. Такое воздействие может осуществляться через убеждение. Данный метод может быть реализован через логические доказательства, упорядочивание фактов, эмоциональное давление [Сусов, 2007: 269].

По мнению Н.Ж. Кожедуба, «убедить – значит с помощью доводов доказать или опровергнуть какое-либо положение» [Кожедуб, 2010: 95].

Согласно теории речевых актов, персуазивный процесс состоит из нескольких элементов: агента влияния, сообщения, условий речевого акта и реципиента. Убеждение эффективно, когда сообщение четко сформулировано, поведение агента влияния уверенное и убедительное. Однако не всегда возможно мирным путем убедить реципиента. В таком случае агент влияния заставляет адресата принять информацию априорным способом, воздействуя на иррациональную область психики.

Убеждение аудитории реализуется через стратегии и тактики, а также языковые средства выразительности и, прежде всего, метафоры.

Стратегия, как считает Е.В. Ключев, представляет собой спланированные заранее теоретические ходы, позже используемые во время коммуникации для достижения поставленных целей. Стратегия динамична и отличается гибкостью. Она поддается корректировкам во время речевого акта [Ключев, 2002: 18].

Тактиками И.Н. Борисова называет «речевое действие, характеризующееся своей задачей и функцией в рамках реализуемой коммуникантом стратегии» [Борисова, 1996: 48].

Тактики осуществляются через логически выстроенные аргументы, а именно персуазивные языковые средства выразительности. Они помогают оказать воздействие на аудиторию. Проанализируем как метафорические конструкции выполняют свою персуазивную роль в политическом газетном тексте.

Перед политиком всегда и прежде всего стоит цель установить контакт с аудиторией, завоевать поддержку публики. Эта задача может быть достигнута рациональным и нерациональным путем. Внутренние импульсы адресанта, его психологическое воздействие на публику играют большое значение в выступлении. Наиболее ярко персуазивная выразительность метафорических конструкций проявляется в тех политических газетных статьях, которые нацелены на безоговорочное убеждение аудитории в правоте своих взглядов. К таким текстовым материалам относятся, прежде всего, речи крупных политических деятелей. Анализ языкового пространства политических речей Эмманюэля Макрона и использование фрагментов его речей в статьях французских журналистов позволили показать использование им метафорических конструкций для убеждения аудитории в правоте своих идей. Наблюдение за данными метафорами и их анализ позволил выделить следующие тактики, позволяющие убедить аудиторию. На наш взгляд,

выделенные тактики будут характерны для любого убеждения политической направленности:

Тактика экспликации.

В своей речи президент проводит четкую границу между Францией и другим миром (Европой). Он подчеркивает, что эти два полюса не могут существовать друг без друга. Мир тянет Францию вперед, а Франция дает возможность миру развиваться. Метафора «нуждаться во Франции» ярко демонстрирует данное противопоставление.

*“Le monde et l’Europe **ont** aujourd’hui, plus que jamais, **besoin** de la France”. (Le Monde, 17.03.20)*

Пер.: «*Мир и Европа сегодня **нуждаются во Франции** больше, чем когда-либо*».

Тактика объединения.

Для убеждения аудитории президент также прибегает к использованию тактики единения народа. Эмманюэль Макрон акцентирует внимание на том, что добиться качественного результата можно только действуя совместно. Солидаризация проявляется в использовании таких метафор, как «*обнимем будущее*», «*ценности их делают народом*» и других.

*“... ou si au contraire ils allaient **embrasser l’avenir**, se donner collectivement un nouvel élan, réaffirmer leur foi dans les valeurs qui ont fait **d’eux un grand peuple**”. (Le Monde, 15.06.21)*

Пер.: «*...или, наоборот, они обнимут будущее, вместе определяют новое устремление, переутвердят свою веру в **ценности, которые делают их великим народом***».

Президент разделяет людей по гендерному признаку на женский и мужской пол, однако выделяет, что Французы и Француженки будут находиться в одинаковых условиях, что гендерные различия не влияют на общность нации.

“Les Françaises et les Français qui se sentent oubliés par ce vaste mouvement du monde devront se voir mieux protégés. Tout ce qui forge notre

solidarité nationale sera refondé, réinventé, fortifié. L'égalité face aux accidents de la vie sera renforcée". (Le Monde, 7.05.22)

Пер.: «*Француженки и француженки, которые чувствуют себя забытыми этим огромным движением в мире, должны будут видеть себя более защищенными. Все, что укрепляет нашу национальную солидарность, будет заново основано, переосмыслено, укреплено. Равенство перед лицом несчастных случаев на жизненном пути будет укреплено.*»

Тактика контраста.

Используя данный метод, Эмманюэль Макрон разделяет состояние страны и народа до выборов и после выборов. Он отмечает, что новое правительство изменит несправедливое отношение к народу. Контраст в следующем примере проявляется в метафорах «*пониженными в должности*» и «*взобратся на высшую точку*».

"Français s'estimant injustement défavorisés, déclassés, ou oubliés. Aujourd'hui, Mesdames, Messieurs, le temps est venu pour la France de se hisser à la hauteur du moment". (Le Monde, 11.06.21)

Пер.: *"Французы считают себя несправедливо обездоленными, пониженными в должности или забытыми Сегодня Дамы и Господа пришло время взобратся на высшую точку"*.

Тактика разьяснения.

В предвыборной речи также содержатся указания на уже существующие социальные, экономические, культурные, ценностные проблемы. Используя данную тактику, президент демонстрирует свою осведомленность о событиях, происходящих во Франции, свою открытость и искренность. Кроме того, тактика разьяснения происходящего заставляет публику задуматься над способами ее решения. Например:

"Or, depuis des décennies, la France doute d'elle-même. Elle se sent menacée dans sa culture, dans son modèle social, dans ses croyances profondes. Elle doute de ce qui l'a faite." (Le Monde, 10.07.21)

Пер.: *«Уже несколько десятилетий Франция сомневается в себе. Она чувствует, что ее культура, социальная модель и глубокая вера находятся под угрозой»*

Тактика аргументирования.

Речь Эмманюэля Макрона предельно проста, доступна и понятна для простого народа, так как он использует пояснения, аргументацию своих слов. Тактика экспликации вызывает доверие и уважение. Речь президента структурирована. Эмманюэль Макрон разделяет аргументы на два пункта, подробно поясняя каждый. Разъяснение выражается через метафоры *«мандат будет основываться»*, *«вернуть Французам веру в себя»*.

“Voilà pourquoi mon mandat sera guidé par deux exigences. La première sera de rendre aux Français cette confiance en eux, depuis trop longtemps affaiblie...: agir de manière juste et efficace pour notre peuple”. (Le Monde, 25.05.22)

Пер.: *«Вот почему мой мандат будет основываться на двух требованиях. Первым будет вернуть французам эту уверенность в себе, которая слишком долго ослабевала... действовать справедливо и эффективно для нашего народа».*

Тактика обещания.

Речь президента не длинная. Он не дает несбыточных планов на будущее. Эмманюэль Макрон не утверждает, что все изменения можно произвести, как по волшебству, в один миг. Наоборот, президент подчеркивает, что невозможно восстановить страну в краткие сроки после долгой разрухи. В то же время он утверждает, что данная работа требует много времени, усилий и большого желания и что вместе с народом Эмманюэль Макрон постарается сделать все возможное. Метафора *«Франция не восстановится как по волшебству»* ёмкое этому подтверждение:

“Je vous rassure, je n’ai pas pensé une seule seconde qu’elle se restaurerait comme par magie le soir du 7 mai. Ce sera un travail lent, exigeant, mais indispensable”. (Le Monde, 21.12.21)

Пер.: *«Я вас уверяю, что Франция не восстановится за секунду, как по волшебству 7 мая. Эта работа долгая, трудоемкая, но необходимая».*

Тактика обоснования оценок.

Президент не просто дает пустые обещания народу, а объясняет их. Он уверяет людей, что полон веры в пятую республику и считает верным сохранить ее дух и настроение, не пренебречь историей. Президент подчеркивает, что все действия будут направлены на народ. Он даст ему право голоса. Метафоры «народ даст право голоса» и «дух создал институты» рельефно подтверждают данную тактику.

“Car je crois aux institutions de la Ve République et ferai tout ce qui est en mon pouvoir pour qu’elles fonctionnent selon l’esprit qui les a fait naître. Pour cela, je veillerai à ce que notre pays connaisse un regain de vitalité démocratique. Les citoyens seront écoutés”. (Le Monde, 16.11.21)

Пер.: *«Так как я верю в институты пятой республики и сделаю всё, что в моих силах, чтобы они функционировали в соответствии с духом, который создал их. И сделаю, чтобы наша страна узнала демократический всплеск. Граждане будут выслушаны».*

Тактика убеждения.

На фоне упомянутых сложных проблем, существующих в стране, Эмманюэль Макрон акцентирует внимание и на положительных моментах. Он уверяет, убеждает французов, что не все потеряно. Президент дает великому народу большие надежды на будущее. Он полагает, что Франция содержит большие ресурсы для восстановления и ситуация, происходящая в стране, вовсе не является упадком, а, наоборот, возрождением. Метафоры «страна страдает», «встречные ветры мирового курса» представляют собой яркое тому подтверждение:

“Il m’appartiendra de convaincre les Françaises et les Français que notre pays, qui aujourd’hui semble mis à mal par les vents parfois contraires du cours du monde, porte en son sein toutes les ressources pour figurer au premier rang des nations. Je convaincrâi nos compatriotes que la puissance de la France n’est pas

déclinante, mais que nous sommes à l'orée d'une extraordinaire renaissance, parce que nous tenons entre nos mains tous les atouts qui feront et qui font les grandes puissances du XXI siècle.» (Le Monde, 14.11.21)

Пер.: *«Моя задача - убедить француженок и француженок в том, что наша страна, которая сегодня, кажется, страдает от порой встречных ветров мирового курса, несет в себе все ресурсы, чтобы занять первое место среди наций. Я буду убеждать наших соотечественников в том, что мощь Франции не ослабевает, но что мы находимся на пороге необычайного возрождения, потому что мы держим в своих руках все козыри, которые сделают и делают великие державы XXI века».*

Тактика обнадеживания.

Эмманюэль Макрон активно использует обещания на будущее, чтобы поддержать энтузиазм нации и дать людям новых сил и энергии. Президент обещает делать всё на благо Франции. Он затрагивает тему работы, производства, культуры. Данная тактика выражается через использование будущего времени *Le Future simple*. Метафоры «живость Франции» и «работа станет свободной» выпукло это демонстрируют.

“Tout ce qui concourt à la vigueur de la France et à sa prospérité sera mis en œuvre: le travail sera libéré, les entreprises seront soutenues, l'initiative sera encouragée”. (Le Monde, 24.08.22)

Пер.: *«Всё, что способствует живости и процветанию Франции, будет приведено в действие: работа станет свободной, предприятия будут поддерживаться, инициатива – поощряться.»*

Тактика ценностного ориентирования.

Президент отмечает важность ценностных ориентиров, которые влияют на развитие как самой Франции, так и других миров, которые ее окружают. Слова о ценностном составляющем (метафоры «Европа будет перерождена», «она (Европа) нас защищает») касаются каждого Француза, поэтому данная тактика очень эффективна, так как народ понимает, что будущему президенту важен как каждый человек по отдельности, так и нация в целом.

“L’Europe, dont nous avons besoin, sera refondée, relancée, car elle nous protège et nous permet de porter dans le monde nos valeurs”. (Le Monde, 22.04.22)

Пер.: «Европа, в которой мы нуждаемся, будет перерождена, так как она нас защищает и позволяет нам привносить в мир ценности».

Тактика демонстрации перспективы.

Эта тактика заключается в упоминании планов, которые необходимо реализовать в будущем. В следующем примере Эмманюэль Макрон обещает защищать Французов, воссоздать единство нации, укрепить равенство во всех сферах, в том числе и гендерное равенство. Этому способствуют выделенные жирным шрифтом метафоры данных фрагментов:

*“Les Françaises et les Français qui se sentent **oubliés par ce vaste mouvement** du monde devront se voir mieux protégés. Tout ce qui forge notre solidarité nationale sera refondé, réinventé, fortifié. L’égalité face aux accidents de la vie sera renforcée.”* (Le Monde, 27.03.21)

Пер.: «Француженки и французы, которые чувствуют себя **забытыми этим огромным движением** в мире, должны будут видеть себя более защищенными. Все, что укрепляет нашу национальную солидарность, будет заново основано, переосмыслено, укреплено. Равенство перед лицом несчастных случаев на жизненном пути будет укреплено».

Так же будущий президент уверяет народ, что он уделит особое внимание для укрепления военной мощи, республиканского строя. Благодаря этой тактике у людей появляется уверенность в будущем их детей, внуков и правнуков.

*“Tout ce qui fait de la France un pays sûr, où l’on peut vivre sans avoir peur, sera amplifié. La laïcité républicaine sera défendue, nos forces de l’ordre, notre renseignement, **nos armées, réconfortés**”.* (Le Monde, 21.12.21)

Пер.: «Все, что делает Францию безопасной страной, где можно жить, не испытывая страха, будет усилено. Республиканская светская

власть будет защищена, наши правоохранительные органы, наша разведка, наши Вооруженные силы будут утешены».

Президент не пренебрегает и обещаниями об изменении Европы, утверждая, что глобальное перерождение Франции повлечет за собой изменение всего мира.

“L’Europe, dont nous avons besoin, sera refondée, relancée, car elle nous protège et nous permet de porter dans le monde nos valeurs”. (Le Monde, 16.02.22)

Пер.: *«Европа, в которой мы нуждаемся, будет воссоздана, возрождена, потому что она защищает нас и позволяет нам нести в мир наши ценности».*

Языковые конструкции из речей Эмманюэля Макрона ярко и образно демонстрируют определённые тактики, позволяющие не только представить ту или иную информацию, но и воздействовать на аудиторию, убеждая её в том или ином ракурсе рассмотрения проблемы.

С целью выявления частотности использования выявленных тактик, репрезентирующих старегию убеждения, было проанализировано также 1228 текстовых фрагментов, содержащих ту или иную тактику. Проведённый анализ позволил выявить частотность использования каждой из обозначенных ниже тактик и показать какая из них является наиболее часто используемой и к какой прибегают наименее реже. Эти данные представлены в Таблице 2.

Таблица 2.

Тактический набор стратегий персуазивности во французском политическом дискурсе

Наименование тактики	Количество текстовых фрагментов	Статистика в %
Тактика экспликации	136	11,7%
Тактика объединения	131	10,6%

Тактика контраста	121	9,8%
Тактика разъяснения	120	9,7%
Тактика аргументирования	117	9,5%
Тактика обещания	110	8,9%
Тактика обоснования оценок	109	8,8%
Тактика убеждения	101	8,2%
Тактика обнадеживания	97	7,8%
Тактика ценностного ориентирования	95	7,9%
Тактика демонстрации перспективы	91	7,4%

Проведенный анализ показал наибольшую частотность использования тактики экспликации, что, на наш взгляд, вполне обосновано, так как экспликация предполагает объяснение, иногда подробное толкование и иллюстрацию того, что хочет сказать политик, журналист или общественный деятель. Также частотными являются тактики объединения, контраста и разъяснения, что объясняется желанием политика вселить в людей надежду на лучшее будущее и соответственно привлечь их на свою сторону.

Использованные метафорические конструкции привлекают интерес аудитории, способствуют более легкому восприятию политической речи, эмоциональному отклику. Более того такая речь облегчает восприятие изложенных идей, оценок и мнений оратора, а также скрытых установок, которые направлены на создание необходимого для адресанта восприятия политических реалий, а также направлена на побуждение адресата к определенным посткоммуникативным действиям в интересах говорящего.

Представленные тактики не являются обязательными и неизбежными в политической газетной коммуникации, они могут быть разными у разных

политиков, но использование метафорических конструкций при представлении той или иной информации неизбежно доказывает, что метафора в газетном тексте политического содержания является средством убеждения и воздействия.

Выводы к Главе 2.

Политика – это власть и один из основных инструментов, с помощью которых политики выражают власть, является язык. Политический медийный дискурс осуществляет манипуляцию общественным мнением, формируя у читательской аудитории определенные отношения к событиям, фактам, политическим и общественным деятелям.

Метафора, соединяя сферы политики с другими областями когнитивно-языковой картины мира, служит одним из наиболее выразительных и продуктивных средств политической коммуникации. Метафоры принято классифицировать исходя из планов содержания, контекста и функционирования. Обобщая разработанные в лингвистике параметры классификации метафоры, мы основались на наиболее значимых:

- информативная;
- образная;
- смылообразующая;
- стилеобразующая;
- текстообразующая;
- жанрообразующая;
- эмоционально-оценочная;
- игровая;
- манипулятивная;
- конспирирующая;
- мнемоническая.

В тексте газетного сообщения политического характера метафора выполняет несколько функций, каждая из которых способствует дешифровке и дальнейшему переосмыслению представленной информации.

В качестве основных структурно-семантических функций метафоры в композиции статей, репрезентирующих политическую коммуникацию установлены следующие функции:

- репрезентация концепта политического дискурса;
- конденсирование смысла статьи (выступление в качестве заголовка);
- разворачивание аргументативного и доказательного блоков статьи;
- обобщение смысла статьи в качестве заключения;
- экспликация и/или импликация оценки и эмоционального фона излагаемого материала;
- отсылка к культурной символике.

Когнитивная метафора, играющая доминантную роль в смысловой структуре текста, может располагаться в любой его части, начиная от заголовочной структуры и заканчивая последним предложением текста. Композиционные части текста выстраивают логику изложения, обеспечивая целостное восприятие всего текста определенного жанра политического дискурса.

Анализ употребления метафор в текстах газетных публикаций позволил осуществить их функционально-статистическое распределение в соответствии с композиционной ролью в текстовой структуре. Установлено, что в 560 рассмотренных газетных статьях политической направленности ядерная доля метафорических конструкций используется в корпусе основного текста газетной статьи (446), околоядерную позицию занимает употребление метафор в заголовочной позиции (382). Периферию занимают когнитивные метафоры во вступительной (216) и заключительной (184) частях текста, что обусловлено нейтральной структурной характеристикой

данных композиционных элементов, по сравнению с сильной позицией заголовка и основного развертывания содержания.

Политическая публицистика задействует метафорические модели для переноса оценки понятия-источника к понятию-цели. В ходе анализа нами выделены метафоры и метафорические конструкции, с помощью которых создаётся *положительная или отрицательная эмоционально-оценочная характеристика* событиям, фактам, процессам и участникам политической коммуникации.

Концептуальные метафоры рассматриваются как инструмент политической аргументации через призму синергии темы сообщения, стратегического арсенала автора, идеологической позиции издания, проводящего позитивную и негативную оценку событий и их участников. Концептуальные метафоры рассматриваются как эффективные модели для реализации доминантой функции персуазивности в текстах статей политической тематике на основе каких тактик, как:

- тактика экспликации;
- тактика объединения;
- тактика контраста;
- тактика разъяснения;
- тактика аргументирования;
- тактика обещания;
- тактика обоснования оценок;
- тактика убеждения;
- тактика обнадеживания;
- тактика ценностного ориентирования;
- тактика демонстрации перспективы.

Проведённый анализ позволил выявить частотность использования каждой тактики: тактика экспликации (11,7%), тактика объединения (10,6%), тактика контраста (9,8%), тактика разъяснения (9,7%), тактика

аргументирования (9,5%), тактика обещания (8,9%), тактика обоснования оценок (8,8%), тактика убеждения (8,2%), тактика обнадеживания (7,8%), тактика ценностного ориентирования (7,9%), тактика демонстрации перспективы (7,4%).

Глава 3. Когнитивное пространство политической метафоры во французском медийном дискурсе

3.1. Когнитивная метафора как сложный семиотический знак

Большинство современных исследований метафоры базируется на ряде подходов, среди которых выделяются несколько основных: теоретические подходы, в которых метафоры рассматриваются как абстрактные когнитивно-языковые подходы и конструкции со сложными свойствами (Лакофф & Джонсон, 1980); количественные или математические подходы, направленные на анализ семантики метафор в естественном тексте (Чартерис-Блэк, 2002; О'Халлоран, 2007); междисциплинарные подходы, соединяющие приемы социологии, психологии и культурологии, которые стремятся объяснить, как люди используют и понимают метафоры во взаимодействии, также рассматривают, как метафоры могут служить индикаторами структур в человеческой памяти и в программах обработки естественного языка (Олбриттон, Маккун и Герриг, 1995; Musolff, 2008; Felbaum, 1998 и др.).

В компьютерных исследованиях метафоры информационные технологии используются для обработки лексических ресурсов, их идентификации в тексте. Ряд исследований сосредоточен на применении данных программ или в разработке алгоритмов обнаружения метафор (Broadwell et al., 2013; Wilks et al., 2013).

Как уже описывалось в теоретическом обзоре, модель концептуальной метафоры строится путем приравнивание отдельных признаков и структур двух концептуальных областей: это область источника, используемая для обозначения концептуальной области, из которой заимствуются когнитивные компоненты и область цели, в которую переносятся эти признаки.

Две области, которые участвующие в формировании концептуальной метафоры, имеют особые названия. Концептуальная область, из которой

черпаются метафорические выражения для означивания другой концептуальной области, называется исходной областью, в то время как концептуальная область, которая трактуется опосредованно, является целевой областью или областью цели.

Таким образом, все рассматриваемые нами домены-заимствования являются областями-источниками, в то время как базовые концепты политического дискурса являются областями назначения. Так, область цели – это та область, которую ретранслируем с помощью домена-источника. Термины: цель и источник были введены Джорджем Лакоффом и Марком Джонсоном в книге "Метафоры, которыми мы живем" (1980).

Метафору принято рассматривать как один из видов семиологических знаков, обладающих поликодовым потенциалом, в силу чего метафорические образы эксплуатируют вербальную и невербальную символику семиотического континуума. «У метафоры отсутствует означаемое, <...> следовательно, образуется брешь в синхронической цепи означающего и метафора не может быть представлена в полной форме» - противоречит автор Ф. де Соссюру [Соссюр, 1999: 112].

С позиции психолингвистического подхода метафора есть отражение результатов перекодирования смыслов и объектов внутреннего и внешнего мира, формируемых в бессознательном [DeLuise, 1964].

Метафора допускает множественность интерпретаций, в ней не заключен фиксированный смысл или значение [Bardies R. 2002]. Диффузный характер означаемого порождает полирепрезентативность в дискурсе: «единство семиологии существует на уровне формы, а не содержания; сфера ее применения ограничена, она имеет дело только с одним языком, только с одной операцией - прочтением или расшифровкой» [Барт, 1989:78]. Разделяя концепцию Р. Барта, мы рассматриваем означаемое в языковой метафоре как основу для когнитивного развития метафорической области. Исходя из данной точки зрения, «...смысл является для формы чем-то вроде хранилища конкретных событий, которое всегда находится под рукой; это богатство

можно то использовать, то прятать подальше по своему усмотрению; всё время возникает необходимость, чтобы форма снова могла пустить корни в смысле и, впитав его, принять облик природы; но прежде всего форма должна иметь возможность укрыться за смыслом» [Bardies R., 2002:278].

В современной науке о языке нельзя не отметить постоянно растущую тенденцию к интегрированию результатов исследований, проводимых в различных науках, связанных с изучением человека и его систем, с целью совершенствования метаязыка лингвистики и разработки адекватного концептуального аппарата не только для описания, но, прежде всего, для объяснения языковых явлений. В контексте новой научной рациональности актуализируется когнитивная составляющая метафоры. Ее подчинение принципу сознательной фиктивности, ориентированному на признание разнородности образа и значения, позволяет усматривать в метафоризации наряду с лингвистическими и семиотическими основаниями для анализа.

В политическом дискурсе циркуляция метафор очень широка: применение служит установлению не только темы обсуждения, но и ее оценочности [Никитин, 1979], как, например, «сорняк коррупции», «президентская гонка», «совесть нации» и так далее. Метафорические формулы направляют внимание аудитории к событиям предыдущих лет, вызывая в его сознании политическую ситуацию того времени (например, слоган избирательной кампании Бориса Ельцина «голосуй или проиграешь», использующий спортивную метафору).

Метафора оказывает большое влияние на мышление человека, соответственно в политической сфере метафора может использоваться для разрешения множества проблематичных ситуаций. Она помогает выйти из кризисных ситуаций, с которыми политики могут столкнуться в результате своей деятельности. Стоит также отметить, что те метафоры, которые связаны с предметами, то есть предметные метафоры, зачастую становятся материалом для создания визуальных карикатур на высказывания, содержащие подобную метафору. Такого рода визуализация является

признаком метафоры как неопределенного феномена, который благодаря возможности множественных интерпретаций может породить не только карикатуры, но и новые метафоры.

Отдельно стоит отметить оценочную метафору (например, о людях: *трусливый кот, свинья, баран, лиса*) широко используемую как в бытовом, как и в медийном дискурсах, где она используется для предания статье эмоционально-оценочного эффекта. Публицистика задействует метафорические модели для переноса оценки понятия-источника к понятию-цели [Склярская, 1983]. Можно встретить такие метафорические выражения как *нефтяные войны, политическая капитуляция, штаб оппозиции, нападение на свободную речь* и так далее.

Таким образом, дискурсивное выражение метафоры можно классифицировать по плану содержания, по типу контекста и особенностям использования. Функционируя в ментальном пространстве как объект естественного семиозиса, метафора в семиотическом континууме политической коммуникации, продуцирует широкий спектр смыслов и векторов их дешифровки.

3.2. Сферы-источники политической метафоры во французской прессе

Анализ метафорических переносов и заимствований, приводящий к созданию тех или иных метафор в политической медийной коммуникации, позволил выделить следующие источники политической метафоры:

Сфера-источник **«Погодные явления»**.

Домен **«Погодные явления»** довольно часто используется в политической газетной коммуникации в качестве базы для метафорического преобразования представлений о характеристиках человека или того или иного общественного события. Так, например:

*“À la veille du référendum, les réseaux sociaux ont été secoués par un **tsunami** d'agitation”.* (Le Figaro, 07.07.21)

Пер.: *«Накануне референдума, социальные сети сотрясались от **цунами** агитации».* (Le Figaro, 07.07.21)

*“Pour le moment, les citoyens ordinaires et les réfugiés comprennent que ce n'est qu'une accalmie avant la **tempête**.”* (Le Monde, 02.04.20)

Пер.: - *«На данный момент и рядовые граждане и беженцы понимают, что это лишь затишье перед **бурей**».* (Le Monde, 02.04.20)

*“Le **climat** politique de notre pays n'a jamais été plus stable.”* (Les Echos, 04.06.21)

Пер.: - *«Политический **климат** нашей страны еще никогда не был более стабильным».* (Les Echos, 04.06.21)

*“Le **climat** politique allemand s'attend à une véritable **tempête** si des mesures appropriées ne seront pas prises.”* (Le Monde, 06.05.20)

Пер.: - *«Германский политический **климат** ожидает настоящая **буря**, если не будут предприняты соответствующие меры».* (Le Monde, 06.05.20)

*“Le **réchauffement** dans les relations entre la Russie et l'Occident n'était qu'un phénomène temporaire.”* (Les Echos, 05.04.20)

Пер.: - *«Потепление в отношениях между Россией и Западом было лишь временным явлением».* (Les Echos, 05.04.20)

*“Selon les dirigeants européens, la Biélorussie devrait bientôt **dégeler les relations** avec l'Occident.”* (Le Monde, 03.05.21)

Пер.: - *«Согласно лидерам Европы, Беларусь вскоре должна **разморозить отношения** с Западом».* (Le Monde, 03.05.21)

*“En raison des événements de la semaine dernière, il y a clairement un **froid** dans l'air du conflit armé à venir.”* (Libération, 04.03.21)

Пер.: - *«В связи с событиями прошлой недели, в воздухе явно ощущается **холод** предстоящего вооруженного конфликта».* (Libération, 04.03.21)

Метафоры *tsunami* «цунами», *tempête* «буря», *froid* «холод», *réchauffement* «потепление» чётко и отчётливо создают ощущение неразберихи, глубоких волнений, равнодушия, пассивности, апатии и бездушия в тех или иных представляемых общественно-политических ситуациях. Метафора *climat* «климат» говорит о той атмосфере, которая царит в той или иной стране.

К другим частотным метафорам образной сферы «*неживая природа*» относятся метафоры с компонентом «атмосферные явления»:

“L'épais brouillard de mensonges qui entourait l'administration s'est finalement dissipé.” (Le Monde, 06.12.21)

Пер.: «Густой туман лжи, которым окружила себя администрация, наконец рассеялся». *Le Monde, 06.12.21)*

“Dans les mots du chancelier allemand, un rayon de bon sens a glissé.” (Le Figaro, 09.04.22)

Пер.: «В словах канцлера Германии проскользнул лучик здравого смысла». *(Le Figaro, 09.04.22)*

Метафорическое употребление лексем *brouillard* «туман» и *rayon* «лучик» относит к определённым природным явлениям. Первая метафора передает представления о мрачности, мутности, тусклости, неясности той обстановки, в которой работает администрация. Вторая метафора, неся мелиоративную коннотацию, выделяет положительные моменты в речи канцлера Германии.

Сфера-источник «**Природные явления**».

Метафоры, заимствованные из данной сферы не столь частотны в политической коммуникации СМИ, однако тем не менее их роль в проведении аналогий для представления того или иного события или явления не менее значима:

“Après une vague de mécontentement dans toute la Péninsule arabique”....”
Le Monde, 01.02.21)

Пер.: «После того, как по всему Аравийскому Полуострову прокатилась **волна** недовольства». (*Le Monde*, 01.02.21)

“Ce **courant** social ne représente pas un danger pour le régime au pouvoir, du moins à ce stade de son développement.” (*Libération*, 03.04.21)

Пер.: «Данное общественное **течение** не представляет опасности для правящего режима, по крайней мере на данном этапе своего развития». (*Libération*, 03.04.21)

“...sinon, les rues des villes syriennes seront inondées par les **rivières** de sang.” (*Le Monde*, 03.04.20)

Пер.: «...иначе улицы городов Сирии **затопят реки** крови.» (*Le Monde*, 03.04.20)

“Une **vague** de détracteurs a roulé dans le pays afin d'essayer d'établir leur ordre.” (*Les Echos*, 08.06.21)

Пер.: «**Волна** недоброжелателей прикатила в страну с целью попробовать установить свои порядки.» (*Les Echos*, 08.06.21)

Сфера-источник «**Животный мир**».

Перенос наименования животного на человека – языковая универсалия. Зооморфные образы традиционны для метафор в политическом медиадискурсе: они подтверждают мысль о том, что метафора служит действенным способом осмысления жизни общества, передачи субъективного отношения к предмету речи. Метафорическая концептуализация фрагмента политического картины мира реализуются за счет переноса специфики повадок животных, специфики их облика и языка их биокommunikации на человека как прием для реализации аксиологической маркированности в медиадискурсе. Впрочем, необходимо отметить, что ассоциативные стереотипы зооморфных образов, несущие положительные и отрицательные коннотации, несмотря на общую тенденцию к оцениванию, характеризуются различными коннотациями в разных языках и культурах.

Таким образом, сфера-источник «**Животный мир**» используется в качестве базы для метафорического преобразования представлений о

действиях человека, о его поведении, об отношении к тому или иному событию, факту, явлению. Вербальное воплощение зооморфных метафор, которые переносят образ животного на человека, играют особую роль в политической коммуникации, глубоко воздействуя на адресата, создавая яркую образную аналогию, наглядно иллюстрируя неприглядные черты характера и неодобряемое обществом поведение человека.

Довольно часто в политической коммуникации для того, чтобы ярче продемонстрировать отношение того или иного политического деятеля или той или иной политической партии к ситуации, используют те лексические единицы, которые обычно применяются для описания акустической коммуникации животных, то есть их способности издавать те или иные звуки:

*“Le politicien a littéralement **grondé** son discours, ce qui a encore plus embarrassé ses adversaires clairs et non évident”.* (Le Monde, 15.09.20)

Пер.: «*Политик буквально **прорычал** свою речь, чем еще больше смутил своих явных и не явных противников*». (Le Monde, 15.09.20)

Глагол *gronder* «рычать» характеризует недовольство животных, то есть их способность издавать громкие, угрожающие звуки, наводящие страх на тех, кто рядом с ними. Использование подобной аналогии позволило журналисту передать читательской аудитории недовольство политика относительно обсуждаемой проблемы.

*“Le fait, reste le fait, bien que les dirigeants de l'opposition **meuglent et beuglent** beaucoup à cette occasion”.* (Le Monde, 09.09.18)

Пер.: - *"Факт остается фактом, хотя лидеры оппозиции по этому поводу много **гавкают и мычат**"* (Le Monde, 09.09.18)

Глагол *гавкать* означает ругаться, кричать, заливаться злом и грубостью. Глагол *мычать* означает издавать нечленораздельные звуки. Употребление данных лексических единиц позволило автору публикации довольно образно показать возмущение одних и непонятную позицию других по отношению к обсуждаемому вопросу.

“*Les politiciens européens continuent de **hurler** lorsqu'il s'agit de se rapprocher de la Biélorussie.*” (Le Figaro, 11.06.20)

Пер.: *Европейские политики продолжают **завывать**, когда речь заходит о сближении с Белоруссией.* (Le Figaro, 11.06.20).

Глагол *hurler* «завывать» означает издавать негромкие звуки, которые выдают обеспокоенность и недовольство человека. Аналогия, лежащая в основе данной метафорической номинации, позволила автору публикации живо передать нежелание Европы поддерживать какие-либо отношения с Белоруссией.

Также довольно частотными в политической газетной коммуникации являются лексические единицы, использующиеся для описания тех или иных действий, которые характерны для определённых животных:

“*Après que le terroriste le plus recherché, Osama Ben Laden, se soit caché pour **lécher ses blessures...***” (Le Monde, 23.09.17)

Пер.: «*После того, как самый разыскиваемый террорист Осама бен Ладен скрылся, чтобы **зализать раны...***» (Le Monde, 23.09.17)

Глагол *lécher* «зализать» используется обычно при описании животных, которые имеют привычку проводить языком по поверхности своего тела, смачивая её обильно слюной (собаки, тигры, львы, коты и др.), чтобы «полечить» ту рану, которую они получили. Подобная аналогия позволила журналисту передать читательской аудитории, что террорист Осама бен Ладен понёс значительные потери и затаился, готовясь к очередному нападению.

“*La Corée du Nord continue de **ramper** vers la chute inévitable du régime.*” (Le Figaro, 09.01.17)

Пер.: «*Северная Корея продолжает **ползти** навстречу неизбежному падению режима.*» (Le Figaro, 09.01.17)

Глагол *ramper* «ползать» означает медленное передвижение по поверхности при помощи туловища. В данной аналогии глагол подчеркнул,

что Северная Корея медленно приближается к падению существующего режима.

*“Il vaut la peine aux électeurs de **mordre à l'appât** des autocrates, et des millions de roubles, et des années de travail politique seront gaspillés.” (Le Monde, 02.12.19)*

Пер.: «*Стоит избирателям **клюнуть на наживку** автократов, и миллионы рублей, и годы политической работы будут потрачены впустую».* (Le Monde, 02.12.19)

Лексическая единица *mordre à l'appât* «клевать на наживку» означает «брать, хватать» предлагаемую пищу и используется при описании ловли рыб. Аналогия, лежащая в основе данной метафоры, позволила автору сказать, что, если избиратели будут принимать предлагаемую им информацию, они попадутся как рыба на крючок, и попадут в трудное, невыгодное положение.

При описании политических деятелей также часто используются характеристики действий человека, которые направлены на захват животного:

*“**Harceler** l'ancien président des États-Unis et ne pas penser à arrêter.” (Le Figaro, 08.03.19.)*

Пер.: «***Травля** предыдущего президента Соединенных Штатов и не думает прекращаться».* (Le Figaro, 08.03.19)

Лексическая единица *Harceler* «травить» означает насилие любого рода (физическое / психологическое), агрессивное преследование и издевательство. Подобная аналогия позволила журналисту ярко и доходчиво показать, что на бывшего президента оказывают давление и он подвергается тем или иным нападкам.

*“Le fait est que le peuple lui-même se permet de **s'atteler**.” (Le Monde, 04.11.20)*

Пер.: «*Все дело в том, что народ сам позволяет себя **запрягать**».* (Le Monde, 04.11.20)

Глагольная единица *atteler* «запрягать» означает нагружать кого-либо тяжелой работой. Использование данной аналогии позволило журналисту передать читательской аудитории, что народ не делает ничего, чтобы облегчить своё существование.

“Les tentatives d'étouffer le cerveau des opposants et de leurs partisans se sont soldées par un échec majeur pour l'opposition.” (Le Monde, 09.08.21)

Пер.: «**Попытки захомутать мозг противников и их сторонников закончились для оппозиционера крупным провалом**». (*Le Monde, 09.08.21*)

Лексическая единица *étouffer le cerveau* «захомутать» означает взять под своё управление и руководство, подчинить чужой воле. Сделанная аналогия явно продемонстрировала, что определённой группе политических деятелей пытаются навязать чужие взгляды и подчинить чужой воле.

“Et si peu que Litvinenko a été forcé de mourir dans de terribles tourments – toute l'Europe a été mise à la poubelle.” (Le Monde, 05.12.06)

Пер.: «**А так мало, что Литвиненко заставили умирать в страшных муках – всю Европу на дыбы поставили**». (*Le Monde, 05.12.06*)

Метафора «поставить на дыбы Европу», приведённая автором публикации, отчётливо говорит о том, что страны Европы отрицательно отреагировали на ситуацию с Литвиненко А.В., считая Россию виновной в его смерти. Данная текстовая ситуация открыто не называет виновников в смерти Литвиненко А.В., но имплицитно напоминает всем о данной ситуации и отношении к ней стран Европы.

Сфера-источник «**Драгоценные металлы**».

Метафоры с компонентом «благородный металл» также нередки в газетной коммуникации:

“...que ses camarades de classe considéraient comme une pépite de talent.” (Le Monde, 09.07.22)

Пер.: «**...которую одноклассники считали просто самородком талантов**». (*Le Monde, 09.07.22*)

Лексема *répète* «самородок» означает «образовавшийся естественным образом кусок драгоценного металла». Аналогия, лежащая в основе данной метафорической номинации, позволяет автору публикации заставить читательскую аудиторию обратить внимание на природные способности и талант представляемой личности.

Довольно часто в политической коммуникации используются антропоморфные характеристики для описания и представления объектов, предметов и явлений объективной политической реальности и социальной действительности. Здесь наиболее частотны метафоры с компонентами-соматизмами.

Сфера-источник «**Части тела**».

Обращение к домену заимствования «**Части тела**» в метафорических конструкциях объясняется тем фактом, что людям проще воспринимать информацию, выраженную в понятных категориях. Таким образом, можно заключить, что человеческое тела – это идеальный источник, вдохновляющий авторов публикации на нахождение новых сравнений и формирование новых образов. «*The aspects that are especially used in metaphorical comprehension involve various parts of the body, including the head, face, legs, hands, back, heart, bones, shoulders, and others*».– Аспекты, наиболее часто используемые для создания метафор, включают различные части тела, особенно голову, лицо, руки, ноги, спину, сердце, кости, плечи и так далее) [Kovecses 2002: 18]. Рука, как правило, символизирует власть, ноги устойчивость и движение, голова – верховное начало, ум и т.д.

Например:

“*Les fruits amers de la Grandeur de l'état au détriment du ventre populaire, nous récoltons jusqu'à présent*”. (Le Monde, 22.02.20)

Пер.: «Горькие плоды «государственного величия» за счет народного живота мы пожинаем до сих пор». (Le Monde, 22.02.20)

“*De tels hommes d'état, en tant que parasites, sont introduits dans le corps sain de l'état, d'où ils sont presque impossibles à éradiquer.*” (Le Monde, 08.04.21)

Пер.: «Подобные государственные деятели, как паразиты, внедряются в здоровый **организм** государства, откуда их почти невозможно искоренить». (*Le Monde*, 08.04.21)

“*Au final, l'ex-président français s'est retrouvé **criblé** de ses problèmes.*” (*Libération*, 06.07.22)

Пер.: «В итоге, французский экс-президент оказался по **уши** в проблемах». (*Libération*, 06.07.22)

“*La **main** forte du dictateur Nord-coréen ne provoque que la condamnation des pays voisins.*” (*Libération*, 03.02.20)

Пер.: «Сильная **рука** северокорейского диктатора вызывает только осуждение со стороны соседних стран». (*Libération*, 03.02.20)

“*Hélas, à en juger par les actions du gouvernement local, il a toujours besoin de quelqu'un qui va essuyer son **nez**.*” (*Le Monde*, 03.08.22)

Пер.: «Увы, судя по действиям местного самоуправления, ему всегда нужен кто-то, кто будет вытирать ему **нос**». (*Le Monde*, 03.08.22)

“*La direction du pays devait s'occuper de l'explication minutieuse quotidienne aux gens de la nouvelle situation, de la cohésion persistante de la nation dans un **organisme** monolithique, de la mobilisation des ressources locales.*” (*Le Monde*, 03.06.22)

Пер.: «Руководство страны должно было заняться каждодневным кропотливым разъяснением людям новой ситуации, настойчивым сплочением нации в монолитный **организм**, мобилизацией местных ресурсов». (*Le Monde*, 03.06.22)

Аналогии, основанные на использовании компонента «часть тела», указывают на актуальную проблему, помогая тем самым образно представить существующую ситуацию.

Нередко для описания предметов неживой природы используются внешние характеристики человека.

Сфера-источник «**Внешний облик человека**».

Означивание процессов и явлений политической жизни путем обращения к источнику «**Внешний облик человека**» усложняет когнитивную структуру метафоры за счет олицетворения. Например:

*“La **vérité nue**, qui a longtemps été sous les yeux de tout le monde, n'est pas un facteur important pour les politiciens allemands!” (Le Monde, 22.04.22)*

Пер.: «**Голая правда**, которая уже давно на глазах у всех, не является для немецких политиков значимым фактором!» (Le Monde, 22.04.22)

*“Si cette tendance se poursuit, les affaires de la zone Euro seront très **minces**.” (Libération, 02.06.22)*

Пер.: «Если данная тенденция продолжится, то дела еврозоны будут совсем **худы**». (Libération, 02.06.22)

Прилагательные *nue* «голая» и *minces* «худы» употреблены здесь в своём прямом значении и отчётливо демонстрируют полноту и абсолютность правды, а также слабость, скудность и невзрачность дел еврозоны.

Сфера-источник «**Физическая активность**».

Метафорическая аналогия *déménager* «переехать» даёт аудитории информацию о том, что Украина давно мечтает, о том, чтобы стать членом Евросоюза, но данное желание пока не осуществилось и Украина лишь кандидат на членство в Евросоюзе.

*“On peut donc dire que les négociations sur la réduction des armes nucléaires **ont échoué**, en particulier par rapport aux négociations similaires de la fin du siècle dernier.” (Le Monde, 02.06.22)*

Пер.: «Отсюда можно сказать, что переговоры о сокращении ядерного оружия **провалились**, особенно в сравнении с аналогичными переговорами конца прошлого века». (Le Monde, 02.06.22)

Использование глагола *échouer* «провалились» позволило автору публикации показать не только то, что переговоры не имели успеха, но и то, что эти переговоры потерпели полный крах.

*“Il devient évident que le chef officieux de l'opposition va **se retirer** avant les prochaines élections.” (Le Monde, 05.04.21)*

Пер.: «Становится очевидно, что неофициальный лидер оппозиции собирается **отступить** до следующих выборов». (*Le Monde*, 05.04.21)

“*Les récents essais militaires menés par l'armée Russe ont rendu la République balte engourdie d'horreur.*” (*Le Figaro*, 22.07.22)

“*Malgré le développement tardif de l'état, la Corée du Nord reste l'une des principales menaces pour le monde entier.*” (*Libération*, 04.04.20)

Пер.: «Несмотря на **запоздалое** развитие государства, Северная Корея остается одной из главных угроз для всего мира». (*Libération*, 04.04.20)

Tardif «запоздалое» развитие – это развитие, которое не было начато вовремя. Использованная аналогия образно и ярко представляет данный факт.

“*Il est logique de dire que les plans de déménager en Europe ne sont pas terminés pour l'Ukraine de la meilleure façon.*” (*Le Monde*, 05.08.22)

Пер.: «Имеет смысл говорить о том, что планы **переехать** в Европу закончились для Украины не самым лучшим образом». (*Le Monde*, 05.08.22)

Сфера-источник «**Болезнь**».

Спина символизирует опору, стойкость, силу духа, финансовую стабильность. Болезни позвоночника в области поясницы связывают с потерей внутренней опоры, с неустойчивостью. Как, например, в следующем фрагменте:

“*Nous devons reconnaître qu'il n'est pas possible de soulever la charge de tous les problèmes qui se sont développés en Russie au cours des vingt dernières années, sans se déchirer le dos, pour le moment.*” (*Le Monde*, 21.07.22)

Пер.: «Приходится признать, что поднять груз всех проблем, сложившихся в России за последние двадцать лет, при этом не **надорвав спину**, на данный момент не представляется возможным». (*Le Monde*, 21.07.22)

Se déchirer le dos «надорвать спину» означает почувствовать сильную боль в спине. Данное состояние может быть спровоцировано выполнением какой-то тяжёлой работы. *Soulever la charge de tous les problèmes* «поднять

груз» проблем значит решить все возникшие вопросы и не испытывать более сложных ситуаций. Подобная аналогия отчётливо подчёркивает, что России трудно решить все выпавшие на её долю проблемы и что решение всех проблем будет для неё тяжким испытанием.

Сфера-источник **«Поведенческие реакции»**.

Поведенческие реакции, эксплицируемые вербально и невербально, описывающие отношения на государственном и международном уровнях, свидетельствуют об оценочной составляющей данных взаимодействий. Например: “”

“Se moquer de cet état ne réduit en rien la menace qui en découle”. (Libération, 07.07.22)

Пер.: *«Высмеивание данного государства отнюдь не уменьшает исходящую от него угрозу».* (Libération, 07.07.22)

Se moquer «высмеивание» то есть представление в смешном виде страны, высказывание в её адрес нередко недопустимых высказываний.

“La France est tombée dans les cendres des feux interethniques”. (Le Monde, 04.08.22)

Пер.: *«Франция вляпалась в пепел межнациональных пожаров».* (Le Monde, 04.08.22)

Глагол *tomber dans les cendres* «вляпаться» посредством своей аналогии информирует читательскую аудиторию о том, что Франция попала в очень нехорошую политическую ситуацию, касающуюся межнациональных конфликтов (пожаров).

“Au cours des cinq dernières années, la Russie a réussi à sauter à la troisième place dans le monde pour les investissements étrangers.” (Le Monde, 08.09.22)

Пер.: *«За прошедшие пять лет, Россия умудрилась заскочить на третье место в мире по иностранным инвестициям».* (Le Monde, 08.09.22)

Россия *a réussi à sauter* «умудрилась заскочить», то есть смогла занять (оказаться) на определённом месте по рассматриваемому в статье вопросу (иностранным инвестициям).

Сфера-источник «Музыка».

“*En cas du conflit nucléaire armé, tous les pacifistes d'aujourd'hui chanteront différemment.*” (*Le Figaro*, 02.06.22)

Пер.: «В случае вооруженного ядерного конфликта, все сегодняшние пацифисты **запоют** по-другому». (*Le Figaro*, 02.06.22)

Метафора *chanteront* «запоют» с юмором сообщает читателю, что пацифисты в случае вооруженного конфликта будут говорить по-другому и выражать другие мысли и мнения.

Сфера-источник «Психологическое состояние человека».

Когнитивные признаки домена «Психологическое состояние человека» переносятся на персонификацию властных структур и самих государств непосредственно:

“*Les commentaires blessants sur les activités du nouveau président américain ne semblent pas le gêner du tout*”. (*Le Figaro*, 09.06.22)

Пер.: «**Обидные отзывы** касательно деятельности нового президента США, похоже, совсем не смущают его». (*Le Figaro*, 09.06.22)

“*Le profane voit un pouvoir terrifié qui s'est amené à un état de psychose guerrière.*” (*Libération*, 04.07.22)

Пер.: «Обыватель видит **испуганную власть**, доведшую саму себя до состояния воинственного психоза». (*Libération*, 04.07.22)

Метафоры *commentaires blessants* «обидные отзывы» и *pouvoir terrifié* «испуганная власть» посредством своей аналогии передают оскорбительность, едкость и колкость отзывов (первый пример) и страх, робость и трепет власти (второй пример).

Зачастую для характеристики политической активности используются лексические единицы, характеризующие физическую активность человека, его психологическое состояние или ту проблему, с которой он столкнулся.

“*Les récents essais militaires menés par l'armée Russe ont rendu la République balte engourdie d'horreur.*” (Le Figaro, 22.07.22)

Пер.: «Недавние военные испытания, проводимые Российскими военными, заставили прибалтийскую республику **оцепенеть от ужаса**». (Le Figaro, 22.07.22)

Метафора *engourdir d'horreur* «оцепенеть от ужаса» позволила автору публикации ярко показать, что вся прибалтийская республика замерла (испугалась) под влиянием чувства страха, вызванного мощью Российской боевой техники.

Сфера-источник «**Религия**».

Значение глагола *rejette* «откреститься» связано с религиозными представлениями о том, что, если человек осеняет себя крестом, то он отгораживается и защищается от воздействия нечистой силы. Метафорическое значение связано с отказом или отречением от чего-либо:

“*Bien sûr, Moscou rejette toute accusation de déstabilisation de l'est de l'Ukraine.*” (Le Figaro, 08.07.22)

Пер.: «Разумеется, Москва **открещивается** от любых обвинений о дестабилизации Восточной Украины». (Le Figaro, 08.07.22)

Метафорическая аналогия *rejeter* «открещиваться» даёт аудитории информацию о том, что Россия отвергает все обвинения в свой адрес относительно осуществления подрыва власти в Восточной Украине.

Анализ метафор французского политического дискурса позволил выявить частотность использования той или иной сферы-источника для образования метафорической конструкции, что представлено в Таблице 3.

Таблица 3.

Сферы-источники политической метафоры во французском медийном дискурсе

Наименование сферы-источника	Количество фрагментов	% использования
Животные	304	24,7%
Части тела	206	16,7%
Природные явления	198	16,1%
Погодные явления	192	15,6%
Внешний облик человека	169	13,7%
Поведенческие реакции	39	3,2%
Болезнь	34	2,7%
Физическая активность	30	2,4%
Психологическое состояние человека	26	2,1%
Драгоценные металлы	18	1,4%
Музыка	7	0,5%
Религия	5	0,4%

Анализ сфер-источников показал частотность используемых сфер для создания метафорических конструкций: анималистическая метафора как результат переноса из сферы-источника **Животные** (24,7%) в область цели Политику составляет нуклеарную часть. Соматизмы, образованные в результате переноса из области **Части тела** составили околоядерную зону(16,7), а также **Природные явления** – 16.1%. Приводимые результаты соотносятся с древнейшими архетипами мировидения и мироустройства.

Проведённый анализ показал наибольшую частотность образной сферы «Животные» как способ передачи специфических особенностей речи людей, движений, внешнего облика, так как именно эта образная сфера наиболее ярко демонстрирует коннотативные или эмоционально-оценочные аспекты деятельности политиков. Именно политические аналогии наиболее ярко

демонстрируют способность метафоры выступать как текст в тексте, так как образно развивают высказанные автором публикации размышления о той или иной общественно-политической ситуации или о том или ином политическом деятеле. Каждая метафора, выполняя в текстовом формате газетной публикации свою ту или иную функцию (номинативную, образную, информативную, оценочную, эмоциональную и т.д.), показывает, что когнитивные и прагматические особенности её создания тесно взаимосвязаны и предопределены комплексом причин: политико-идеологической установкой газетного издания, мировоззренческими характеристиками автора публикации, жанровой спецификой текстовой информации, особенностями сюжетного материала, отличительными чертами современной политической обстановки и определёнными сторонами той политической ситуации или того общественного явления, которые представляются журналистом. Политическая метафора отчётливо называет существующую проблему, делая явный намёк на её имплицитные характеристики, что, безусловно, заставляет читательскую аудиторию принимать точку зрения и оценку ситуации, высказанную автором публикации.

3.3. Структура и содержание концепта *guerre* «война»: понятийная и оценочно-метафорическая составляющие

В данном параграфе представлен семиотический и лингвокогнитивный анализ концепта *guerre* «война» в пространстве медиатекста. Репрезентация концепта *guerre* «война» доминирует в потоках современных французских СМИ. Причем они вбирают основные смыслы национальной картины мира о войнах, представленные в художественных произведениях и публицистике, но отражают смысловые аналогии и параллели корпуса актуальных медиатекстов.

В современной политической коммуникации одной из главных задач является формирование имиджей политиков, политических лидеров и руководителей государств, оценочное комментирование идеологической платформы и действий политических партий, объединений, событий, происходящих в регионах и в мире.

Политическая сфера как важная часть национальной культуры входит в языковую картину мира и, по мнению А.П. Чудинова, концептуализируется особым образом в национальном сознании. В политическом дискурсе «привычные единицы языка получают необычную интерпретацию», именно поэтому анализ репрезентаций политических концептов открывает широкое исследовательское поле для анализа [Чудинов, 2012].

Как уже отмечалось, традиционные взгляды на метафору были перевернуты, когда Джордж Лакофф и Марк Джонсон выдвинули новый взгляд на метафору с когнитивной точки зрения в своей книге "Метафоры, которыми мы живем" в 1980 году (Филип 2000:1). Авторы утверждают, что метафора - это скорее концептуальный феномен, нежели языковой [Lakoff, Johnson 1980: 5]. Она является одним из важнейших когнитивных механизмов, основанных на установлении связей между концептами/концептуальными структурами, относящимися к разным областям знания или доменам. Метафора — это «понимание и переживание сущности одного вида в терминах сущности другого вида» [Lakoff, Johnson 1980: 5]. В основе аналогии лежит процесс структурного сближения концептуальных областей, который отражает относительное сходство представлений. Таким образом, метафоры заполняют когнитивные пробелы, расширяя языковые и концептуальные знания (См., напр.; Гиббс 2017; Гиббс & Коулстон, 2012; Лакофф & Джонсон, 1980). Интерпретация концептуальной метафоры предполагает установление сравнения между источником и целью.

Метафора войны строится по модели «ВОЙНА есть X» или обратная структура – «X есть ВОЙНА». Наиболее изучены конвенционные

милитаристские метафоры, эксплицируемые по формулам: «ПОЛИТИКА – это ВОЙНА», «БИЗНЕС – это ВОЙНА», «СПОРТ – это ВОЙНА», «СПОР – это ВОЙНА», «ВОЙНА – это УБИЙСТВО», «ВОЙНА – это БОЛЬ», «БОЛЕЗнь – это ВОЙНА», «ЛЮБОВЬ – это ВОЙНА». В последние годы добавилась когнитивная формула «КОВИД – это ВОЙНА» и др.

При этом СМИ выступают как ключевой механизм воздействия на массовое сознание, способствуя продвижению определенных целей, в первую очередь дискредитации оппонентов в жесткой конкуренции политической борьбы. Таким образом, концепт *войны*, наравне с концептом *власть* является базовым концептом политической коммуникации.

К наиболее частотным концептам, функционирующим в политическом дискурсе, относится концепт *guerre* «война/», вербальные средства репрезентации которого, позволяют рассматривать его как концептуальную метафору. Благодаря средствам массовой информации читательская аудитория всегда в курсе всего того, что происходит в мире. Чтобы быстрее донести до аудитории ту или иную информацию и представить её в том или ином эмоционально-оценочном ракурсе, авторы статей часто прибегают к помощи метафор. Этот стилистический приём позволяет журналисту (автору статьи политического характера) объяснить читателям смысл представляемого и дать ему определённую оценку, обращаясь к хорошо знакомым им понятиям и концептам, ибо не вызывает сомнения тот факт, что людям проще воспринимать информацию, выраженную в привычных категориях.

В соответствии с целями настоящего исследования нами анализируются понятийная, оценочно - метафорическая и семиотическая составляющие структуры концепта *guerre* «война/».

3.3.1. Понятийная составляющая и фреймирование концепта *guerre* «война»

Понятийные признаки концепта - это его «рациональная часть, т.е. то содержание, которое включает только существенные характеристики объекта и рационально мыслится, а не переживается» [Карасик 2002: 153].

Понятийная составляющая представляет собой часть признаковой структуры, выявляемой на основе анализа значений ключевых номинаций концепта, его репрезентирующих. Поскольку понятийный компонент закладывает смысловое содержание последующих вербализаций, остановимся на нем более подробно.

Мы исходим из трёхкомпонентной структуры концепта, которой придерживаются Ю.С. Степанов, С.Г. Воркачѳв, В.И. Карасик и другие. По их мнению, понятийная сторона концепта это – «буквальный смысл, или «внутренняя форма», или этимология концепта и явления культуры» [Степанов, 1995], «отражение признаковой и дефиниционной структуры концепта» [Воркачѳв, 2001], «языковая фиксация концепта, его обозначение, описание, признаковая структура, дефиниция» [Карасик, 2002]. По нашему мнению, рассматривая семиотическую организацию концепта, мы можем считать её семантический модуль (концептуально-информационный) понятийной стороной концепта.

В основе концептуальной метафоры «война» во французском языке лежит лексическая единица «*guerre*», которая и называет данный концепт. Её история начинается с древней верхненемецкой формы «*werre*», означающей *querelle, desordre, confusion* («ссора, беспорядок, смятение/смута») и в некоторых случаях *guerre* «война». Во французском языке слово «*guerre*» с сегодняшним базовым значением «война» появилось лишь в XII веке. Таким образом, в основе семантики ядра данного концепта лежать значения: «волнение», «беспорядок», «возмущение», «ссора».

Прежде всего исследуем содержание понятийного компонента концепта «*guerre*», используя данные лингвистических словарей.

Рассмотрим данные этимологического словаря, которые, как представляется, репрезентируют базовые данные концепта.

На лингвистическую ценность данного концепта указывает большое количество лексико-семантических вариантов имени концепта «guerre». «*Guerre*», будучи лексемой с широкой семантикой, насчитывает по словарю 48 синонимов (*dispute, querelle, combat, bataille, conflit, lutte, attaque, contestation, affaire, campagne, offensive, dissension, difficulté, émeute, revolution, opposition, feu, dé mêlé, troubles, escarmouche, polémique, conflagration, insurrection, baroud, bagarre, hostilités, croisade, cataclysme, champ de bataille, conquête, art militaire, champ d'honneur, belligérance, stratégie, tactique, boucherie, lutte armée, armes, invasion, camp, casse-cou, casse-gueule, casse-pipe, guerilla, front, incendie, animosité, expedition* / спор, ссора, драка, битва, конфликт, борьба, нападение, спор, дело, кампания, наступление, раздор, раздор, бунт, революция, оппозиция, пожар, беспорядки, беспорядки, стычка, полемика, пожар, восстание, схватка, драка, военные действия, крестовый поход, катаклизм, поле битвы, завоевание, военное искусство, поле чести, воинственность, стратегия, тактика, бойня, вооруженный бой, оружие, вторжение, лагерь, смельчак, смельчак, трубочист, партизан, фронт, пожар, вражда, экспедиция).

Исследование понятийного компонента мы начали с анализа семантемы ключевого имени концепта на основе изучения словарных толкований лексемы «guerre».

Guerre, subst. fern. — Situation conflictuelle entre deux ou plusieurs pays, états, groupes sociaux, individus, avec ou sans lutte armée. /Конфликтная ситуация между двумя или более странами, государствами, социальными группами, отдельными лицами, с вооруженной борьбой или без нее./ [Grand dictionnaire..., 1982: 99].

Guerre n. f. — Affrontement armé entre des Etats, ayant une certaine durée et une certaine envergure /вооруженное столкновение между государствами, имеющее определенную продолжительность и размах./ [Dictionnaire, 2003: 120].

Note(s) :/ Примечание(и) /:

La *guerre*, phénomène collectif, social et historique, est une manifestation de violence physique à caractère homicide puisqu'elle implique nécessairement l'utilisation d'armes. Qu'elle soit officiellement déclarée ou non, la guerre est une situation socialement reconnue, qui perdure dans le temps et dont les affrontements revêtent une certaine ampleur. La fin peut en être marquée ou non par un accord de paix (traité ou armistice).

/Война, коллективное, социальное и историческое явление, является проявлением физического насилия, носящего характер убийства, поскольку elle обязательно подразумевает использование оружия. Независимо от того, объявлена ли elle официально или нет, война-это социально признанная ситуация, которая длится долго и столкновения в которой приобретают определенный масштаб. Прекращение может быть озаменовано или не озаменовано мирным соглашением (договором или перемирием)./ [Dictionnaire, 2006: 145].

Le terme anglais warfare désigne un ensemble d'opérations précises inhérentes à un conflit armé et marquées par une caractéristique spécifique (le type d'arme utilisé, la manière dont la lutte est menée, etc.). Ainsi, warfare, le plus souvent accompagné d'un qualificatif, est préféré à war pour faire référence à une guerre chimique (chemical warfare), à une guerre nucléaire (nuclear warfare), etc. / Английский термин "война" обозначает набор точных операций, присущих вооруженному конфликту и отмеченных определенной характеристикой (тип используемого оружия, способ ведения боя и т. д.). Таким образом, "война", чаще всего сопровождаемая определителем, предпочтительнее, чем "война", для обозначения вооруженного конфликта. химическая война(chemical warfare), имеет ядерную войну (nuclear warfare) и т. д./ [Dictionnaire, 2001: 230].

Guerre, nom féminin — 1) Lutte armée entre plusieurs pays, peuples; 2) Conflit sans affrontement armé. Ex Guerre des nerfs. Synonyme stratégie Anglais war of attrition (guerre d'usure). / Война, существительное женского рода-л) вооруженная борьба между несколькими странами, народами; 2) конфликт

без вооруженного столкновения. Бывшая война нервов. Синоним английской стратегии war of attrition (война на истощение)./ [Grand dictionnaire..., 1976: 254].

Guerre, nom féminin singulier — 1) (politique) conflit armé entre Etats, pays, clans; 2) conflit sans merci mais mené sans armes /Война, существительное женского рода единственного числа — 1) (политический) вооруженный конфликт между государствами, странами, кланами; 2) беспощадный, но безоружный конфликт./

Guerre (n.f.) — conflit armé entre des groupes humains organisés selon les règles militaires /вооруженный конфликт между группами людей, организованными в соответствии с военными правилами./

Guerre — Lutte armée entre des nations, entre des partis /вооруженная борьба между нациями, между партиями./

Guerre, nom féminin (germanique *werra, dispute) — 1) Lutte armée entre Etats. (La guerre entraîne l'application de règles particulières dans l'ensemble des rapports mutuels entre Etats ; elle commence par une déclaration de guerre ou un ultimatum et se termine par un armistice et, en principe, par un traité de paix qui met fin à l'état de guerre.) ; 2) Lutte entre des groupes, entre des pays qui ne va pas jusqu'au conflit sanglant Une guerre économique, de propagande ; 3) Lutte entre des personnes, hostilité : Entre lui et moi, c'est la guerre. /Война, существительное женского рода (германское * werra, спор) - 1) вооруженная борьба между государствами. (La guerre entraîne l'application des règles particulières de les ensuel des mutuales Relations interstates ; она начинается с объявления войны или ультиматума и заканчивается перемирием и, в принципе, мирным договором, который прекращает состояние войны.); 2) борьба между двумя государствами. группы, между странами, которые не доходят до кровавого конфликта, экономическая, пропагандистская война; 3) борьба между людьми, вражда: между ним и мной, война.

Проведенный анализ толкований данного слова, предложенных в ряде словарей французского языка, позволяет выделить два основных значения

имени концепта «*guerre*»: 1) *lutte armée; conflit, affrontement armé* (вооруженная борьба, вооруженный конфликт, столкновение); 2) *lutte entre des personnes, hostilité, conflit sans affrontement armé* /борьба между людьми, вражда, конфликт без вооруженного столкновения.

Таким образом, можно выделить две основные дефиниции, присущие функциональным эквивалентам базового имени концепта «*guerre*»: *спор, ссора* и *возмущение, война*.

Ниже приводится классификация репрезентантов концепта по группам выделенных лексем, осуществленная на основе вышеприведенных семантических компонентов, что позволяет выявить дополнительные характеристики исследуемого концепта:

1) «**спор, ссора**»: *lutte entre plusieurs rivaux qui cherchent a obtenir ou a conserver la même chose* (соперники, объединенные одной целью), *discussion ou les adversaires s'opposent vivement* (противники противопоставлены), *opposition d'idées, de sentiments, d'intérêts* (область духовного, нефизического), *action de discuter, d'examinei en faisant preuve d'esprit critique* (аргументированный спор), *discussion animée entre interlocuteurs exposant souvent des idées opposées sur un sujet donné* (противник противопоставлены), *discussion argumentée* (аргументированный спор), *divergence d'opinions, mésentente* (разногласие, представление разных точек зрения), *querelle sur un point précis* (разногласие, представление разных точек зрения), *conflit de paroles ou d'écrits* (только словесный или письменный).

2) «**возмущение, война**»: *lutte dans laquelle ou les adversaires se défendent en faisant usage de tous les moyens dont ils disposent* (используются все доступные средства), *action générale de deux armées qui se livrent combat* (именно вооруженная атака), *lutte armée* (именно вооруженный конфликт), *operation militaire, généralement de grande envergure, ou l'on prend l'initiative de l'attaque* (вооруженный конфликт с преимуществом атаки), *agitation, soulèvement populaire qui explose en violence a l'occasion d'une situation tendue* (конфликт внутри государства), *mouvement collectif de rebellion contre une*

autorité établie (единение сил против одного общего противника), *renversement soudain du regime politique d'une nation* (конфликт внутри государства), *combat localise et de courte durée* (конфликт, имеющий определенную локацию и ограниченный промежуток времени).

Проведенный анализ позволяет наметить составляющие концептуального поля «*guerre*». В качестве понятийного ядра концепта выступает инвариативный компонент «*война, вражда, столкновение*». Сценарная составляющая концепта выстраивается по следующим направлениям, структурирующих фреймовую структуру концепта «*guerre*»:

1. Материальность конфликта: физический или вербальный.
2. Локация конфликта: внешний или внутренний по отношению к определенному государству.
3. Соотношение противников: вместе против одного врага или друг против друга.
4. Физический или психологический конфликт.

Выявленные в процессе анализа вербализаторы концепта «*guerre*» позволяют нам предложить схему анализа концепта-сценария, который реализует в плане своего развития определенный сюжет, структурируемый фреймами (сценами) и набором стереотипных действий и реакций на них (скриптами). Такие фрейм-сценарии представляют собой определенную структуру для события, ситуации, действия.

Поясним, что вслед за В.И. Карасиком, под фреймом нами понимается «обобщённая структура данных представления стереотипных ситуаций, модель для измерения и описания знаний, хранящихся в памяти людей» [Карасик, 2002]. Фреймовая структура представляет собой ассоциативный набор обязательных и факультативных компонентов – сети смысловых узлов (слотов). М.Минский указывает, что каждый узел должен быть заполнен своим «заданием», представляющим собой те или иные характерные черты ситуации, которой он соответствует. Иными словами, каждый слот хранит в себе определённый объём информации.

Анализа понятийного компонента концепта «*guerre*» осуществлен в опоре на 600 вербальных репрезентаций в материалах СМИ статей политического характера.

Фрейм-концепт «*guerre*», как показал анализ разножанровых сообщений французских СМИ политической тематики, формируется на базе следующих 10 слотов, единство которых довольно в полном объеме представит обозначенный фрейм:

- *initiator belli* – государство, развязывающее войну;
- *exacerbation belli* – провокационные действия одного государства против другого;
- *secundo particeps belli* – второй участник военного конфликта;
- *causa belli* – причина возникновения военной ситуации;
- *status belli* – состояние войны;
- *natura belli* – средства, которыми ведётся война;
- *finis belli* – это то, ради чего ведутся военные действия и та ситуация, которая складывается в стране по окончании военных действий;
- *modus belli* - вид, разновидность и формы войны;
- *results belli*- итоги войны для обоих государств;
- *effectus belli* - последствия войны для мирового сообщества.

Опираясь на десятислотовую фреймовую структуру, представляющую базовые признаки концепта, рассмотрим фрейм «*война, вражда, столкновение*», репрезентирующий схему ситуаций, связанных с войной и конфликтами.

Продемонстрируем вышесказанное на примере двух различных военных конфликтов: 1) война между государствами (на примере конфликта США в Ираке); 2) гражданская война (на примере гражданской войны в Ливане). Несмотря на то, что данные ситуации не являются актуальными, их экспликация разворачивается по базовой модели.

Межгосударственная война: Иракская война – длительный военный конфликт США против Ирака:

Слот «initiator belli». Данный слот во фрейме представляет то государство, которое первым начинает военные действия, развязывая войну. В нашем случае это нападающее государство, то есть Соединенные Штаты Америки.

Слот «exacerbation belli». Данный слот демонстрирует провокационные действия, ведущие к разрушению и тем самым вызывающие ответные санкции, то есть определённые меры воздействия для наказания провокаторов. В качестве сил, которые повлияли на развязывание войны, явились террористические акты 11 сентября 2001, что позволило США развязать войну против терроризма в лице конкретного государственного деятеля, политического деятеля Ирака.

“Immédiatement après les attentats du 11 septembre 2001, il a pointé du doigt l’Irak...” (L’Humanité, 20.03.08)

Пер.: «Сразу после **терактов** 11 сентября 2001 года он указал пальцем на Ирак...» (L’Humanité, 20.03.08)

Таким образом, лексическая единица «**attentat**» (террористический акт) представляет собой тот слот, который во фрейме «война» характеризует те провокационные действия Ирака, направленные против США, которые и послужили толчком к началу военных действий Америки против Ирака.

Слот «secondo particeps belli». Во фрейме «война» - это государство, которое подверглось нападению, которое ведёт оборонительную войну. Данный слот представлен названием страны, предположительно являющейся пристанищем террористов. Государство, против которого США начали военные действия, обвинив в террористических актах, и которое начало оборонительную войну – это конкретная страна: Ирак:

“Cinq ans apres le debut de la guerre en_Irak...” (L’Humanité, 20.03.08)

Пер.: «Через пять лет после начала войны в **Ираке**...» (L’Humanité, 20.03.08)

“...ainsi que les crimes commis lors de la guerre contre l’Irak...”
(L’Humanité, 02.01.07)

Пер.: «... а также преступления, совершенные во время войны с Ираком ...» (L’Humanité, 02.01.07)

Слот «causa belli» аккумулирует причину возникновения той или иной ситуации. Во фрейме «война» - это причина развязывания войны.

“Le président des États-Unis, première puissance mondiale, affirme que Saddam Hussein est de mèche avec Oussama Ben Laden, l’Arlésienne terroriste, et que l’Irak possède des armes de destruction massive”. (L’Humanité, 20.03.08)

Пер.: «Президент Соединенных Штатов, ведущей державы мира, утверждает, что Саддам Хусейн состоит в союзе с Усамой бен Ладеном, арлезийским террористом, и что Ирак обладает оружием массового уничтожения». (L’Humanité, 20.03.08)

В данном случае обозначенный слот представляется словами: *possède des armes de destruction massive / обладает оружием массового уничтожения.*

Данные лексемы несут в себе крайне негативный потенциал, чётко обозначая необходимость ликвидации данного оружия, как средства, которое способно привести к массовой гибели населения планеты.

Слот «status belli» охватывает информацию, касающуюся того состояния, в котором находится страна, подвергнутая военному вмешательству:

“Et malgré la chute du régime de Saddam, le pays, toujours occupé par les États-Unis, est ravagé par les violences”. (L’Humanité, 20.03.08)

Пер.: «И несмотря на падение режима Саддама, страна, все еще оккупированная Соединенными Штатами, охвачена насилием». (L’Humanité, 20.03.08)

Лексическая единица «violence» /насилие/ несёт в себе информацию, касающуюся применения насильственных действий, террора, деспотизма,

принуждения страны-захватчика по отношению к стране, против которой ведутся военные действия.

*«C’était une bataille mondiale entre le **totalitarisme** et les forces de la liberté». (Le Figaro, 22/10/2007)*

Пер.: «Это была глобальная битва между **тоталитаризмом** и силами свободы». (Фигаро, 22.10.2007)

Лексема «**totalitarisme**» (тоталитаризм), характеризующая данный слот, ярко демонстрирует тяжелый режим тотального контроля, против которого и ведутся военные действия.

Слот «natura belli». Данный слот – это то, что способствует осуществлению ситуации. Во фрейме «война» - это те средства, которыми ведутся военные действия. Данный слот репрезентирует методы ведения войны, а именно: теракты, совершаемые террористами-смертниками, незаконные нападения военнослужащих НАТО на мирных жителей.

*“des **attentats-suicides**, le **meurtre d’innocents** ...” (Le Monde, 09.03.08)*

Пер.: «**взрывы террористов-смертников, убийство невинных людей...**» (Le Monde, 09.03.08)

“Enfin, les revelations des tortures infligées aux prisonniers des américains ont dévoilé la sinistre vérité de la démocratisation et la liberation de l’Irak”. (Le Monde, 09.03.08)

Пер.: «Наконец, разоблачения пыток, которым подвергались американские заключенные, раскрыли зловещую правду о демократизации и освобождении Ирака». (Le Monde, 09.03.08)

*“Depuis la fin du XIX siècle, le droit international humanitaire (DIH) définit les limites des horreurs de la guerre: **traitement** des blessés et prisonniers de guerre, protection des civils, **interdiction** de certaines armes ou du **recours a la torture**.” (L’Humanite, 16.10.07)*

Пер.: «С конца XIX века, международное гуманитарное право (ДИН) определяет границы ужасов в войне: **ограничение свободы** раненых и

военнопленных, запрет на богослужение гражданских лиц, **запрет определенных видов оружия или орудий пыток»** (L'Humanite, 16.10.07)

Война имеет свои определенные правила:

*“Le president venezuelien insinue que les ordinateurs saisis ont ete places par la police colombienne dans le campement de Reyes, et martele que lors de l’operation, plusieurs guerilleros blesses ont ete acheves par les soldats colombiens, au mepris **des regles de la guerre**”.* (Le Figaro, 16.05.08)

Пер.: «Президент Венесуэлы намекает, что захваченные компьютеры были размещены колумбийской полицией в лагере Рейес, и отмечает, что в ходе операции несколько раненых партизан были убиты колумбийскими солдатами в соответствии с **правилами ведения войны**». (Le Figaro, 16.05.08)

*“Mais, en 125 pages, parvenir a restituer, honnetement, **la mecanique de cette guerre** coloniale est un tour de force”.* (L'Humanite, 30.04.07)

Пер.: Но на 125 страницах добиться того, чтобы честно восстановить **механику этой** колониальной **войны**, - непростая задача». (L'Humanite, 30.04.07)

Слом «fines belli» представляет собой то, ради чего осуществляется определённая ситуация. Во фрейме «война» это, безусловно то, ради чего развязывается война. В рассматриваемом случае - это уничтожение террористов, становление демократии.

“Washington voudrait parvenir à deux accords parallèles. L’un de cadre stratégique, qui déterminerait les bases de la relation bilatérale dans les domaines de la politique, de l’économie et de la sécurité, et permettrait à l’Irak de jouir de sa pleine souveraineté.” (L'Humanité, 20.03.08)

Пер.: «Вашингтон хотел бы достичь двух параллельных соглашений. Одна из стратегических задач, которая определила бы основы двусторонних отношений в области политики, экономики и безопасности и позволила бы Ираку пользоваться своим полным суверенитетом.» (L'Humanité, 20.03.08)

*“...l’opération menée par les États-Unis est «guerre contre le terrorisme»
(L’Humanité, 19.03.07)*

Пер.: *«... операция, проводимая Соединенными Штатами, это «война с терроризмом» (L’Humanité, 19.03.07)*

Слом «modus belli» представляет разновидность и формы войны. Война может иметь различные формы:

*“...je n’entends nullement dire que les revolutionnaires francais seraient responsables de **toutes les formes** qu’a prises cette guerre du XIXe au XXIe siecle.” (L’Humanite, 28.12.04)*

Пер.: *«...я ни в коем случае не хочу сказать, что французские революционеры несут ответственность за **все формы**, которые приняла эта война с девятнадцатого по двадцать первый век». (L’Humanite, 28.12.04)*

*“Et la guerre peut prendre parfois **de multiples et entrages formes**”.*
(L’Humanite, 07.11.07)

Пер.: *«А война иногда может принимать **самые разные формы**».*
(L’Humanite, 07.11.07)

*“Ils pensaient se venger d’Al-Qaida **grâce à une guerre éclair**”.* (Le Monde, 22.05.08)

Пер.: *«Они думали отомстить Аль-Каиде с **помощью молниеносной войны**».* (Le Monde, 22.05.08)

Слом «results bell» в стандартном представлении фрейма – это, безусловно, то, что появляется в результате осуществления ситуации. Во фрейме «война» - это обстановка, сложившаяся после окончания войны. В анализируемом фрейме - это репрезентирует в основном разруху, дестабилизацию обществ и общественного порядка.

“Aujourd’hui, /’Irak est un divisé”. (L’Humanité, 20.03.08)

Пер.: *«Сегодня Ирак разделен».* (L’Humanité, 20.03.08)

“Cinq ans apres le debut de la guerre en Irak, la situation humanitaire dans la plupart des régions du pays reste parmi les plus critiques de la planète”.
(L’Humanité, 20.03.08)

Пер.: «Спустя пять лет после начала войны в Ираке гуманитарная ситуация в большинстве районов страны остается одной из самых критических на планете». (L'Humanité, 20.03.08)

“La croisade de Bush n'a fait qu'aggraver les tensions dans la région, donnant un poids toujours plus important aux islamistes”. (L'Humanité, 20.03.08)

Пер.: «Крестовый поход Буша только усугубил напряженность в регионе, придав все больший вес исламистам». (L'Humanité, 20.03.08)

“Dans cette parodie de justice, le plus grave réside dans le fait que, Saddam Hussein ayant été fait prisonnier par des forces étrangères au terme d'une guerre menée contre son régime...” (L'Humanité, 02.01.07)

Пер.: «В этой пародии на правосудие самым серьезным является тот факт, что Саддам Хусейн был взят в плен иностранными войсками в конце войны, развязанной против его режима...» (L'Humanité, 02.01.07)

Слом «effectus belli» представляет то, какое влияние оказали те или иные военные действия на ситуацию в мире.

“Cette operation aura des conséquences désastreuses - pas seulement dans le monde arabe.” (L'Humanité, 01.12.07)

Пер.: «Эта операция будет иметь катастрофические последствия - не только в арабском мире. (L'Humanité, 01.12.07)

Гражданская война в Ливане:

В случае гражданской войны война ведется внутри одного государства.

Слом «status belli» представляет сложившееся положение в стране, погрузившейся в состояние войны.

“Une guerre civile *atroce et cruelle* se dessine au Liban...” (Liberté, 09.05.08)

Пер.: «В Ливане назревает ужасная и жестокая гражданская война» (Свобода, 09.05.08)

Слот **«modus belli»** демонстрирует разновидность войны.

“Le Liban a basculé dans la guerre civile”. (Liberté, 09.05.08)

Пер.: «Ливан погрузился в **гражданскую** войну» (Свобода, 09.05.08)

Слот «exacerbation belli» представляет собой номинацию определенных событий, послуживших началом военного противостояния.

“*La violence avait éclaté le 7 mai dernier, lorsque des combattants alliés avec le Hezbollah du ont pris d'assaut plusieurs quartiers de Beyrouth.*” (Les Echos, 21.05.08)

Пер.: «Насилие вспыхнуло 7 мая прошлого года, когда боевики, связанные с “Хезболлой”, **штурмовали несколько кварталов Бейрута**». (Les Echos, 21.05.08)

Слот «natura belli» репрезентируется посредством слов: убийства, покушения, тайный, неизвестный, что подчеркивает характер войны – без законов и правил.

“*La nouvelle guerre froide se livre le plus souvent dans l'ombre, entre services secrets et mouvements clandestins, à coup d'assassinats ou d'attentats que personne ne prend plus la peine de revendiquer*”. (Le Figaro, 25.03.2008)

Пер.: «Новая холодная война чаще всего ведется в тени, между секретными службами и подпольными движениями, с **убийствами** или **терактами**, ответственность за которые больше никто не берет на себя». (Le Figaro, 25.03.2008)

Слот «secondo particeps belli» представляет собой различного рода разногласия внутри страны, между партией и оппозицией.

“*Menée par le Hezbollah, l'opposition libanaise a rejeté hier lors de la conférence de Doha une proposition du Qatar pour sortir de l'impasse, qui a failli plonger le pays dans la guerre civile*”. (Les Echos, 20.05.08)

Пер.: «**Ливанская оппозиция**, возглавляемая “Хезболлой”, вчера на конференции в Дохе отвергла предложение **Катара** о выходе из тупика, который едва не вверг страну в гражданскую войну». (Les Echos, 20.05.08)

Слот «causa belli» номинирует причину возникновения военной ситуации.

*“L’armée libanaise a averti mardi que ses soldats auront recours a la force si nécessaire pour **rétablir la loi et l’ordre dans le pays**”.* (Le Figaro, 25.03 2008)

Пер.: «Ливанская армия предупредила во вторник, что ее солдаты при необходимости прибегнут к силе, чтобы **восстановить закон и порядок в стране**». (Le Figaro, 25.03 2008)

Слот «results bell» представлен словами «мир, согласие, понимание, выбор достойного правительства, достижение общих целей».

*“L’accord entre majorité et opposition libanaise est historique. Outre **l’élection d’un président, il prévoit la formation d’un gouvernement d’union avec une minorité de blocage pour l’opposition et des elections générales en 2009**”.* (Les Echos, 21.05.08)

Пер.: «Соглашение между большинством и ливанской оппозицией является историческим. Помимо **выборов президента, он предусматривает формирование объединенного правительства с блокирующим меньшинством оппозиции и всеобщие выборы в 2009 году**». (Les Echos, 21.05.08)

Слот «fines belli». Данный слот отражает сложившуюся ситуацию после окончания военных действий.

*“Mais la **crise** actuelle se nourrit de toutes les tensions régionales, et sa solution se trouve saris doute à l’extérieur de ses frontières.”* (Le Figaro 25.03.2008)

Пер.: «Но нынешний **кризис** подпитывается всей региональной напряженностью, и его решение, несомненно, находится за пределами его границ». (Le Figaro 25.03.2008)

*“Comme la plupart des édifices publics de Beyrouth, les bureaux du quotidien, dans l’ouest de la ville, sont proteges par des blocs de béton contre les **voitures suicides**”.* (Le Figaro, 25.03.2008)

Пер.: «Как и большинство общественных зданий Бейрута, офисы ежедневных газет в западной части города защищены бетонными блоками от **автомобилей смертников**». (Le Figaro, 25.03.2008)

Слот «*effectus belli*» репрезентирован следующими словами: столкновение, погибшие, борьба.

“*Dix-huit ans après la fin de la guerre civile, la capitale libanaise est redevenue le champ clos des affrontements des puissances régionales*”. (Le Figaro 25.03.2008)

Пер.: «Спустя восемнадцать лет после окончания Гражданской войны ливанская столица снова стала закрытым полем **столкновений** региональных держав». (Le Figaro, 25.03.2008)

“*Derrivré cette paralysie des institutions, se profilent des enjeux qui dépassent largement le Liban. Le pays est devenu le champ de bataille de la nouvelle guerre froide qui se livre au Moyen-Orient*”. (le Figaro, 25.03.2008)

Пер.: «Преодоление этого институционального паралича ставит перед собой задачи, выходящие далеко за рамки Ливана. Страна превратилась в поле битвы **новой холодной войны**, которая идет на Ближнем Востоке». (Le Figaro, 25.03.2008)

“*On déplore 54 morts dans les affrontements au Liban depuis la reprise des hostilités le 7 mai*”. (Le Figaro, 27.03.2008)

Пер.: «Сообщается о **54 погибших в результате столкновений** в Ливане с момента возобновления боевых действий 7 мая». (Le Figaro, 27.03.2008)

Рассмотрение данного компонента концепта «*guerre*», исходя из теории фреймов, позволило представить в Таблице 4 частотность каждого из выделенных слотов следующим образом:

Таблица 4.

Фреймовая структура понятийного компонента концепта «*guerre*»

Понятийное ядро концепта « <i>guerre</i> » / война	Наименование слота	Сущность слота	Количество текстовых фрагментов	% употребления в тексте газетной статьи

Lutte / борьба conflit armé / вооружённый конфликт	<i>initiator belli</i>	государство, развязывающее войну	21	13,8%
	<i>exacerbation belli</i>	провокационные действия одного государства против другого	19	12,5%
	<i>secondo particeps belli</i>	второй участник военного конфликта	18	11,8%
	<i>causa belli</i>	причина возникновения военной ситуации	17	11,1%
	<i>status belli</i>	состояние войны	15	9,8%
	<i>natura belli</i>	средства, которыми ведётся война	15	9,8%
	<i>finis belli</i>	ситуация в стране после войны	13	8,5%
	<i>modus belli</i>	вид, разновидность и формы войны	12	7,8%
	<i>results belli</i>	итоги войны для обоих государств	12	7,8%
	<i>effectus belli</i>	последствия войны для мирного сообщества	10	6,5%

Проведённый анализ показал абсолютное распределение репрезентантов (152) понятийного пласта концепта по слотам «участники войны» (*initiator belli* и *secondo particeps belli*) как безусловную необходимость представления участников вооружённого конфликта каким является война. Слоты, характеризующие разновидность войны и последствия для мирного сообщества, менее частотны в текстовом

пространстве, так как не выражают причин и сущности военных действий, что так важно при описании вооружённого конфликта. Слот «*effectus belli*» также менее частотен в текстовом пространстве газетной статьи на тему вооружённого конфликта, так как последствия войны для мирового сообщества могут быть настолько ужасными, что лучше не фиксировать на них внимание читательской аудитории. Довольно частотными являются слоты «*exacerbation belli*» и «*fines belli*», так как позволяют автору публикации зафиксировать внимание аудитории на тех фактах и событиях, которые послужили толчком к вооружённому конфликту и обратить внимание на сложившуюся ситуацию в стране.

3.3.2. Метафорические составляющие концепта *guerre* «война»: моделирование, аксиология, семиотика

Следующим когнитивным пластом концепта «*guerre*» является оценочно-метафорическая составляющая, репрезентирующая метафорическую оценочность персонажей на политической арене, фактические и ситуативные реализации событий в масштабе страны и на глобальном уровне.

В основе данного модуля лежат сферы-источники метафорического означивания, которые влияют на вектор восприятия, формирование оценки событий или убеждение в правильности аксиологии комментария автора, стратегической задачей которого являлось программирование определенного эмоционально-оценочного эффекта.

Наиболее распространенной метафорической схемой концептуализации войны в медийном политическом дискурсе является модель со сферой источником «Болезнь». В этом случае война предстаёт как некая болезнь, которую трудно диагностировать и вылечить. Сравнение войны с болезнью несёт в себе высокую степень негативной коннотации, за счет чего формируется общий тревожный фон новостного сообщения.

Модель «*Война – это болезнь*».

“*Ces guerres larvées*”/эти бессимптомные (скрытые) войны/

Автор прибегает к прилагательному *larvées* «бессимптомный», которое сопровождает семантически сочетается с существительное *maladie* «болезнь», чтобы продемонстрировать аналогию с неявным, скрытым протеканием болезни, показать, что ведется опосредованная война, война под прикрытием, позволяющая путем определенных манипуляций достигать своих интересов.

“*Ces guerres larvées et ces rivalités s'alimentent les unes les autres dans un écheveau à donner le tournis*”. (*Le Figaro*, 25.03.2008)

Пер.: «*Эти скрытые войны и соперничество подпитывают друг друга в клубок, который нужно повернуть*». (*Le Figaro*, 25.03.2008)

Войны в данном случае сравниваются с клубком змей, что ярко подчёркивает их непрерывность и бесконечность, что безусловно несёт в себе отрицательную эмоцию, так как показывает непрерывность и необъятность насилия, зла и смертей.

Затяжные состояния военного конфликта представляются как некое медиальное состояние, константного неважного самочувствия:

“*La distinction entre état de guerre et état de paix s'estompe*”. (*L'Humanite*, 28.12.04)

Пер.: «*Различие между войной и миром стирается*» (*L'Humanite*, 28.12.04)

Использование лексической единицы *s'estomper*, означающей «заволачиваться дымкой, исчезать, стираться, бледнеть», позволило журналисту показать, что война непрерывна и идёт постоянно.

Любая страна имеет риск «заболеть» подобной болезнью. Использование метафор с подобной коннотацией имеет целью вызвать страх у аудитории, что, безусловно, способствует появлению у неё негативных эмоций:

“...le président géorgien Mikhail Saakashvili allant jusqu'à parler d'un **risque de « guerre»** entre sa petite république du Caucase et l'ex-puissance dominante dans la région.” (Les Echos, 21.05.08)

Пер.: «... президент Грузии Михаил Саакашвили зашел так далеко, что заговорил об **опасности «войны»** между его маленькой кавказской республикой и бывшей доминирующей державой в регионе” (Les Echos, 21.05.08).

“En évoquant **le risque de guerre** qu'implique la volonté iranienne de construire la bombe.” (Le Figaro, 14.10.07)

Пер.: «Говоря о **риске войны**, связанном с желанием Ирана создать бомбу...» (Le Figaro, 14.10.07)

Война является болезненным «нарывом»:

“La guerre d'Irak est devenue un **abcès de fixation...**” (Le Figaro, 22.10.2007)

Пер.: “Война в Ираке стала стойким **нарывом...**» (Le Figaro, 22.10.2007)

Использование медицинской метафоры в политическом дискурсе достаточно традиционно, поскольку, как отмечает А.П. Чудинов, образ, создаваемый данной сферой-источником, «делает картину очень наглядной и активизирует эмоциональное восприятие читателями соответствующих реалий» [Чудинов, 2012: 184].

Модель «Война – игра/спорт». Войну как матч можно проиграть или выиграть, она может быть поражением. Поражение в спорте всегда было самым тяжелым испытанием для спортсмена (провалом надежд, крахом карьеры, настоящей катастрофой). Использование метафоры, несущей в себе отзвук неудач, крушения и разгрома, несёт в себе, безусловно, отрицательные эмоции и выполняет тем самым запланированную автором сообщения цель и задачу, а именно: дать отрицательную характеристику военным действиям, вызвав у аудитории негативные эмоции:

*“En septembre dernier, 59% des Américains estimaient que l’histoire retiendra la guerre en Irak comme **un échec**”.* (L’Humanité, 20.03.08)

Пер.: «В сентябре прошлого года, по оценкам 59% американцев, война в Ираке рассматривалась как **проигрыш**» (L’Humanité, 20.03.08).

“L’échec monumental qui s’appelle la «guerre en Irak», la fin du nationalisme laïque arabe et la hausse du prix du pétrole et du gaz ont entraîné de profonds changements dans la région.” (Le Figaro, 21.05.2008)

Пер.: «**Поражение**, которое называется война в Ираке, финал национального движения в арабском мире и награда за нефть и газ, а также подготовка к профессиональным изменениям в регионе». (Le Figaro, 21.05.2008)

*“Israel **gagne** les guerres mais perd les paix”.* (L’Humanité, 05.06.07)

Пер.: «Израиль **проигрывает** войны и теряет мир» (L’Humanité, 05.06.07)

Метафора, использованная коммуникатором, и нередко созданная им специально для представления определенного материала, может на эксплицитном уровне не нести отрицательной или положительной эмоционально-оценочной коннотации, однако контекст проявляет имплицитные смыслы текста или его фрагмента, манипулируя сознанием адресатов в сторону негативной или позитивной шкалы оттенков, способствуя созданию у читательской аудитории запланированного автором сообщения отрицательного или положительного эмоционально-оценочного отношения к представляемому. Примером этому могут служить лексемы, касающиеся «принятия участия» в войне или «игры в войну».

Итак, в войне можно принять участие:

*“Le procès du premier officier américain ayant refusé publiquement de **participer à la guerre en Irak** s’est terminé mercredi d’une manière inattendue par un échec de l’accusation”.* (L’Humanité, 09.02.07)

Пер.: «Процесс премьер-министра Америки, который отказался **участвовать** в вооруженной борьбе в Ираке, является окончательным, и

никто не может быть привлечен к ответственности». (*L'Humanité*, 09.02.07)

Лексическая единица *participer* «участвовать» позволила коммуникатору создать положительный имидж премьер-министра Америки, отказавшегося приложить руку к военным действиям в Ираке.

В войну также можно «играть»:

“*Tels de grands enfants en uniforme qui jouent à la guerre...*” (*Libération*, 03.04.08)

Пер.: «Такие большие дети в военной форме, которые **играют в войну...**» (*Libération*, 03.04.08)

Лексема «*jouer*» (играть) позволило автору принизить значимость военных действий, показав аудитории, что нет ничего страшного в происходящем, что, безусловно, вызывает положительные эмоции..

И так же, как и в спорте, в войне бывают судьи:

“*Il faut qu'on cesse d'être l'arbitre de cette guerre civile ...*” (*Libération*, 09.04.08)

Пер.: «Необходимо перестать быть **судьями** этой гражданской войны» (*Libération*, 09.04.08)

Лексема «*l'arbitre*» (судья) несёт в себе также положительные эмоции, показывая аудитории, что нет необходимости искать правых и виноватых, конфликт был неизбежен и нет необходимости выяснять кто прав, а кто виноват.

Интерпрационный анализ позволяет выделить также модель «*Война – это товар*»: она (война) продается, покупается и имеет определенную цену:

“... *la secrétaire d'Etat américaine est venue vendre la nouvelle stratégie guerrière de George Bush*”. (*L'Humanité*, 16.01.07)

Пер.: «...государственный секретарь Америки приехала **продавать** новую военную стратегию Джорджа Буша. (*L'Humanité*, 16.01.07)

“*M. Bush luer a lancé: «... alors ils disent que cette guerre coûte trop cher...*” (*Lle Monde*, 21.03.08)

Пер.: «М. Буш сказал им: "...итак, они утверждают, что эта война **стоит слишком дорого**..." (Le Monde, 21.03.08)

“Trois mille milliards de dollars, c’est le **coût** probable de la guerre en Irak selon Joseph Stiglitz, Prix Nobel d’économie, et Linda Bilmes, professeure de finances publiques à Harvard”. (Le Monde, 22.05.08)

Пер.: «Три тысячи миллиардов долларов - такова **стоимость** войны в Ираке, по мнению Джозефа Стиглица, лауреата Нобелевской премии по экономике, и Линды Билмес, профессора финансов из Гарварда.» (Le Monde, 22.05.08)

“Un jour de guerre en Irak c’est 720 millions de dollars (560 millions d’euros, environ)”. (L’Humanité, 26.03.07)

Пер.: «Один день войны в Ираке **стоит** 720 миллионов долларов (приблизительно 560 миллионов евро)». (L’Humanite, 26.03.07)

“La guerre en Irak **coûte** 720 millions de dollars par jour...” (L’Humanité, 26.03.07)

Пер.: «Война в Ираке и Афганистане **стоит** 720 миллионов долларов в день...» (L’Humanité, 26.03.07)

“**Le coût** des guerres de Washington en Irak et en Afganistan devrait atteindre entre 1 200 et 1 700 milliards de dollars” (L’Humanité, 12.03.08)

Пер.: «**Стоимость** войны, которую ведёт Вашингтон в Ираке и Афганистане составит от 1 200 до 1 700 миллиардов долларов». (L’Humanité, 12.03.08)

Как товар в войну можно вкладывать деньги:

“L’administration Bush, elle, a choisi de **financer** la guerre par l’emprunt”. (Le Monde, 22.05.08)

Пер.: «Администрация Буша решила **финансировать** войну за счет займов». (Le Monde, 22.05.08)

Все лексические единицы, связанные с темой «война – это товар» имеют крайне отрицательную коннотацию, так как покупать, продавать или

финансировать то, что разрушает человеческие жизни – это поистине бесчеловечно.

Модель «*Война – это проявление стихии*» служит еще одним источником метафор, способных образно представить зло в политической сфере, сравнивая ее когнитивной областью «*Природные явления, несущие опасность для человека*». В этом случае война репрезентирована при помощи таких глаголов, как: разразиться, вспыхнуть, разрушить – или через образы конкретных природных явлений:

“*Elle (guerre) éclate parfois au grand jour...*” (Le Figaro, 23.03.2008)

Пер.: «*Она (война) разразилась...*» (Le Figaro, 23.03.2008)

“*...et sans prendre le risque de voir éclater un conflit entre l’Irak et la Turquie...*” (Le Figaro, 22.10.2007)

Пер.: «*...не боясь увидеть как разразится конфликт между Ираком и Турцией...*» (Le Figaro, 22.10.2007)

“*...les conséquences des décisions prises au moment des faits dans l’incertitude de l’action et le «brouillard de la guerre».*” (Le Figaro, 19.05.08)

Пер.: «*...последствия принятых решений зависят от момента свершившегося факта, от уверенности в действиях и от «тумана войны».*» (Le Figaro, 19.05.08)

“*La guerre civile fait rage en Somalie depuis 1991*”. (Liberation, 02.05.08)

Пер.: «*Гражданская война свирепствует в Сомали с 1991 года.*» (Liberation, 02.05.08)

Использованные в приведённых фрагментах аналогии с природными явлениями позволили автору статьи вызвать у читательской аудитории отрицательное эмоционально-оценочное отношение к представляемым событиям, так как глагольные единицы *éclater*, *faire rage* /разразиться, вспыхнуть, разрушить, свирепствовать/ несут в себе пейоративную коннотацию.

Однако использованные в тексте статьи метафоры с отрицательной коннотацией могут нередко имплицитно нести и положительную нагрузку.

Например, в следующем примере мы можем видеть, что прилагательные «ravagée» и «accusée», несущие в себе элемент пейоративности, создают положительный образ Абхазии, которая, несмотря на все сложности и проблемы, стремится к самостоятельности:

*“**Ravagée** par la guerre de 1992-1993, puis accusée d’avoir forcé à l’exil les Géorgiens de la région, la petite Abkhazie s’est enfin prise à croire qu’elle pourrait aussi voir bientôt reconnaître son droit à l’autodétermination”.* (Liberation, 21.04.08)

Пер.: *«Опустошённая в ходе войны 1992-1993 годов, обвинённая затем в применении силы против грузин региона, маленькая Абхазия в конечном итоге добьётся однажды своего права на самоопределение».* (Liberation, 21.04.08)

Модель «Война – преступник, убийца» также широко представлена в политическом дискурсе, демонстрируя материальный, физический и моральный ущерб: она калечит и убивает людей и нарушает законы. Данные метафорические модели несут в себе несомненно отрицательную эмоционально-оценочную характеристику.

*“Ce tribunal, crée en 2002, est chargé de juger les responsables d’exactions commises au cours de la **guerre civile qui a fait 120 000 morts et des milliers de mutilés entre 1991 et 2001**”.* (Le Monde, 02.08.07)

Пер.: *«Трибунал, созданный в 2002 году, должен судить ответственных за действия, совершённые во время **гражданской войны, которая совершила 120 000 смертей и миллионы жертв в 1991 и 2001 годах**».* (Le Monde, 02.08.07)

*“Selon le quotidien El Universal, le nord du Mexique totalise, depuis le début de l’année, **1 356 victimes de la guerre**”.* (Le Monde, 22.05.08)

Пер.: *«Согласно ежедневной газете " El Universal ", на севере Мексики живут с начала года **1 356 жертв войны**»* (Le Monde, 22.05.08)

*“Une guerre qui **donne la mort...**”* (L’Humanite, 05.05.07)

Пер.: *«Война, которая **несёт смерть...**»* (L’Humanite, 05.05.07)

“...le bilan total de **la guerre civile** déclenchée en 1983 a environ 70 000 morts”. (Le Monde, 03,01.08)

Пер.: «**В итоге гражданская война, развязанная в 1983 году имеет 70 000 смертей**» (L’Humanite, 05.05.07)

“Après une année consacrée à la reflexion sur les causes du conflit, Ehren Watada, jeune lieutenant d’artillerie de vingt-huit ans, avait annoncé en janvier 2005, dans une lettre à ses superieurs, qu’il refusait de partir en Irak pour une **guerre qui “viole la Constitution”**”. (L’Humanite, 09.02.07)

Пер.: «После года, проведенного в размышлениях о причинах конфликта, Эрен Вапада, молодой лейтенант артиллерии двадцати восьми лет, в январе 2005 года объявил в письме своему начальству, что отказывается ехать в Ирак на **войну, которая «нарушает Конституцию»**». (L’Humanite, 09.02.07)

“**La guerre en Irak a transforme le vieux conflit entre chiites et sunnites en y ajoutant une signification géopolitique moderne et en l’étendant dans toute la région**”. (Le Figaro, 21.05.2008)

Пер.: «**Война в Ираке трансформировала старый конфликт между шиитами и суннитами, придав ему современное геополитическое значение и распространив его на весь регион**». (Le Figaro, 21.05.2008)

“...pour les Etats-Unis, **la guerre est un moyen d’asseoir leur pouvoir**”. (L’Humanite, 11.02.03)

Пер.: «... для Соединенных Штатов **война-это способ укрепить свою власть**». (L’Humanite, 11.02.03)

Модель «**Война – театр**». Ее появление обусловлено конвенциональным образом войны как театра военных действий по аналогии с театральным представлением, в котором есть актеры, играющие каждый свою роль в пьесе, которая имеет свой сценарий. Использование метафорических конструкций с подобными сравнениями позволяет коммуникатору дать отрицательную оценку, вызывая негативные эмоции посредством напоминания читательской аудитории, что война - это

практически всегда чья-то «пьеса», «сценарий» которой продуман определёнными политическими кругами и «актёры» которой заранее отобраны из числа стран, политическое руководство которых не желает отказываться от своей свободы, идеологии, религии, территориальной собственности:

*“Pour cet ancien enfant-soldat, **acteur** et victime de la guerre civile dans son pays”.* (La Croix, 16.01.08)

Пер.: «За этого древнего ребенка-солдата, **актера** и жертву гражданской войны в своей стране». (La Croix, 16.01.08)

*“Un **scénario** plus dramatique serait celui d’une nouvelle guerre, toujours menaçante dans cette région.”* (Libération, 21.04.08)

Пер.: «Более драматичным **сценарием** была бы новая война, все еще угрожающая этому региону.» (Libération, 21.04.08)

Война может быть художником, писать картины, менять пейзажи, смещать границы и как картины художника данные зарисовки могут вызывать самые разные чувства, как положительные, так и отрицательные:

*“Au niveau mondial, **la guerre des Six-Jours a totalement changé l’image d’Israël, notamment dans le tiers-monde”.*** (L’Humanité, 05.06.07)

Пер.: «На глобальном уровне Шестидневная **война** полностью изменила имидж Израиля, особенно в странах третьего мира». (L’Humanité, 05.06.07)

О том, каким стал образ Израиля после войны, можно только догадываться.

Модель «Война это учитель». Война может быть представлена и как учитель, который дает свои наставления и уроки которого должны «быть выучены»:

*“Pourtant il faut **tirer les leçons de cette guerre...**”* (L’Humanité, 19.03.07)

Пер.: «Тем не менее, нужно **извлечь уроки из этой войны...**» (L’Humanité, 19.03.07)

Метафора «*tirer les leçons de cette guerre*» /*извлечь уроки из этой войны*/ несёт в себе положительную коннотацию: война закончилась и сделанные из неё выводы могут помочь в дальнейшем не допустить её повторения.

Война может быть средством общения: посредством войны отвечают или возражают:

“*La guerre avec la Jordanie contredit l'intérêt national d'Israël*”.
(*L'Humanité*, 05.06.07)

Пер.: «**Война** с Иорданией **противоречит** национальным интересам Израиля./ (*L'Humanité*, 05.06.07)

“*Mais en répondant au terrorisme par une guerre illégitime et mal ciblée, les Etats-Unis ont surtout aidé les islamistes à faire du monde une fosse commune*”. (*Le Monde*, 22.05.08)

Пер.: «**Но, отвечая** на терроризм незаконной и плохо нацеленной **войной**, Соединенные Штаты, прежде всего, помогли исламистам превратить мир в братскую могилу». (*Le Monde*, 22.05.08)

Война может быть представлена при помощи метафорической модели «Война-растение»: война так же имеет свои корни и она есть почва для произрастания других общественных явлений:

“*Les plus jeunes, dont l'hostilité à l'encontre des Etats-Unis a pris racine dans la guerre en Irak, ont des problèmes qui en feront sourire plus d'un*”.
(*Libération*, 13.05.08)

Пер.: «**У** молодых людей, чья враждебность к Соединенным Штатам **пустила корни** в войне в Ираке, есть проблемы, которые заставят улыбнуться не одного из них». (*Libération*, 13.05.08)

Модель «*Война – человек, живое существо*». Достаточно частотной когнитивной метафорой является модель, персонифицирующая войну: она растёт, развивается, питается, существует, совершает яхабитуальные, повторяющиеся действия, что имплицитно несёт угрозу возможности её повторения (пейоративная коннотация):

“Elle (guerre) se nourrit de toutes les faiblesses de l’Etat libanais...” (Le Figaro, 25.03.2008)

Пер.: *«Она (война) питается всеми слабостями ливанского государства...» (Le Figaro, 25.03.2008)*

Так же война имеет свои характерные черты, они в основном известны и не имеют положительной характеристики:

*“Vous relevez un autre **trait de la guerre** de la Révolution française...” (L’Humanite, 28.12.04)*

Пер.: *«Вы отмечаете еще одну **черту войны** Французской революции...» (L’Humanite, 28.12.04)*

*“...l’auteur décrit ensuite **les grands traits de ces guerres civiles**”.*
(L’Humanite, 18.12.07)

Пер.: *«...затем автор описывает **основные черты этих гражданских войн**”.* (L’Humanite, 18.12.07)

Очень часто в политическом дискурсе встречаются модели, показывающие движение войны: она ведет, возвращается, может пересекать границы государств, она имеет свое направление, путь, в нее можно погрузиться:

*“Marquant a difference avec sa rivale qui avait approuvé **l’entrée en guerre**, Barack Obama...”.* (L’Humanité, 28.04.07)

Пер.: *«Отмечая разницу со своим соперником, который одобрил **вступление в войну**, Бараком Обамой...» (L’Humanité, 28.04.07)*

*“...la guerre qui toujours **revient**...” (L’Humanité, 05.05.07)*

Пер.: *«война, которая всегда **возвращается**...» (L’Humanité, 05.05.07)*

*“Mais le pire serait **un retour à la guerre civile**”, souffle Saoussan...”*
(Libération, 15.05.08)

Пер.: *«Но худшим было бы **возвращение к гражданской войне** - вздыхает Сауссан...».* (Libération, 15.05.08)

*“La France s’oppose à toute résolution de l’ONU ouvrant **la voie à la guerre**”.* (L’Humanite, 11.02.03)

Пер.: «Франция выступает против любой резолюции ООН, открывающей **путь к войне**.» (L'Humanite, 11.02.03)

“...comme le journal As-Safir qui craint «de nouvelles guerres qui pourraient **dépasser les frontières libanaises**”. (Paris Match, 29.02.08)

Пер.: «... газета As-Safir кричит о новых войнах, которые могут **выйти за пределы** ливанских границ» (Paris Match, 29.02.08)

“Pas du tout, je suis parti parce que je ne veux pas que le Tchad **replonge dans une guerre civile**”, a-t-il poursuivi.” (Paris Match, 20.12.07)

Пер.: «Вовсе нет, я ушел, потому что не хочу, чтобы Чад снова **погрузился** в гражданскую войну», -продолжил он.» (Paris Match, 20.12.07)

“Le pays **va à la guerre civile**”, a-t-il dit.” (Paris Match, 28.12.07)

Пер.: «Страна **идёт к гражданской войне**, сказал он» (Paris Match, 28.12.07)

Данные метафорические конструкции имплицитно показывают неизбежность войны, которая может «двигаться», что, безусловно, нередко показывает её неизбежность.

Война окончена: она имеет начало и конец:

“Le président américain George W. Bush a appelé hier la communauté internationale à **en finir** “une bonne fois pour toutes” **avec le conflit au Darfour...**” (Les Echos, 20.02.08)

Пер.: «Американский президент Джордж Буш призвал международное сообщество **положить конец конфликту** в Данфуре» (Les Echos, 20.02.08)

“...qu'ils s'agit d'une mission impossible faute de **mettre fin à la guerre et pardessus tout au conflit israélo-palestinien**.” (L'Humanite, 01.12.07)

Пер.: «...речь идёт о невозможной миссии, если она не **положит конец войне** и не положит конец всему израильско-палестинскому конфликту». (L'Humanite, 01.12.07)

“Le gouvernement libanais a annoncé hier l'annulation des mesures prises contre le Hezbollah, qui avait conduit aux pires affrontements

intercommunautaires au Liban depuis la fin de la guerre civile dans ce pays en 1990.» (Le Figaro, 25.03.2008)

Пер.: «Вчера правительство Ливана объявило об отмене мер, принятых против "Хезболлы", которые привели к худшим межобщинным столкновениям в Ливане с момента **окончания** Гражданской **войны** в этой стране в 1990 году.» (Le Figaro, 25.03.2008)

Наиболее полно в политическом дискурсе освещена модель «Война-катастрофа». Данная метафорическая модель затрагивает такие темы, как, война – это страх, тревога, ужас, смертельная угроза, опасность, что, безусловно, имеет отрицательную эмоционально-оценочную коннотацию:

*“Non seulement une guerre contre l’Iran serait une **catapulte** supplémentaire dans un monde qui n’en a pas besoin”.* (L’Humanité, 19.09.07)

Пер.: «Мало того, что война с Ираном была бы дополнительной **катапульти** в мире, который в ней не нуждается». (L’Humanité, 19.09.07)

“Ces quelques vers extraits des Poèmes de Lou d’Apollinaire symbolisent le rôle de l’amour comme une sorte de refuge, ou le soldat puise la force de faire face aux horreurs de la guerre”. (L’Humanité, 1.12.07)

Пер.: «Эти несколько стихов, взятых из стихотворений Лу Д’Аполлинера, символизируют роль любви как своего рода убежища, где солдат черпает силы, чтобы противостоять **ужасам войны**». (L’Humanite, 1.12.07)

*“La guerre.... est une **horreur absolue**...”* (L’Humanité, 18.12.07)

Пер.: «Война...это **абсолютный страх**...» (L’Humanité, 18.12.07)

*“Meme chef de l’OTAN, Wesley Clark, voit un **danger** concret de guerre”.* (L’Humanite, 19.03.07)

Пер.: «Даже один из руководителей НАТО Уэсли Кларк видит конкретную **опасность** в войне» (L’Humanite, 19.03.07)

Так же, на наш взгляд, необходимо уделить внимание тем эпитетам, с которыми наиболее часто сочетается «война» в политическом дискурсе, так

как они необходимы для полного понимания образного компонента анализируемого концепта.

Чаще всего рядом со словом война в политическом дискурсе встречаются такие слова-определения, как: безжалостная, нескончаемая, кровавая, незаконная, аморальная, сфабрикованная:

*“Mais en répondant au terrorisme par une **guerre illégitime et mal ciblée**, les Etats-Unis ont surtout aidé les islamistes à faire du monde une fosse commune”.* (Le Monde, 22.05.08)

Пер.: *«Но, отвечая на терроризм **незаконной и плохо нацеленной войной**, Соединенные Штаты, прежде всего, помогли исламистам превратить мир в братскую могилу»* (Le Monde, 22.05.08)

*“Des causes économiques et sociale, comme le soulignait des 1987, l’Assemblée générale de l’ONU: ces «actes de violence de cette guerre **interminable** trouvent leur origine dans la détresse, les frustrations, les injustices et le désespoir, et conduisent certaines personnes à sacrifier des vies humaines”* (L’Humanité, 16.10.07)

Пер.: *«Причины экономические и социальные 1987 года, как подчёркивала генеральная ассамблея ООН: «акты насилия этой **бесконечной войны** приводят к возникновению проблем, разочарований, несправедливости и депрессии, а также к тому, что определенные лица приносят в жертву людей...».* (L’Humanité, 16.10.07)

*“Avec **une guerre interminable** sur les bras en Irak et en Afghanistan et des menaces que sa puissance militaire écrasante n’a pas pu contenir, l’Amérique sent bien que son rôle dans le monde est à repenser”* (Les Echos, 23.05.08).

Пер.: *«**Нескончаемая война** в Ираке и Афганистане и угрозы для нашей военной мощи, которая не дает покоя, Америка хорошо чувствует свою роль в мире».* (Les Echos, 23.05.08)

*“...il a dit que **la guerre en Irak est “illégalе ou amоrale”**.”.* (L’Humanité, 05.02.07)

Пер.: «... он сказал, что война в Ираке **нелегальная и аморальная**...»
(*L'Humanité*, 05.02.07)

“**La guerre fratricide**, qui oppose le gouvernement sri-lankais aux indépendantistes tamoul a déjà fait plus de 60.000 victimes depuis 1983”.
(*Liberation*, 25.04.08)

Пер.: «**Братоубийственная война** между правительством Шри-Ланки и тамильскими борцами за независимость уже унесла жизни более 60 000 человек с 1983 года. (*Liberation*, 25.04.08)

“Au moins 24 morts dans un attentat au Sri Lanka, 34 jours de bombardements violents et de **guerre sanglante**...” (*Paris Match*, 17.08.07)

Пер.: «По меньшей мере 24 человека погибли в результате взрыва в Шри -Ланке, 34 дня неустойчивой бомбардировки и **кровавой войны**» (*Paris Match*, 17.08.07)

Однако в то же время некоторые издания называют те же самые войны законными, благородными и незначительными, благодаря чему данные метафорические конструкции вызывают у аудитории положительные эмоции:

“...le président Bush a considéré que cette **guerre** avait été «**noble, nécessaire et juste**” (*Le Monde*, 21.03.08).

Пер.: «... президент Буш заявил, что эта **война благородная, необходимая и справедливая**» (*Le Monde*, 21.03.08)

“Ce n'est encore qu'une guerre en miniature...”. (*Le Monde*, 21.05.08)

Пер.: «**Это всего лишь война в миниатюре**...» (*Le Monde*, 21.05.08)

Таким образом, интерпретированный анализ и анализ сочетаемости имени концепта «**guerre**» позволяют определить концептуальные метафоры, которые активно используются в политическом дискурсе для концептуализации войны.

Анализ метафорических схем концептуализации войны («**guerre**») в современном французском новостном дискурсе (152 вербальных

репрезентации) позволил обобщить результаты проведенного анализа в виде Таблицы 5.

Таблица 5.

**Сферы-источники метафорической концептуализации войны
(«guerre»)**

Сфера-источник	Количество текстовых фрагментов	% использования в газетном тексте
Преступление	27	17,7%
Катастрофа	24	15,7%
Болезнь	19	12,6%
Природные явления	17	11,3%
Игра	12	7,9%
Спорт	10	6,7%
Человек	9	5,9%
Товарооборот	8	5,4%
Театр	6	3,9%
Средства общения	6	3,9%
Растительный мир	5	3,7 %
Обучение	4	2,7%
Имидж-мейкинг	3	1,8%
Правосудие	2	1,2%

Проведённый анализ показал наибольшую частотность использования сфер-источников «Преступление», «Катастрофа», «Болезнь», что, безусловно, наиболее ярко показывает трагедию войны как конфликта между государствами, ведущего к трагическим действиям. Наименее частотными оказались сферы-источники «Средство общения», «Имидж-мейкинг» и

«Правосудие» как сферы, не акцентирующие внимание на сущности военного конфликта и военных действий.

Семиотическое наполнение концепта «война» осуществляется на базе ассоциаций, связанных со сценарием, участниками, применяемым оружием и стратегиями, а также всем спектром негативных эмоций, сопряженных с разворачиванием баталлий.

Как показал анализ, гештальт войны имеет сценарную структуру, разворачивающуюся в конкретной пространственной и временной перспективах. Образ войны динамичен, с одной стороны, и ретроспективен, с другой. Вместе с тем, он представлен ментальным фреймом памяти и психоэмоциональным фреймом переживаемого состояния. В плоскости межгосударственных отношений концепт войны допускает прогностические сценарии разворачивания конфликта в виде военных действий. Синхронный пласт военного столкновения в материалах прессы передает весь накал событий с передовой от лица участников боевых действий или военных репортеров.

Аксиологический пласт метафорической репрезентации войны обусловлен идеологической позицией средств массовой информации и ориентирован на определенную группу реципиентов, разделяющий с изданием позицию оценки событий, а также на широкую аудиторию читателей, на которую направлены персуазивные стратегии СМИ.

Посредством обращения к данным языковых ассоциаций к словам война и *guerre* мы выявили универсальные для этих языков механизмы формирования образа войны.

По данным Проекта ассоциаций слов (<https://sinonim.org/as/война.12.14.2022>) зафиксировано 914 реакций на слово *война*, наиболее частотными из которых являются следующие:

смерть, мир, оружие, солдаты, победа, танк, кровь, бой, страх, боль, битва, армия, бомба, автомат, убийство, голод, враг, ужас, поражение, сражение, взрыв, слёзы, горе, огонь.

В Русском ассоциативном словаре (<http://thesaurus.ru/dict/сoвaрь>) приводится 970 ассоциатов:

мир 92, мир 51, смерть 28, Отечественная 18, страшная 17, ужас 14, жестокая 12, горе 9, страх 7, кровь 7, взрыв.6, битва 5, гибель 5.

Во Французском Ассоциативном Словаре (<http://dictaverf.nsu.ru/pages/search/gfasa.php?method=dir&num=1>) отмечено 1400 ассоциаций к лексеме *guerre*:

paix 322; mort 99; conflit 38; bataille 35; arme 32; armes, morts 30; mondiale 28; armée 26; combat 24; sang 22; froide 17; soldat, violence 13; bombe, horreur 10; civile 9; destruction 8; war 7; fusil, massacre, soldats 6; religion, seconde 5; combats, famine, feu, haine, histoire, militaire, monde, mondial 4 /мир 322; смерть 99; конфликт 38; битва 35; оружие 32; оружие, погибшие 30; мир 28; армия 26; бой 24; кровь 22; холод 17; солдат, насилие 13; бомба, ужас 10; гражданское население 9; разрушение 8; война 7; винтовка, резня, солдаты 6; религия, вторая 5; бои, голод, пожар, ненависть, история, военные, мир, мир 4.

Отметим, что во французском и русском языках ассоциативные ядра практически идентичны, что вытекает из общечеловеческих ценностей людей разных национальностей. Ценностные оппозиций «война – мир» и «жизнь – смерть»/ «*vie – mort*» и «*guerre – paix*» составляют онтологические оппозитивные пары, как было установлено по данным словарей и текстовых фрагментов. Вечные проблемы борьбы добра и зла становятся точкой отсчёта в смыслопорождении ценностных ориентиров и в построении духовной парадигмы модели мира.

Война, обнажая истинность человеческого бытия, формирует семиотико-когнитивное пространство через следующие метафорические модели: морбиальную, людическую, спортивную, театральную, криминальную, имиджевую, образовательную, торговую, антропологическую, коммуникативную, флористическую, юридическую акцидентальную.

Выводы к Главе 3.

Метафора трактуется нами как один из видов семиологических знаков, обладающих поликодовым потенциалом, в силу чего метафорические образы эксплуатируют вербальную и невербальную символику семиотического континуума. Дискурсивное воплощение метафоры классифицируется по плану содержания, по типу контекста и особенностям использования. Функционируя в ментальном пространстве как объект естественного семиозиса, метафора в семиотическом континууме политической коммуникации продуцирует широкий спектр смыслов и векторов их дешифровки.

В процессе исследования выделены источники сферы переноса когнитивных признаков, формирующих концептуальные метафоры в политической медийной коммуникации. По частотности обращения к данным сферам они распределяются следующим образом: животные (24,71%), части тела (16,7), природные явления (16,1%), погодные явления (15,6%), внешний облик человека (13,7%), поведенческие реакции (3,2%), болезнь (2,7%), физическая активность (2,4%), психологическое состояние человека (2,1%), драгоценные металлы (1,4%), музыка (0,5%), религия (0,4).

Так, анималистическая метафора как результат переноса из сферы-источника **Животные** (24,7%) в область цели Политику составляет нуклеарную часть. Соматизмы, образованные в результате переноса из области **Части тела**, составили околоядерную зону (16,7), а также **Природные явления** – 16,1%. Приводимые результаты соотносятся с древнейшими архетипами мировидения и мироустройства.

Зооморфные образы традиционны для метафор в политическом медиадискурсе. Метафорическая концептуализация фрагмента политической картины мира реализуется за счет переноса специфики повадок животных, специфики их облика и языка их биокommunikации на человека как прием для реализации аксиологической маркированности в медиадискурсе. Отметим универсальность символики животных и их повадок для характеристики

человека в лингвокультурах. Части тела человека символизируют власть, ловкость и умения (рука), движение и опору (ноги), главенство, власть, ум (голова) и т.д. Частотность обращения к области **Природные явление** онтологически связана с верой в богов и духов природы, от милости которых зависела жизнь человека, в силу чего апелляция к данной области покрывает когнитивную сферу страхов и тревожных состояний, обусловленных непредстазуемыми последствиями разгула стихий.

Лингвокогнитивный и семиотический анализ концепта *guerre* «война» в пространстве медиатекста рассмотрен на основе понятийной и метафорической составляющих. Выявлено 48 синонимов-номинаторов имени концепта. Определено понятийное ядро концепта «*война, вражда, столкновение*». Описана сценарная структура концепта «*guerre*», которая выстраивается по следующим направлениям:

- Материальность конфликта: физический или вербальный.
- Локация конфликта: внешний или внутренний по отношению к определенному государству.
- Соотношение противников: вместе против одного врага или друг против друга.
- Физический или психологический конфликт.

Сформулирована схема анализа концепта-сценария «*guerre*», которая обусловлена сюжетом разворачивания событий и структурируется фреймами на основе набора стереотипных действий и реакций на них.

Фрейм концепта «*guerre*» во французских СМИ политической тематики, сформирован на базе следующих 10 слотов:

- *initiator belli* – государство, развязывающее войну;
- *exacerbation belli* – провокационные действия одного государства против другого;
- *secondo particeps belli* – второй участник военного конфликта;
- *causa belli* – причина возникновения военной ситуации;

- *status belli* – состояние войны;
- *natura belli* – средства, которыми ведётся война;
- *finis belli* – это то, ради чего ведутся военные действия и та ситуация, которая складывается в стране по окончании военных действий;
- *modus bell i-* вид, разновидность и формы войны;
- *results belli-* итоги войны для обоих государств;
- *effectus belli* - последствия войны для мирового сообщества.

Таким образом, интерпретационный анализ и анализ сочетаемости имени концепта «*guerre*» позволяют определить концептуальные метафоры, которые активно используются в политическом дискурсе для концептуализации войны.

В частотном соотношении сферы-источники метафорической концептуализации *guerre* «войны» во французском дискурсе СМИ распределяются следующим образом: преступление (17,7%), катастрофа (15,7%), болезнь (12,6%), природные явления (11,3%), игра (7,9%), спорт (6,7%), человек (5,9%), товарооборот (5,4%), театр (3,9%), средства общения (3,9%), растительный мир (3,7%), обучение (2,7%), имидж-майкинг (1,8%), правосудие (1,2%).

Выявлены и описаны виды когнитивных метафор, эксплицирующих войну: морбиальная, людическая, спортивная, театральная, криминальная, имиджевая, образовательная, торговая, антропологическая, коммуникативная, флористическая, юридическая, акцидентальная.

Среди них доминантными метафорическими моделями являются следующие модели, репрезентирующие данный концепт: «*Война – это болезнь*», «*Война – это игра/спорт*», «*Война – это театр*», «*Война – это товар*», «*Война – человек, живое существо*».

Аксиологический пласт метафорической репрезентации войны обусловлен идеологической позицией средств массовой информации и ориентирован на определенную группу реципиентов, разделяющий с

изданием позицию оценки событий, а также на широкую аудиторию читателей, на которую направлены персуазивные стратегии СМИ.

Во французском и русском языках ценностные оппозиции «*война – мир*» и «*жизнь – смерть*»/ «*vie – mort*» и «*guerre – paix*» составляют онтологически оппозитивные пары.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Исследование концептуальной метафоры во французской политической коммуникации было осуществлено с позиций интеграции лингвистического знания с когнитологией, семиотикой, культурологией, психологией и коммуникативистикой, с установкой на когнитивно-семиотический подход применительно к изучению метафоры, характеризуемый принципами антропоцентризма, функционализма, экспланаторности.

Борьба за власть, за политическое влияние, за создание в сознании читательской аудитории определённой политической картины мира, за формирование определённого общественного мнения, а также воздействие на аудиторию в целях управления её сознанием – всегда были, есть и будут самыми актуальными вопросами любой реальности, реализация которых осуществляется, прежде всего, посредством средств массовой коммуникации, самый действенным и самым массовым из которых является газетное издание.

Необходимость детализированного анализа языкового пространства газетных текстов была продиктована потребностью изучения метафорико-семиотических характеристик языкового знака, делающих его мощным и эффективным орудием политической борьбы. Разнообразие языковых единиц позволяет авторам создавать яркие текстовые пространства персуазивного характера.

Анализ средств вербализации политической тематики на страницах французских газет позволил выделить особое средство репрезентации, которое не номинируя эксплицитно то или иное явление, факт или событие, служит имплицитным индикатором содержательного, эмоционально-оценочного аспекта суждения, предоставляет аргументированую и убедительную картину представляемого события или явления читательской аудитории.

В текстах политических статей французских СМИ, как и других национальных изданий, проводится стратегия персуазивного воздействия на аудиторию, цель которой – применяя различные вербальные и невербальные средства коммуникации, склонить реципиентов к принятию определённой идеологической позиции, сформировать ожидаемую оценку. Вариативность тактических приемов убеждения продемонстрирована в настоящем исследовании.

Базовые концепты французского политического дискурса, источники концептуальных метафор, их модели и гештальны, проанализированные в работе, рассмотрены как проводники идеологической позиции издания, внедряющего позитивную и/или негативную оценку событий политического театра и их участников.

Таким образом, заявленная *гипотеза* о том, что метафора как синкретичная семиометафорическая структура служит одним из способов кодирования оценочного, эмоционального, аргументативного, персуазивного и других типов смыслов с целью манипулятивного воздействия на сознание читательской аудитории, получила полное подтверждение в результате комплексного анализа на материале французских СМИ.

Проведенное исследование открывает перспективы дальнейших изысканий в области политической метафорологии. В качестве ближайших планов предполагается полиаспектное рассмотрение метафорических составляющих не только базовых, но и периферических концептов в разножанровых текстах французского дискурса.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Алексеева, Л.М. Метафорическая терминологизация и текстопорождение / Л.М. Алексеева // Терминоведение. – М., 1997. – № 1-3. – С. 109-115.
2. Алексеева, Л.М. Термин и метафора: семантическое обоснование метафоризации / Л.М. Алексеева. – Пермь, 1998. – 250 с.
3. Алексеева, Л.М. Терминологическая метафоризация как процесс порождения подобия / Л.М. Алексеева // Терминоведение. – М., 1998. – № 1-3. – С. 34-43.
4. Алексеева, Л.М. Метафоры, которые мы выбираем (опыт описания индивидуальной концептосферы / Л.М. Алексеева // С любовью к языку: сб. науч. тр., посвящ. Е.С. Кубряковой. – М.: ИЯ РАН; Воронеж: Воронеж. гос. ун-т, 2002. – С. 288-298.
5. Алефиренко, Н.Ф. Проблемы вербализации концепта: теоретическое исследование / Н.Ф. Алефиренко. – Волгоград: Перемена, 2003. – 96 с.
6. Андреева, Е.Г. Язык и культура: категоричность высказывания как отражение социокультурных норм в языковых моделях / Е. Г. Андреева // Вестник Русской Христианской гуманитарной академии. – 2008. – Т.9, № 1. – С. 242-251.
7. Анисимова, А.А. Роль метафоры в структуре политического дискурса / А.А. Анисимова. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2006. – Т. 1. – С. 42–44.
8. Анохин, П.К. Эмоции / П.К. Анохин // Психология эмоций. Тексты / под ред. В.К. Вилюнаса, Ю.Б. Гиппенрейтер. – М.: Изд-во МГУ, 1984. – С. 172-177.
9. Апресян, В.Ю. Метафора в семантическом представлении эмоций / В.Ю. Апресян, Ю.Д. Апресян // Вопросы языкознания. – 1993. – № 3. – С. 27-35.
10. Аржанова, И.А. Функции антропоморфной метафоры в англоязычном экономическом дискурсе / И.А. Аржанова // Известия Волгоградского

- государственного педагогического университета. – 2019. – Т. 6, № 139. – С. 161-164.
11. Аристотель. Поэтика; Риторика / Аристотель; пер. с древнегреч. В. Аппельрота, Н. Платоновой. – СПб.: Азбука-классика, 2007. – 348 с.
  12. Арнольд, И.В. Стилистика. Современный английский язык: учебник для вузов / И.В. Арнольд. – М.: Флинта: Наука, 2005. – 384 с.
  13. Арутюнова, Н.Д. Функциональные типы языковой метафоры / Н.Д. Арутюнова // Известия Академии наук СССР. Серия литературы и языка: Сборник. – М.: Наука, 1978. – Т. 37, № 4. – С. 333-343.
  14. Арутюнова, Н.Д. Типы языковых значений. Оценка, событие, факт / Н.Д. Арутюнова. – М.: Наука, 1988. – 341 с.
  15. Арутюнова, Н.Д. Дискурс / Н.Д. Арутюнова // Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В.Н. Ярцева – М.: Сов. энциклопедия, 1990. – С. 136-137.
  16. Арутюнова, Н.Д. Метафора и дискурс: вступительная статья / Н.Д. Арутюнова // Теория метафоры: сборник / под общ. ред. Д.Н. Арутюновой, М.А. Журиной. – М.: Прогресс, 1990. – С. 5-32.
  17. Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. М., 1999. - 920 с.
  18. Аскольдов, С.А. Концепт и слово / С.А. Аскольдов // Русская словесность: от теории словесности к структуре текста: антология / под общ. ред. В.П. Нерознака. – М.: Academia, 1997. – С. 267-279.
  19. Бабаян, В.Н. Различные подходы к определению понятия «дискурс» и его основные характеристики / В.Н. Бабаян // Верхневолжский филологический вестник. – 2017. – № 1. – С. 76-81.
  20. Бабушкин, А.П. Типы концептов в лексико-фразеологической семантике языка / А.П. Бабушкин. – Воронеж: Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 1996. – 103 с.
  21. Бабина Л.В. Особенности интерпретации демотиватора как поликодового текста // Когнитивные исследования языка. 2015. № 21. С.615-619.

22. Бабина Л.В. Вторичные языковые единицы как результат концептуальной деривации с учётом когнитивных доминант // Когнитивные исследования языка. 2020. № 4 (43). С.109-129.
23. Бажалкина, Н.С. К проблеме различных подходов к пониманию дискурса в современном языкознании / Н.С. Бажалкина // Вестник Кемеровского государственного университета. – 2016. – № 1 (65). – С. 156-160.
24. Балли, Ш. Французская стилистика / Ш. Балли. – 2-е изд., стереотип. – М. : Эдиториал УРСС, 2001. – 392 с.
25. Баранов, А.Н. Дескрипторная теория метафоры / А.Н. Баранов. – М.: Языки славянской культуры, 2014. – 632 с.
26. Баранов, А.Н. Русская политическая метафора: материалы к словарю / А.Н. Баранов, Ю.Н. Караулов.. – М.: ИРЯ, 1991. – 193 с.
27. Баранов, А.Н. Словарь русских политических метафор / А.Н. Баранов, Ю.Н. Караулов. – М.: Помовский и партнеры, 1994. – 330 с.
28. Баранов, Г.С. Модели и метафоры в социологии Маркса / Г.С. Баранов // Социологические исследования. – 1992. – № 6. – С. 128-142.
29. Баранов, Г.С. Научная метафора. Модельно-семиотический подход: в 2 ч. Ч. 1 / Г.С. Баранов. – Кемерово: Кузбассвуиздат, 1992. – 112 с.
30. Баранов, Г.С. Метафора в языках религии и науки / Г.С. Баранов // Методология науки: сб. тр. участников всерос. семинара. Вып. 2: Нетрадиционная методология. – Томск: Изд-во Томского ун-та, 1997. – С. 7-9.
31. Бартминьский, Е. Языковой образ мира: очерки по этнолингвистике / Е. Бартминьский; сост. и отв. ред. С.М. Толстая. – М.: Индрик, 2005. – 527 с.
32. Барт Р. Избранные работы: Семиотика: Поэтика: Пер. с фр. / Сост., общ. ред. и вступ. ст. Г.К. Косикова. М.: Прогресс, 1989. 616 с.
33. Безценная, Ж.П. Роль метафоры в политическом дискурсе [Электронный ресурс] / Ж.П. Безценная // Журнал Вестник Харьковского национального автомобильно-дорожного университета. – 2007. – № 36. –

Режим доступа: <http://cyberleninka.ru/journal/n/vestnik-harkovskogo-natsionalnogo-avtomobilno-dorozhnogo-universiteta> (дата обращения: 21.12.22).

34. Бенвенист, Э. Общая лингвистика / Э. Бенвенист; пер. с фр. Ю.Н. Караулова [и др.]; общ. ред. Ю.С. Степанова. – 4-е изд. – М.: ЛИБРОКОМ, 2009. – 446 с.
35. Бессарабова, Н.Д. Изобразительные и выразительные возможности метафор в газетно-публицистической речи: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.01.10 / Бессарабова Нина Дмитриева. – М., 1985. – 24 с.
36. Бессарабова, Н.Д. Метафора как языковое явление / Н.Д. Бессарабова // Значение и смысл слова. – М.: Изд-во МГУ, 1987. – С. 156-173.
37. Бикертон, Д. Введение в лингвистическую теорию метафоры / Д. Бикертон // Теория метафоры: сборник / под общ. ред. Д.Н. Арутюновой, М.А. Журиной. – М.: Прогресс, 1990. – С. 284-306.
38. Бирдсли, М. Метафорическое сплетение / М. Бирдсли // Теория метафоры: сборник / под общ. ред. Д.Н. Арутюновой, М.А. Журиной. – М.: Прогресс, 1990. – С. 201-218.
39. Блумфилд, Л. Язык = Language: [монография] / Л. Блумфилд; пер. с англ. Е.С. Кубряковой, В.П. Мурат; коммент. Е.С. Кубряковой. - 4-е изд. - М.: Либроком, 2010. – 607 с.
40. Блэк, М. Метафора / М. Блэк // Теория метафоры: сборник / под общ. ред. Д.Н. Арутюновой, М.А. Журиной. – М.: Прогресс, 1990. – С. 163-172.
41. Бляхер, Е.Д. Научная метафора: к методологии исследования трансляции знания / Е.Д. Бляхер, Л.М. Волынская // Философские науки. – 1989. – № 2. – С. 29-38.
42. Борискина, О.О. Корпусные исследования политического дискурса в лингвистике / О.О. Борискина, К.М. Шилихина // Политические науки. – 2017. – № 2. – С. 30-53.
43. Борисова, И.Н. Дискурсивные стратегии в разговорном диалоге / И.Н. Борисова. – Екатеринбург: АРГО, 1996. – С. 21-48.
44. Будаев, Э.В. Метафорическое моделирование постсоветской

действительности в российском и британском политическом дискурсе: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20 / Будаев Эдуард Владимирович. – Екатеринбург, 2003. – 220 с.

45. Будаев, Э.В. Становление когнитивной теории метафоры / Э.В. Будаев // Лингвокультурология. – Екатеринбург, 2007. – № 1. – С. 16-32.

46. Будаев, Э.В. Метафора в политическом интердискурсе / Э.В. Будаев, А.П. Чудинов. – Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т, 2006. – 215 с.

47. Будаев, Э.В. Метафора в политической коммуникации: монография / Э.В. Будаев, А.П. Чудинов. – М.: Флинта: Наука, 2008. – 236 с.

48. Буянова, Л.Ю. Эмотивность и эмоциогенность языка: механизмы экспликации и концептуализации / Л.Ю. Буянова, Ю.П. Нечай. – Краснодар: КубГУ, 2006. – 277 с.

49. Ваулина, Е.Ю. Метафорическое значение: соотношение семантики и прагматики / Е.Ю. Ваулина // Лингвистическая парадигма в словаре: виды реализации и способы описания: сб. ст. / под ред. Г.Н. Складчиковой. – СПб.: ИЛИ РАН, 1997. – С. 31-35.

50. Вежбицкая, А. Сравнение градация – метафора / А. Вежбицкая // Теория метафоры: сборник / под общ. ред. Д.Н. Арутюновой, М.А. Журиной. – М.: Прогресс, 1990. – С. 133-153.

51. Вежбицкая, А. Лексикография и концептуальный анализ / А. Вежбицкая. – М.: Языки русской культуры, 2001. – 200 с.

52. Виноградова, С.А. Политический медиадискурс как коммуникативное явление с манипулятивным потенциалом / С.А. Виноградова // Мир науки, культуры, образования. – 2010. – № 4-1. – С. 45-47.

53. Воркачёв, С.Г. Концепт счастья: понятийный и образный компоненты / С.Г. Воркачёв // Известия РАН. Серия лит-ры и языка – 2001. – Т. 60, № 6. – С. 47-58.

54. Воркачев, С.Г. Лингвокультурология, языковая личность, концепт: становление антропоцентрической парадигмы в языкознании / С.Г. Воркачев // Филологические науки. – 2001. – № 1. – С. 64-72.

55. Гак, В.Г. Метафора: универсальное и специфическое / В.Г. Гак // Метафора в языке и тексте / отв. ред. В.Н. Телия. – М.: Наука, 1988. – С. 11-26.
56. Гарипов, Р.К. Метафоризация и текст / Р.К. Гарипов. – Уфа: Изд-во БГПУ, 2009. – 179 с.
57. Геворкян Ирина Арцруновна Когнитивная теория метафоры Эрла Маккормака // Вестник ТГГПУ. 2012. №1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kognitivnaya-teoriya-metafory-erla-makkormaka> (дата обращения: 23.02.2023). с. 18-21
58. Герасимова, И.А. Искусство убеждения в традициях логической науки / И.А. Герасимова, М.М. Новоселов // Мысль и искусство аргументации / отв. ред. И.А. Герасимова. – М.: Прогресс-Традиция, 2003. – С. 9-41.
59. Глазунова, О.И. Логика метафорических преобразований / О.И. Глазунова. – СПб.: Питер, 2000. – 190 с.
60. Греймас, А.Ж. Семиотика. Объяснительный словарь теории языка / А.Ж. Греймас, Ж. Курте // Семиотика / сост., вступ. ст. и общ. ред. Ю.С. Степанова. – М.: Радуга, 1983. – С. 483-550.
61. Гридин, В.Н. Психолингвистические функции эмоционально-экспрессивной лексики: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / Гридин Владимир Николаевич. – М., 1976. – 22 с.
62. Гридин, В.Н. Семантика эмоционально-экспрессивных средств языка / В.Н. Гридин // Психолингвистические проблемы семантики. – М.: Наука, 1983. – С. 113-119.
63. Гришаева, Л.И. Как в медиадискурсе информирование становится манипулированием? / Л.И. Гришаева // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. – 2015. – № 6 (717). – С. 179-190.
64. Грушевская, Е.С. Адресатность в политическом дискурсе: актуализация ценностно-стратегических приоритетов: монография / Е.С. Грушевская; Министерство науки и высшего образования Российской

- Федерации, Кубанский государственный университет. – Краснодар: Изд-во КубГУ, 2019. – 183 с.
65. Грушевская, Т.М. Политический дискурс в аспекте газетного текста / Т.М. Грушевская. – СПб.: Изд-во РГПУ им. А.И.Герцена, 2002. – 116 с.
66. Грушевская, Т.М. Французская пресса через призму выразительных средств языкового пространства [Электронный ресурс] / Т.М. Грушевская // Политематический сетевой электронный научный журнал Кубанского государственного аграрного университета. – 2015. – № 113(09). – Режим доступа: <http://ej.kubagro.ru/2015/09/pdf/87.pdf>. (дата обращения: 15.02.2022).
67. Гуревич, А.Я. Категории средневековой культуры / А.Я. Гуревич. – М.: Искусство, 1984. – 350 с.
68. Гусякова, Е.С. Когнитивное моделирование медиадискурса (к постановке проблемы) / Е. С. Гусякова // Вестник Южно-Уральского государственного гуманитарно-педагогического университета. – 2013. – № 2. – С. 143-154.
69. Дейк, Т.А. ван. К определению дискурса / Т.А. ван Дейк. – Л.: Сэйдж пабликэйшнс, 1998. – 384 с.
70. Демкина, Я.Ю. Концепты-константы политического дискурса / Я.Ю. Демкина // Дискурс. – 2020. – № 6 (1). – С. 121-128.
71. Демьянков, В.З. Политический дискурс как предмет политологической филологии / В.З. Демьянков // Политическая наука. – 2002. – № 3. – С. 31-44.
72. Демьянков, В.З. Текст и дискурс как термины и как слова обыденного языка / В.З. Демьянков // Язык. Личность. Текст: сборник статей к 70-летию Т.М. Николаевой / отв. ред. В.Н. Топоров. – М.: Языки славянских культур, 2005. – С. 34-55.
73. Дергунова, А.А. Структурно-смысловые и прагматические аспекты текстов новостей в различных формах немецкоязычных СМИ: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / Дергунова Анастасия Александровна. – М., 2012. – 184 с.
74. Донскова, О.В. Субъективность и оценочность в семантике слова / О.В.

Донскова // Вопросы семантики лексических единиц. – Уфа: Изд-во БГУ, 1987. – С. 22-26.

75. Дэвидсон, Д. Что означают метафоры / Д. Дэвидсон // Теория метафоры: сборник / под общ. ред. Д.Н. Арутюновой, М.А. Журиной. – М.: Прогресс, 1990. – С. 173-193.

76. Ерилова, С.Л. Метафоризация как способ смыслопостроения в политическом дискурсе: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / Ерилова Светлана Леонидовна. – Тверь, 2003. – 177 с.

77. Ермакова, О.П. Об иронии и метафоре / О.П. Ермакова // Облик слова: сб. статей / сост. и отв. ред. Л.П. Крысин. – М.: ИРЯ, 1997. – С. 48-58.

78. Ермоленко, Г.А. Метафора в языке философии: дис. ... канд. филос. наук: 09.00.01 / Ермоленко Галина Алексеевна. – Краснодар, 2001. – 216 с.

79. Жаботинская, С.А. Принципы построения концептуальных моделей словарей-тезаурусов / С.А. Жаботинская // Когниция. Коммуникация. Дискурс. – Харьков, 2010. – № 1. – С. 75-92.

80. Зарипов, Р.И. Метафорические образы российской власти во французском политическом дискурсе / Р.И. Зарипов // Политическая лингвистика. – 2014. – № 3. – С. 124-128.

81. Звезгинцев, В.А. О цельнооформленности единиц текста / В.А. Звезгинцев // Известия АН СССР. Сер. литературы и языка. – 1980. – Т. 39, № 1. – С. 13-21.

82. Зенкова, А.Ю. Визуальная метафора в социально-политическом дискурсе: методологический аспект / А.Ю. Зенкова // Многообразие политического дискурса. – Екатеринбург, 2004. – С. 39-54.

83. Зиновьева, Е.И. Лингвокультурология: от теории к практике: учебник / Е.И. Зиновьева. – СПб.: СПбГУ; Нестор-История, 2006. – 182 с.

84. Калажокова, Р.З. Дискурс: разновидности, специфика, мнения / Р.З. Калажокова // Молодой учёный. – 2015. – № 10. – С. 1403-1405.

85. Карасик, В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс / В.И. Карасик. – Волгоград: Перемена, 2002. – 477 с.

86. Караулов ; Российская акад. наук, Ин-т русского яз. - Москва : Помовский и партнеры, 1994. 351 с.
87. Кассирер, Э. Сила метафоры / Э. Кассирер // Теория метафоры: сборник / под общ. ред. Д.Н. Арутюновой, М.А. Журиной. – М.: Прогресс, 1990. – С. 33-43.
88. Катермина, В.В. Концепт «образование» в английском массмедийном дискурсе: лингвокультурный аспект: монография / В.В. Катермина, В.В. Егорова. – М.: Флинта, 2021. – 260 с.
89. Катермина В.В., Ширяева Т.А. Лингвосемиотические характеристики метафоры в профессиональном дискурсе // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. 2023. № 1.
90. Ключев, Е.В. Речевая коммуникация. Успешность речевого общения / Е.В. Ключев. – М.: РИПОЛ КЛАССИК, 2002. – 316 с.
91. Кобозева, И.М. Лингвистическая семантика: учеб. пособие / И.М. Кобозева. – М.: УРСС Эдиториал, 2000. – 352 с.
92. Кожедуб, Н.В. Роль мелодики в процессе речевого воздействия в судебной речи / Н.В. Кожедуб // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. – 2010. – № 12. – С. 95-97.
93. Колесов, В.В. Концепт культуры: образ, понятие, символ / В.В. Колесов // Вестник СПбГУ. Сер. 2. – 1992. – № 3. – С. 30-40.
94. Колшанский, Г.В. Объективная картина мира в познании и языке / Г.В. Колшанский. – М.: Едиториал УРСС, 2005. – 128 с.
95. Комлев, Н.Г. Компоненты содержательной структуры слова / Н.Г. Комлев. – 2-е изд., стер. – М.: Едиториал УРСС, 2003. – 192 с.
96. Комлев, Н.Г. Слово в речи. Денотативные аспекты / Н.Г. Комлев. – 2-е изд., стер. – М.: Едиториал УРСС, 2003. – 216 с.
97. Коннова, М.Н. Концептуальные метафоры времени в современном английском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / Коннова Мария Николаевна. – М., 2007. – 21 с.

98. Коржова, М.В. Метафоричность языка в трагедии Шекспира «Отелло» / М.В. Коржова // Ритм и стиль (Ритмические универсалии художественного текста): сб. статей кафедры англ. яз. / под ред. Л.В. Татару. – Балашов: Изд-во БГПИ, 2001. – С. 69-75.
99. Корольков, В.И. Семасиологическая структура метафоры / В.И. Корольков // Ученые записки 1-го МГПИИЯ. – М., 1968. – Т. 41. – С. 49-72.
100. Косилова, М.Ф. Понимание предложения: знание о мире и средства языка / М.Ф. Косилова // Психологический журнал. – 1994. – № 3. – С. 106-116.
101. Косогова, Л.И. Развернутая метафора в английской буржуазной публицистике: на примере журнала «Экономист»: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.01.10 / Косогова Лилия Ивановна. – М., 1985. – 23с.
102. Кострова, О.А. Коммуникативно-синтаксическая организация текста: на материале сложных предложений причинного типа: учеб. пособие / О.А. Кострова. – Куйбышев, 1984. – 84 с.
103. Кострова, О.А. Экспрессивный синтаксис современного немецкого языка / О.А. Кострова. – М.: Флинта: Наука, 2004. – 240 с.
104. Костяев, А.И. Вкусовые метафоры и образы в культуре / А.И. Костяев. – М.: Изд-во ЖИ, 2007. – 160 с.
105. Красных, В.В. Основы психолингвистики и теории коммуникации: лекционный курс / В.В. Красных. – М.: Гнозис, 2001. – 270 с.
106. Краткий словарь когнитивных терминов / Е.С. Кубрякова, В.З. Демьянков, Ю.Г. Панкрац [и др.]; под общ. ред. Е.С. Кубряковой. – М.: Фил. факультет МГУ, 1996. – 245 с.
107. Кретов, А.А. Основы лексико-семантической прогностики / А.А. Кретов. – Воронеж : Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 2006. – 390 с.
108. Крюкова, Н.Ф. Метафора как прагматическое средство при построении художественного текста / Н.Ф. Крюкова // Языковое общение: процессы и единицы: Межвуз. сб. науч. тр. Калининск. гос. ун-та. – Калинин, 1988. – С. 81-86.

109. Крюкова, Н.Ф. Метафора как средство понимания содержательности текста: автореф. дис. ... канд. фил. наук: 10.02.19 / Крюкова Наталия Федоровна. – М., 1988. – 19 с.
110. Крюкова, Н.Ф. О метафорической «многозначности» и «однозначности» / Н.Ф. Крюкова // Стилистика как общефилологическая дисциплина. – Калинин: Калинин. гос. ун-т, 1989. – С. 114-120.
111. Крюкова, Н.Ф. Средства метафоризации и понимание текста / Н.Ф. Крюкова. – Тверь: Твер. гос. ун-т, 1999. – 128 с.
112. Крюкова, Н.Ф. Культурно-национальный компонент метафоризации / Н.Ф. Крюкова // Материалы международной конференции, посвященной 60-летию факультета иностранных языков. – Тверь: Твер. гос. ун-т, 2003. – Ч. 1. – С. 91-100.
113. Крюкова, Н.Ф. Метафорика и смысловая организация текста: монография / Н.Ф. Крюкова. – Тверь: Твер. гос. ун-т, 2000. – 163 с.
114. Кубрякова, Е.С. Виды пространства, текста и дискурса / Е.С. Кубрякова, О.В. Александрова // Категоризация мира: пространство и время: материалы научной конференции. – М.: Диалог-МГУ, 1997. – С. 15-26.
115. Кубрякова, Е.С. Концепт / Е.С. Кубрякова // Краткий словарь когнитивных терминов / под общ. ред. Е.С. Кубряковой. – М.: Изд-во МГУ, 1996. – С. 90-93.
116. Курганова, Н.И. К выделению ключевых концептов общественно-политического дискурса / Н.И. Курганова // Вестник МГЛУ. Сер. 1: Филология. – Минск, 2019. – № 1 (98). – С. 73-80.
117. Лагута, О.Н. Метафорология: теоретические аспекты. Ч. 2 / О.Н. Лагута. – Новосибирск: Новосиб. гос. ун-т, 2003. – 207 с.
118. Лакофф, Д. Метафоры, которыми мы живем / Д. Лакофф, М. Джонсон // Теория метафоры: сборник / под общ. ред. Д.Н. Арутюновой, М.А. Журиной. – М.: Прогресс, 1990. – С. 387-415.
119. Ларина, О.В. Концептуальная метафора в англоязычном и

русскоязычном политическом дискурсе / О.В. Ларина, Е.В. Иванова // Лингвистика и методика в высшей школе: сб. науч. ст.: в 2 ч. Ч. 2 / Гродненский гос. ун-т им. Янки Купалы; отв. ред. В.С. Истомин. – Гродно: ЮрСаПринт, 2013. – С 87-92.

120. Лату М.Н. Мемы и демотиваторы о самоизоляции: коррелирующие смысловые компоненты и типы семантических отношений / Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2: Языкознание 2022. Т.21. № 4. С. 20-37.

121. Левин, Ю.И. Структура русской метафоры / Ю.И. Левин // Ученые записки Тартуского государственного университета. Труды по знаковым системам. – Тарту, 1965. – Т. 2, вып. 181. – С. 293-299.

122. Литвинова, Е.А. Метафорический образ России во французском политическом дискурсе / Е.А. Литвинова // Вестник Воронежского государственного университета. Сер.: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2009. – № 1. – С. 47-49.

123. Лихачев, Д.С. Концептосфера русского языка / Д.С. Лихачев // Русская словесность: от теории словесности к структуре текста: антология. – М.: Academia, 1997. – С. 280-287.

124. Лосев, А.Ф. Очерки античного символизма и мифологии / А.Ф. Лосев. – М.: Мысль, 1994. – 962 с.

125. Лотман, Ю.М. Текст в тексте / Ю.М. Лотман // Труды по знаковым системам. Вып. 14. – Тарту: Тартуский гос. университет, 1981. – С. 3-18.

126. Лотман, Ю.М. Внутри мыслящих миров: человек – текст – семиосфера – история / Ю.М. Лотман. – М.: Языки русской культуры, 1999. – 447 с.

127. Лотман, Ю.М. Семиосфера / Ю.М. Лотман. – СПб.: Искусство-СПБ, 2000. – 703 с.

128. Лохова, С.К. Игра слов в политическом дискурсе: компьютерный анализ политической метафоры: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.21 / Лохова Светлана Константиновна. – М., 2007. – 185 с.

129. Лучинская, Е.Н. Концепты культуры в постмодернистском дискурсе / Е.Н. Лучинская // Человек. Язык. Культура: сб. науч. ст., посвящ. 60-летнему юбилею проф. В.И. Карасика / отв. соред. В.В. Колесов, М.Влад. Пименова, В.И. Теркулов. – Кемерово; Волгоград: Изд-во ВГСПУ, 2013. – Вып. 2. – С. 338-345.
130. Маккормак, Э. Когнитивная теория метафоры / Э. Маккормак // Теория метафоры: сборник / под общ. ред. Д.Н. Арутюновой, М.А. Журинской. – М.: Прогресс, 1990. – С. 358-386.
131. Мартынова, Ю.А. Метафора в современном политическом дискурсе [Электронный ресурс] / Ю.А. Мартынова // Известия Саратовского университета. Новая серия. Сер.: Социология. Политология. – 2008. – Т. 8, № 1. – С. 125-129. – Режим доступа: <http://elibrary.ru> (дата обращения: 25.10.2021).
132. Масленникова, А.А. Лингвистическая интерпретация скрытых смыслов / А.А. Масленникова. – СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 1999. – 264с.
133. Медведева, Е.А. Манипуляция сознанием с использованием концептуальной метафоры в первичном политическом дискурсе [Электронный ресурс] / Е.А. Медведева, Н.А. Спицына // В мире науки и искусства: вопросы филологии, искусствоведения и культурологии. – 2013. – № 28. – С. 99-112. – Режим доступа: <http://elibrary.ru> (дата обращения: 16.02.2022).
134. Миллер, Д. Образы и модели, уподобления и метафоры / Д. Миллер // Теория метафоры: сборник / под общ. ред. Д.Н. Арутюновой, М.А. Журинской. – М.: Прогресс, 1990. – С. 236-284.
135. Мингалёва, О.В. Политическая метафора как механизм когнитивного моделирования действительности: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / Мингалёва Ольга Викторовна. – М., 2019. – 168 с.
136. Минский, М. Фреймы для представления знаний / М. Минский. – М.: Энергия, 1979. – 152 с.

137. Моргун, Е.А. Концептуализация инаугурационного дискурса: на примере инаугурационных речей американских президентов / Е.А. Моргун // Вестник Челябинского государственного университета. – 2010. – № 11 (192). – С. 81-86.
138. Москвин, В.П. Классификация русских метафор / В.П. Москвин // Языковая личность: культурные концепты: сб. науч. тр. – Волгоград: Перемена, 1996.
139. Москвин, В.П. Русская метафора. Семантическая, структурная, функциональная классификация: учеб. пособие к спецкурсу по стилистике / В.П. Москвин. – Волгоград: Перемена, 1997. – 91 с.
140. Москвин, В.П. Русская метафора: параметры классификации / В.П. Москвин // Филологические науки. – 2000. – № 2. – С. 66-74.
141. Москвин, В.П. Русская метафора: очерк семиотической теории / В.П. Москвин. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: УРСС, 2006. – 182 с.
142. Москвин В.П. Очерк семиотической теории. М.: ЛЕНАНД, 2006. 181 с.
143. Муминов, Т.А. Проблемы вторичной номинации в лексике (образование переносного значения): автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / Муминов Тохтасын Абдуганиевич. – М., 1978. – 36 с.
144. Нелюбин, Л.Л. Лингвостилистика современного английского языка / Л.Л. Нелюбин. – М.: Флинта: Наука, 2007. – 128 с.
145. Нелюбин, Л.Л. История науки о языке / Л.Л. Нелюбин, Г.Т. Хухуни. – М.: Флинта: Наука, 2008. – 376 с.
146. Нелюбин, Л.Л. Ведение в технику перевода / Л.Л. Нелюбин. – М.: Флинта: Наука, 2009. – 216 с.
147. Никитин, М.В. О семантике метафоры / М.В. Никитин // Вопросы языкознания. – 1979. – № 1. – С. 91-102.
148. Никитин, М.В. Лексическое значение слова: структура и комбинаторика: учеб. пособие / М.В. Никитин. – М.: Высш. шк., 1983. – 127с.
149. Новикова, М.Л. Структура и семантика метафоры как конструктивного компонента художественного текста: автореф. дис. ... канд.

- филол. наук: 10.02.01 / Новикова Марина Львовна. – М., 1983 – 17 с.
150. Нуретдинова, А.Д. Функционирование концептуальных метафор в политическом дискурсе (сопоставительный аспект) / А.Д. Нуретдинова. – Минск: Изд-во БГУ, 2011. – С. 133-136.
151. Опарина, Е.О. Концептуальная метафора / Е.О. Опарина // Метафора в языке и тексте. – М.: Наука, 1988. – С. 65-77.
152. Орлов, Г.А. Современная английская речь / Г.А. Орлов. – М.: Высш. шк., 1991. – 240 с.
153. Ортега-и-Гассет, Х. Две великие метафоры / Х. Ортега-и-Гассет // Теория метафоры: сборник / под общ. ред. Д.Н. Арутюновой, М.А. Журинской. – М.: Прогресс, 1990. – С. 68-81.
154. Ортони, Э. Роль сходства в уподоблении и метафоре / Э. Ортони // Теория метафоры: сборник / под общ. ред. Д.Н. Арутюновой, М.А. Журинской. – М.: Прогресс, 1990. – С. 219-235.
155. Падучева, Е.В. Метафора и ее родственники / Е.В. Падучева // Слово. Текст. Культура: сб. ст. в честь Н.Д. Арутюновой / отв. ред. Ю.Д. Апресян. — М.: Языки славянской культуры, 2003. – С. 187-203.
156. Папина, А.Ф. Текст: его единицы и глобальные категории / А.Ф. Папина. – М.: Едиториал УРСС, 2002. – 368 с.
157. Паршина, О.Н. Стратегии и тактики речевого поведения современной политической элиты России: дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.01 / Паршина Ольга Николаевна. – Саратов, 2005. – 325 с.
158. Пастернак, Е.Л. «Риторика» Лами в истории французской филологии / Е.Л. Пастернак. – М.: Языки славянской культуры, 2002. – 328 с.
159. Пастернак, Е.Л. Теория метафоры в «Опыте» Э.Б. де Кондильяка / Е.Л. Пастернак // Вестник ПСТГУ. – 2004. – №3. – С. 241-247.
160. Петров, В.В. Понимание метафор: на пути к общей модели / В.В. Петров // Метафора в языке и тексте. – М.: Наука, 1988. – С. 165-169.

161. Петров, В.В. Метафора: от семантических представлений к когнитивному анализу / В.В. Петров // Вопросы языкознания. – 1990. – № 3. – С. 135-146.
162. Петрова, З.Ю. Регулярная метафорическая многозначность в русском языке как проявление системности метафоры / З.Ю. Петрова // Проблемы структурной лингвистики. – М., 1989. – Т. 1985-1987. – С. 120-133.
163. Пименова, М.В. Методология концептуальных исследований / М.В. Пименова // Антология концептов. Т. 1. – Волгоград: Парадигма, 2005. – С. 15-20.
164. Пинежанинова, Н.П. И все приобретает новый внезапный смысл... (Интеграция поэтических текстов Арсения Тарковского в фильмы Андрея Тарковского) / Н.П. Пинежанинова // Мир русского слова. – 2011. – № 3. – С. 75-79.
165. Плотникова, С.Н. Политическое дискурсивное пространство: принципы структурирования / С.Н. Плотникова, С.А. Домышева // Политическая лингвистика. – 2009. – № 1 (27). – С. 103-108.
166. Попова, З.Д. Когнитивная лингвистика / З.Д. Попова, И.А. Стернин – М.: АСТ: Восток-Запад, 2007. – 314 с.
167. Преснякова, Н.А. Вместилища чувств: соматические метафоры в русском и английском языках / Н.А. Преснякова // Вестник Новгородского государственного университета. – 2009. – № 52. – С. 62-64.
168. Привалова, И.В. Интеркультура и вербальный знак: лингвокогнитивные основы межкультурной коммуникации / И.В. Привалова. – М.: Гнозис, 2005. – 472 с.
169. Рассохина, М.В. Метафора в языке социологической теории / М.В. Рассохина. – М.: Моск. высш. шк. социальных и экономических наук, 2001. – 80 с.
170. Рикер, П. Живая метафора / П. Рикер // Теория метафоры: сборник / под общ. ред. Д.Н. Арутюновой, М.А. Журиной. – М.: Прогресс, 1990. – С. 435-455.

171. Ричардс, А. Философия риторики / А. Ричардс // Теория метафоры: сборник / под общ. ред. Д.Н. Арутюновой, М.А. Журиной. – М.: Прогресс, 1990. – С. 44-67.
172. Романов, А.А. Политическая лингвистика: функциональный подход / А.А. Романов. – М.; Тверь, 2002. – 191 с.
173. Серио, П. Как читаются тексты во Франции / П. Серио // Квадратура смысла: французская школа анализа дискурса / под ред. П. Серио. – М.: Прогресс, 1999. – С. 12-53.
174. Серио, П. О языке власти: критический анализ / П. Серио // Философия языка: в границах и вне границ / П. Серио, Ю.С. Степанов, Д.И. Руденко [и др.]. – Харьков: Око, 1993. – Т. 1. – С. 83-100.
175. Серль, Дж. Метафора / Дж. Серль // Теория метафоры: сборник / под общ. ред. Д.Н. Арутюновой, М.А. Журиной. – М.: Прогресс, 1990. – С. 307-341.
176. Скляревская, Г.Н. Метафора в системе языка / Г.Н. Скляревская. – СПб.: Наука, 1993. – 150 с.
177. Скребцова, Т.Г. Современные исследования политической метафоры / Т.Г. Скребцова // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 9, Филология. Востоковедение. Журналистика. – 2005. – Вып. 1. – С. 35-46.
178. Слышкин, Г.Г. От текста к символу: лингвокультурные концепты прецедентных текстов в сознании и дискурсе / Г.Г. Слышкин. – М.: Наука, 2000. – 288 с.
179. Сокол, Н.А. Концептуальная структура политического дискурса / Н.А. Сокол, О.И. Уланович // Лингвистическая теория и образовательная практика: сб. науч. ст. / Белорус. гос. ун-т; отв. ред. О.И. Уланович. – Минск: Изд-во БГУ, 2013. – С. 102-112.
180. Соловых, Ю.С. Системное представление метафоры в современной гуманитарной науке / Ю.С. Соловых // Вестник Челябинского государственного университета (Филология. Искусствоведение). – 2010. – № 13 (194). – С. 127-131.

181. Солопова, О.А. Театральная метафора в политическом дискурсе Великобритании [Электронный ресурс] / О.А. Солопова // Политическая лингвистика. – 2006. – № 18. – Режим доступа: <http://cyberleninka.ru/journal/n/politicheskaya-lingvistika> (дата обращения: 03.02.2022).
182. Соссюр Ф. де Курс общей лингвистики <http://www.philol.msu.ru/~discours/images/stories/speckurs/saussure1.pdf> Курс общей лингвистики Екатеринбург Издательство Уральского университета 1999. 360 с.
183. Степанов, Ю.С. Альтернативный мир. Дискурс. Факт и принцип причинности / Ю.С. Степанов // Язык и наука конца XX века: сб. ст. / под редакцией Ю.С. Степанова. – М.: Изд-во РГГУ, 1995. – С. 35-73.
184. Сусов, И.П. История языкознания / И.П. Сусов. – М.: АСТ: Восток-Запад, 2007. – 269 с.
185. Тамерьян Т.Ю., Цаголова В.А. Структурные формулы когнитивной метафоры: образ Ангелы Меркель по материалам немецких СМИ. // журнал ВАК «Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики». 2017. № 3. С. 79–89.
186. Тамерьян Т.Ю., Шаипова А.М. Межпрецедентное семиотическое пространство, или когда гремят пушки, музы не молчат // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. 2022. №4. С.145-166.
187. Телия, В.Н. Метафора как модель смыслопроизводства и её экспрессивно-оценочная функция / В.Н. Телия // Метафора в языке и тексте / отв. ред. В.Н. Телия. – М.: Наука, 1988.
188. Телия, В.Н. Предисловие / В.Н. Телия // Метафора в языке и тексте / отв. ред. В.Н. Телия. – М.: Наука, 1988.
189. Туранина, Н.А. Метафорическое моделирование мира как конструкт реальности в художественном дискурсе / Н.А. Туранина // Наука. Искусство. Культура. – 2015. – №2. – С. 252-256.

190. Туралина, Н.А. Метафорическая составляющая современной женской прозы / Н.А. Туралина, Г.А. Кулюпина, И.Ф. Заманова // Культурная жизнь Юга России. – 2017. – Вып. 1(64). – С. 118-120.
191. Уилрайт, Ф. Метафора и реальность/ Ф. Уилрайт // Теория метафоры: сборник: пер. с англ., фр., нем., исп., польск. яз. / под общ. ред. Д.Н. Арутюновой, М.А. Журиной. – М.: Прогресс, 1990. – С. 82-109.
192. Уфимцева, А.А. Лексическое значение : принцип семиологического описания лексики / А.А. Уфимцева; под ред. Ю.С. Степанова. – 4-е изд. – М.: URSS, 2010. – 239 с.
193. Фанян, Н.Ю. Аргументация как лингвопрагматическая структура: автореф. дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.19 / Фанян Нелли Юрьевна. – Краснодар, 2000. – 49 с.
194. Фененко, Н.А. Французские реалии в контексте теории языка: дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.05, 10.02.19 / Фененко Наталья Александровна. – Воронеж, 2006. – 514 с.
195. Филиппова, М.А. Концепт «Демократия» в американской лингвокультуре / М.А. Филиппова // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. – 2007. – № 2. – С. 18-22.
196. Фрумкина, Р.М. Психоллингвистика: учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений / Р.М. Фрумкина. – М.: Академия, 2003. – 320 с.
197. Фуко, М. Слова и вещи: археология гуманитарных наук: пер. с фр. / М. Фуко. – М.: Прогресс, 1977. – 488 с.
198. Харченко, В.К. Функции метафоры / В.К. Харченко. – Воронеж: Изд-во ВГУ, 1991. – 88 с.
199. Хоккетт, Ч. Проблема языковых универсалий / Ч. Хоккетт; пер. с англ. Е.Л. Гинзбурга и В.З. Санникова // Новое в зарубежной лингвистике. – М.: Прогресс, 1970. – Вып. V. – С. 45-76.
200. Хомский, Н. Язык и мышление / Н. Хомский. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1972. – 121 с.
201. Хорольский, В.В. Информационные войны и проблема «скрытой

- экспрессивности» англоязычного публицистического текста / В.В. Хорольский // Журналистика в 2004: СМИ в многополярном мире: сборник тезисов научно-практической конференции. – М., 2005. – С. 38-39.
202. Храброва, Е.С. Роль и функции метафоры в создании портрета политического деятеля в российском и американском политическом дискурсе: дис. ... кандидата филологических наук: 10.02.01, 10.02.19 / Храброва Екатерина Сергеевна. – Курск, 2010. – 236 с.
203. Цацура, Е.А. Аспекты идеологических точек зрения в англоамериканском массмедийном дискурсе: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / Цацура Елена Александровна. – Иркутск, 2008. – 21 с.
204. Цинковская, Ю.В. Виды художественных метафор в современной русской прозе / Ю.В. Цинковская // Учёные записки ЗабГУ. – 2010. – № 3. – С. 154-158.
205. Чеканова, Е.И. Политическая метафора в современной прессе ФРГ: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / Чеканова Евгения Ивановна. – М., 1999. – 23 с.
206. Ченки, А. Семантика в когнитивной лингвистике / А. Ченки // Фундаментальные направления современной американской лингвистики. – М.: Изд-во МГУ, 1997. – С. 340-369.
207. Черданцева, Т.З. Метафора и символ во фразеологических единицах / Т.З. Черданцева // Метафора в языке и тексте / отв. ред. Н.В. Телия. – М.: Наука, 1988. – С. 78-92.
208. Черкасова, Е.Т. Опыт лингвистической интерпретации тропов / Е.Т. Черкасова // Вопросы языкознания. – 1968. – № 2. – С. 28-38.
209. Чернявская, В.Е. Дискурс власти и власть дискурса: проблемы речевого воздействия: учеб. пособие / В.Е. Чернявская. – М.: Флинта: Наука, 2006. – 136 с.
210. Чудинов, А.П. Политическая лингвистика: учеб. пособие / А.П. Чудинов. – 4-е изд. – М.: Флинта: Наука, 2012. – 256 с.

211. Шаховский, В.И. Проблема разграничения экспрессивности и эмоциональности как семантических категорий лингвостилистики / В.И. Шаховский // Проблемы семасиологии и лингвостилистики. – Рязань, 1975. – Вып. 2. – С. 17-24.
212. Шаховский, В.И. Лексикография и коннотативная семантика / В.И. Шаховский // Лексические и грамматические компоненты в семантике слова. – Воронеж, 1983. – С. 27-34.
213. Шаховский, В.И. Значение и эмотивная валентность / В.И. Шаховский // Вопросы языкознания. – 1984. – № 6. – С. 97-104.
214. Шаховский, В.И. Семасиологический и стилистический аспекты эмотивности / В.И. Шаховский // Стилистика текста в коммуникативном аспекте: межвуз. сб. науч. тр. – Пермь, 1987. – С. 59-68.
215. Шаховский, В.И. Категоризация эмоций в лексико-семантической системе: на материале английского языка: дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.19 / Шаховский Виктор Иванович. – М., 1988. – 402 с.
216. Шейгал, Е.И. Интенсивность как компонент семантики слова в современном английском языке: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / Шейгал Елена Иосифовна. – М., 1981. – 244 с.
217. Шейгал, Е.И. Семиотика политического дискурса: монография / Е.И. Шейгал. – М.; Волгоград: Перемена, 2000. – 367 с.
218. Шейгал, Е.И. Тезаурусные связи и структура концепта / Е.И. Шейгал, Е.С. Арчакова // Язык, коммуникация и социальная среда. – Воронеж, 2002. – Вып. 2.
219. Шибанова, Е.О. Метафорические концептуальные системы в сфере экономики и политики: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / Шибанова Екатерина Олеговна. – М., 1999. – 25 с.
220. Ширяева, Т.А. Метафора как фактор прагма-семантической характеристики текстов публицистического стиля: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / Ширяева Татьяна Александровна. – Пятигорск, 1999. – 18 с.

221. Шитикова, Е.В. Процесс формирования метафорического значения: когнитивный аспект: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / Шитикова Елена Викторовна. – Барнаул, 2002. – 19 с.
222. Шрагина, Л.И. Процесс конструирования метафоры как объект психологического исследования / Л.И. Шрагина // Психологический журнал. – 1997. – Т. 18, № 6. – С. 121-128.
223. Щурина, Ю.В. Метафора как источник комического в современном российском медиа-дискурсе / Ю.В. Щурина // Вестник когнитивной лингвистики. – 2009. – № 4. – С. 116-122.
224. Эко, У. Отсутствующая структура: введение в семиологию: пер. с итал. / У. Эко. – СПб.: Симпозиум, 2004. – 544 с.
225. Эко, У. Роль читателя: исследования по семиотике текста / У. Эко. – М.: Симпозиум: Изд-во РГГУ, 2007. – 510 с.
226. Adam, J.-M. Les textes types et prototypes: récit, description, argumentation, explication et dialogue / J.-M. Adam. – P.: Nathan, 1992. – 224p.
227. Adam, J.-M. Linguistique et discours littéraire. Théorie et pratique des textes / J.-M. Adam, J.-P. Goldenstein. – P.: Larousse, 1976. – 147 p.
228. Adam, J.-M. Pour une pragmatique linguistique et textuelle / J.-M. Adam // L'interprétation des textes / ed. C. Reichler. – P.: Minuit, 1989. – P. 183-222.
229. Alvarez, G.-H. Transitivité et économie de l'objet dans l'énoncé français / G.-H. Alvarez. – P.: [s. n.], 1969. – 165 p.
230. Anderson, J.R. Use of analogy in a production system architecture / J.R. Anderson, R. Thompson // Similarity and analogical reasoning / eds. S. Vosniadou, A. Ortony. – Cambridge: Cambridge University Press, 1989. – P. 267-297.
231. Armengaud, Fr. La pragmatique / Fr. Armengaud. – P.: [s. n.], 1995. – 312 p.
232. Bally, Ch. Linguistique générale et linguistique française / Ch. Bally. – Berne: [s. n.], 1976. – 378 p.
233. Bardies R. Oeuvres complètes. 1962-1967 / nouvelle édition revue, corrigée et présentée par Eric Marty. Paris, Seuil, 2002. V. 2. 1350 p.

234. Barthes, R. *Eléments de sémiologie* / R. Barthes // *Communications*. – 1964. – N 4. – P. 91-144.
235. Barthes, R. *La linguistique du discours* / R. Barthes // *Signe. Langage. Culture*. – P.: [s. n.], 1970. – P. 121-122.
236. Barthes, R. *Le bruissement de la langue. Essais critique III* / R. Barthes. – P.: [s. n.], 1984. – 218 p.
237. Beauvois, J.L. *Processus cognitifs, socio-cognitifs, représentationnels, et ideologie* / J.L. Beauvois // *Représentations sociales et idéologies*. – Cousset (Fribourg): [s. n.], 1991. – P. 65-87.
238. Beauvois, J.L. *Traité de la servitude libérale. Une analyse de la soumission* / J.L. Beauvois. – Paris: Dunod, 1994. – 258 p.
239. Benveniste, E. *L'appareil formel de renonciation* / E. Benveniste // *Langages*. – 1970. – № 17. – P. 167.
240. Benveniste, E. *Remarques sur la fonction du langage dans la découverte freudienne* / E. Benveniste // *Problèmes de linguistique générale*. – P.: Gallimard, 1966. – 423 p.
241. Black M. *More about metaphor* // *Metaphor and thought*. - Cambridge etc., 1979. - P.19-45.
242. Black, M. *Metaphor* / M. Black. – N.Y.: [s. n.], 1984. – 214 p.
243. Blommaert, J. *Language planning as a discourse on language and society: on the linguistic ideology of a scholarly tradition* / J. Blommaert // *Lang. Probl. Lang. Plan.* – 1996. – Vol. 20(3). – P. 199-222.
244. Bollenger, L. *L'expression orale* / L. Bollenger. – P.: PUF, 1979. – 361 p.
245. Cameron, L. and Low, G. (eds) (1999) *Researching and Applying Metaphor*, Cambridge: Cambridge University Press.
246. Cameron, L. (2003) *Metaphor in Educational Discourse*, London: Continuum.
247. Deluise G. *Marcel Proust et les signes*. Paris, Seuil, 1964. 91 p.
248. *Dictionnaire du français au college*. – Paris: Larousse, 2003. – 1406 p.
249. *Dictionnaire encyclopedique*. – Paris: Auzou, 2006. – 2176 p.

250. Dictionnaire encyclopedique. – Paris: Larousse, 2001. – 1690 p.
251. Fontanier, P. Les figures du discours / P. Fontanier. – P.: Flammarion, 1979. – 124 p.
252. Gardt, A. Discursanalyse. Aktueller teoretischer Ort und Methodische Möglichkeiten / A. Gardt // Diskurslinguistik nach Foucault, 2007. – P. 26-52.
253. Gibbs, R.W. (ed) (2008) *The Cambridge Handbook of Metaphor and Thought*, Cambridge and New York: Cambridge University Press.
254. Goatly, Andrew. (2008). *Washing the Brain. Metaphor and Hidden Ideology*. Amsterdam: John Benjamins.
255. Goatly, Andrew. (2008). *Washing the Brain. Metaphor and Hidden Ideology*. Amsterdam: John Benjamins.
256. Grand dictionnaire de la langue française. – Rennes: Bordas, 1976. – 1166 p.
257. Grand dictionnaire encyclopedique. – Paris: Larousse, 1982. – 3328 p.
258. Grand Larousse de la langue française (en sept volumes). V. 2. – Paris: Larousse, 1972. – 1728p.
259. Grodal T. Embodied Visions: Evolution, Emotion, Culture, and Film. New York: Oxford University Press; 2009
260. Harris, Z.S. Discourse Analysis: A Sample Text / Z. S. Harris // Language. 1952. – Vol. 28, № 4. P. 474-494.
261. Hester, M. Metaphor and Aspects Seeing / M. Hester // Journal of Aesthetics. – 1966. – Vol. 25, № 21. – P. 205-212.
262. Kittay, E.F. Metaphor: Its Cognitive Force and Linguistic Structure / E.F. Kittay. – Oxford: Clarendon Press, 1987. – 358 p.
263. Kovecses, Z. Metaphor: A Practical Introduction / Z. Kovecses. – Oxford: Oxford University Press, 2002. – 304 p.
264. Lakoff, G., & Johnson, M. (1980). *Johnson Metaphors We Live by*. Chicago: University of Chicago Press. 242 p
265. Lakoff, G. Metaphor and War. The Metaphor System Used to Justify War in the Gulf [Electronic resource] / G. Lakoff. – 1991. – Access mode: <http://metaphor.uoregon.edu/lakoff-1.htm> (date of the application: 17.03.2022).

266. Lakoff, G. *Where Mathematics Comes From: How the Embodied Mind Brings Mathematics into Being* / G. Lakoff, R.E. Nunez. – N. Y.: Basic Books, 2000. – 493 p.
267. Lakoff, G. *Women, fire and dangerous things what categories reveal about the mind* / G. Lakoff. – Chicago, 1987. – 614 p.
268. Lakoff, G. (2008) 'The neural theory of metaphor', In R.W. Gibbs, (ed.) *The Cambridge Handbook of Metaphor and Thought*, 17-38, Cambridge and New York: Cambridge University Press.
269. Munkler, H. *Politische Bilder, Politik der Metaphern* / H. Munkler. – Frankfurt am Main: Fischer, 1994. – 175 S.
270. Murphy, G.L. *On metaphoric representation* / G.L. Murphy // *Cognition*. – 1996. – Vol. 60, N 2. – P. 173-204.
271. Murphy, G.L. *Reasons to doubt the present evidence for metaphoric representation* / G.L. Murphy // *Cognition*. – 1997. – Vol. 62, N 1. – P. 99-108.
272. Richard, J.-Fr. *Les activités mentales. Comprendre, raisonner, trouver des solutions* / J.-Fr. Richard. – P.: Armand Colin, 1990. – 446 p.
273. Ricoeur, P. *La métaphore vive* / P. Ricoeur. – P.: Edition du Seuil, 1975. – 414 p.
274. Rosch, E. *Principles of categorization* [Electronic resource] / E. Rosch. – Access mode: [Microsoft Word - 04-Rosch PrinciplesOfCategorization.doc \(unifr.ch\)](#) (date of the application: 24.05.2022).
275. Rossari, C. *Connecteurs et relations de discours: des liens entre cognition etsignification* / C. Rossari. – Nancy: Presses universitaires de Nancy, 2000. – 163p.
276. Rossi, E.L. *Psychobiologie de la guérison: La communication corps/esprit au service de la santé*. P.: Le Souffle D'or, 2002. – 447 p.
277. Semino, E. (2008) *Metaphor in Discourse*, Cambridge: Cambridge University Press.
278. Wheeler W. *The Whole Creature: Complexity, Biosemiotics and the Evolution of Culture*. London: Lawrence and Wishart; 2006

Словари

279. Словарь ассоциаций русского языка. <https://sinonim.org/as/война>
280. Проект Карта слов,ру. <https://kartaslov.ru>
281. Аннотированный Французский Ассоциативный Словарь.
<http://dictaverf.nsu.ru/pages/search/gfasa.php?method=dir&num=1> Большой
282. Русский ассоциативный словарь. <http://thesaurus.ru/dict/оварь>

Материалы языкового исследования

283. L'Humanité [Electronic resource]. – Access mode: <https://www.humanite.fr/>
284. La Croix [Electronic resource]. – Access mode: <https://www.la-croix.com/>
285. Le Figaro [Electronic resource]. – Access mode: <https://www.lefigaro.fr/>
286. Le Monde [Electronic resource]. – Access mode: <https://www.lemonde.fr/>
287. Les Echos [Electronic resource]. – Access mode: <https://www.lesechos.fr/>
288. Libération [Electronic resource]. – Access mode: <https://www.liberation.fr/>
289. Liberte [Electronic resource]. – Access mode: <https://www.liberte-algerie.com/>
290. [Paris Match](https://www.parismatch.com/) [Electronic resource]. – Access mode: <https://www.parismatch.com/>